

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1979

*ИИИ Шаб
привести
ссылку
объем неясен*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

Штаб

СОДЕРЖАНИЕ

1
1979

<i>Михутина И. В.</i> Вопросы борьбы против фашизма и угрозы войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1935—1939 годах	3
<i>Тельнов В.</i> К вопросу о подготовке мирного договора с Болгарией (1946)	22
<i>Тесемников В. А.</i> Революционное молодежное движение Югославии межвоенного периода (1919—1941 гг.) в исследованиях историков СФРЮ	34
<i>Виноградов В. И.</i> Лорд Каслри и Балканы	44
<i>Тихомирова В.</i> Развитие патриотических и интернационалистических традиций в современной польской поэзии	66
<i>Иванова Т. А.</i> К истории древнеславянской звательной формы	76
<i>Галас В. К.</i> Рукописный украинско-русский словарь О. М. Бодянского	80

Из истории славяноведения

<i>Матковски А.</i> Документальные данные о жизни и деятельности А. И. Яцимирского (1873—1925)	89
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Сизова Т. И.</i> Antoni Przygoński. Alfred Lampe	100
<i>Маковецкая Т. А.</i> Велев. Главни реформи на земеделското правителство	101
<i>Бибиков М. В.</i> Из истории Нижнего Подунавья в X—XII вв.	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Штакельберг Ю. И.</i> Alois Přibyl, Karel Liška. Znaký a pečetě středoeeských měst	105
<i>Горский И. К.</i> «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века»	107
<i>Прокофьева Д.</i> Bogdan Zakrzewski. Fredro z paradyzu	111
<i>Калиганов И. И.</i> Софроний Врачанский. Жизнеописание	112
<i>Безунов Ю. К.</i> Ценное пособие по истории древних югославянских литератур	114
<i>Л. К.</i> Две славистические библиографии	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Леньшина М.</i> 100-летие освобождения балканских народов от османского ига	118
<i>Пашаева Н. М.</i> Освобождение Болгарии от османского ига (выставка в ГПИБ)	121
<i>Зяйднев В.</i> В Ассоциации по изучению и распространению славянских культур	123
<i>Е. Н.</i> Международный симпозиум по истории богомильства	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
 А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИЦ, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
 редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией И. И. Козловская

И. В. МИХУТИНА

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА И УГРОЗЫ ВОЙНЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1935—1939 ГОДАХ

Во второй половине 30-х годов коммунистическое движение предложило народным массам эффективную стратегию и тактику борьбы против наступления фашизма и других форм империалистической реакции. Именно из руководимого коммунистами антифашистского освободительного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в следующем десятилетии, после военного разгрома германского фашизма и его сателлитов, выросли социалистические революции. Поэтому опыт борьбы против угрозы фашизма и войны в этих странах в 30-е годы можно рассматривать как одну из ступеней того процесса, который В. И. Ленин называл подходом к социалистической революции.

Проблемы сплочения антифашистских, демократических сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы против наступления сил внутренней реакции и фашизма, против агрессивных планов фашистских держав Германии и Италии накануне второй мировой войны заняли важное место в работах советских специалистов и историков европейских социалистических стран. Наиболее обширную часть марксистской историографии составляют исследования по названным вопросам в отдельных странах. Вместе с тем в развитии стран этой части Европы в новейшее время проявляется существенная общность, создающая широкое поле для сравнительного изучения в рамках региона. Подобный подход проявляется в некоторых трудах советских авторов, в том числе в ряде подготовленных в последнее время коллективных исследований¹. Намечен он и в прямо связанной с проблематикой настоящей статьи книге «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», хотя в основном проблемы борьбы против фашизма и войны в каждой стране здесь рассматриваются в отдельности².

Задача настоящей статьи — выявить общие черты внутреннего и международного положения стран Центральной и Юго-Восточной Европы и особенности формирования в этих условиях стратегии и тактики антифашистской и антивоенной борьбы накануне второй мировой войны.

¹ «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977; «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977; «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977; Л. С. Я г о д о в с к и й. Народный фронт в европейских социалистических странах. М., 1968.

² «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

В результате мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов монополистическая буржуазия ряда стран увидела в фашистской политической системе и в осуществлении наиболее сильными из фашистских государств агрессии единственное средство сохранения и укрепления своего господства. Террор против революционного движения, разрушение фашистами организаций рабочего класса, ликвидация всех демократических прав и свобод, развернутая фашистскими державами подготовка к войне за передел мира привели к новой расстановке социальных и политических сил в системе капиталистических стран, к значительному расширению в их внутренней жизни объема общедемократических и общенациональных (предотвращение агрессии или защита от нее) задач, в решении которых были заинтересованы самые широкие слои народа.

Фашистская опасность в Центральной и Юго-Восточной Европе исходила из нескольких источников. Особенностью внутривнутриполитического развития большинства из расположенных здесь стран было то, что сложившееся после первой мировой войны республиканское или парламентарно-монархическое конституционное устройство опиралось на весьма отсталую, порой загроможденную остатками докапиталистических форм собственности и потому весьма суженную социально-экономическую платформу и в интересах сохранения господства имущих классов было уже в течение первого десятилетия заменено реакционно-диктаторскими формами правления, при которых парламентарное начало сохранилось в качестве в значительной мере формального атрибута. В 30-е годы, в условиях обострения всех противоречий империализма, антинародные террористические режимы эволюционировали в направлении дальнейшей концентрации власти и ужесточения форм классового господства в фашистском духе. Установление фашистской диктатуры в Германии стимулировало этот процесс. Ведущие круги буржуазии рассматриваемых стран надеялись, что именно фашистские методы смогут обеспечить внутреннюю стабильность их власти. Различные элементы тоталитарных фашистских форм правления Гитлера и Муссолини перенимались и насаждались через государственную систему реакционными, антидемократическими силами, как правило, уже находившимися у власти.

Коммунистический Интернационал, имея в виду прежде всего то общее, что выражалось в классовом содержании установленных в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы реакционных режимов, некоторые из них квалифицировал как фашистские — хотя не все черты в них проявлялись с такой полнотой, как в законченных фашистских диктатурах, — а в других отмечал развитие в направлении к фашизму.

Отличительной чертой политического развития в рассматриваемом регионе была раздробленность сил реакции и фашизма внутри стран. Наряду с эволюционировавшей к фашизму государственной властью здесь, как правило, существовали оппозиционные режимам крайне правые группировки, которые в течение 30-х годов оформились в организации фашистского типа и выполняли известные функции в интересах существующего строя: террор и подавление коммунистического и демократического движения, организация политически неразвитых «низов» и обработка их в духе крайнего национализма и экстремизма и т. д. Это полностью или в значительной мере совпадало с целями реакционных правительств, так что правая оппозиция, если она не была связана с центробежными силами национальных меньшинств, как бы «вписывалась» в реакционные государственно-политические системы, усиливая в них черты фашизации. Неоднородность политических сил, представлявших интересы реакционных имущих классов, хотя и была признаком их относительной слабости, но, давая простор для политических маневров, позволяла таким путем сохранять свое гос-

подство. В свою очередь, раздробленность правых сил осложняла ориентировку антифашистских и демократических слоев, порой мешая представить опасность фашизации в полном объеме.

Наконец, фашистская опасность в этой части Европы проявлялась в форме экспансии итальянского и особенно германского фашистских государств, захватнические устремления которых в данном направлении не вызвали сколько-нибудь серьезного сопротивления западных держав. В стратегическом арсенале фашистских держав в этом регионе были разнообразные средства: от экономической и политической экспансии, неизбежным следствием которой становилось вовлечение в орбиту германской или итальянской политики (Венгрия, Болгария, Румыния), до территориальных захватов и ликвидации самостоятельных государств (Албания, Польша, Чехословакия, Югославия).

Однако общность региональных интересов, объективно возросшая в связи с этой опасностью, ослаблялась реакционной внешней политикой антинародных и антидемократических режимов, которые, руководствуясь классовыми мотивами, как правило, исключали перспективу взаимодействия с таким мощным потенциальным союзником в борьбе против германского фашизма, как СССР. Важной причиной дезинтеграции были противоречия между отдельными странами рассматриваемого региона, связанные с территориальными потерями одних и территориальными претензиями к соседям других. Положение побежденных в рамках Версальской системы усиливало симпатии правящих кругов некоторых из рассматриваемых стран к Германии.

Коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, вооруженные решениями VII конгресса Коминтерна, ориентировавшего революционное движение рабочего класса на сосредоточение первоначально всех усилий для отпора фашизму и предотвращения войны, глубоко анализируя соотношение сил в своих странах и классовый характер господствовавших в них режимов, считали, что первоочередной целью антифашистских, демократических сил является борьба против фашистской опасности, в каком бы виде она ни выступала: будь то законодательные меры реакционных правительств по унификации общественной и политической жизни, или специфические методы мобилизации «низов», применяемые оппозиционными праворадикальными и реакционными сепаратистскими течениями, или угроза военной агрессии и других форм экспансии фашистских держав.

Коммунисты выступили в поддержку демократических институтов буржуазного общества и прежде всего в защиту республиканско-парламентарного устройства, где оно еще сохранилось. Компартия Чехословакии, например, провозгласила главным лозунгом антифашистской борьбы защиту республики. «Мы хотим, — говорил на VII конгрессе Коминтерна представитель КПЧ, — чтобы эта республика, где сейчас господствует буржуазия, стала советской республикой, социалистической республикой. . . Но если этой буржуазно-демократической республике будет угрожать кровавый фашизм, то мы будем защищать эту республику от фашизма»³. В обстановке, когда политическая нестабильность и следовавшие один за другим реакционные государственные перевороты создали угрозу установления в Греции при поддержке империалистических кругов Англии монархической диктатуры, компартия Греции проявила наибольшую активность и последовательность в защите республиканского строя. «Мы отдаем все наши силы делу процветания республики, свободы и демократии для предотвращения монархической и фашистской угрозы, потому что

³ К. Готвальд. Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 413.

именно этого сегодня требуют интересы народа», — говорилось в обращении к демократическим партиям в октябре 1935 г., в котором КПП предлагала вести совместную борьбу против монархической клики⁴.

В странах, где к тому времени у власти утвердились антидемократические, эволюционировавшие в сторону углубления фашизации режимы, коммунисты важнейшей целью общедемократической стадии революционной борьбы называли ликвидацию террористических диктатур и широкую демократизацию государственной и общественно-политической жизни. Компартия Польши, например, выдвинув уже в ноябре 1934 г. лозунг народного фронта, к середине 1935 г. разработала и предложила социалистическим и крестьянской партиям платформу, содержанием которой считала «бескомпромиссную борьбу за свержение санационной клики угнетателей народа и поджигателей войны, за отмену конституции и избирательного закона⁵, за свободу слова, печати, собраний, организаций и стачек; за всеобщее, равное, тайное, прямое и пропорциональное избирательное право при выборах в сейм, сенат и органы самоуправления⁶. Тогда же, накануне VII конгресса Коминтерна, КПП заявила, что готова поддержать лозунг учредительного собрания, задачей которого будет осуществление платформы народного фронта⁷.

Коммунистическая партия Венгрии в середине 1936 г., после преодоления упрощенных представлений о революционном процессе, выдвинула демократические требования в качестве стратегической цели переживаемого этапа. В принятом тогда временным руководством партии решении о генеральной политической линии подчеркивалась необходимость развития движения народного фронта с участием «всех партий, организаций, групп и отдельных элементов, которые могут быть мобилизованы для борьбы против реакции и фашизма за венгерскую демократическую республику»⁸.

Румынские коммунисты, в связи с положением VI конгресса Коминтерна о возможности переходных этапов к диктатуре пролетариата, на V съезде партии в 1931 г. приняли концепцию завершения буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую⁹. В период яростного наступления реакции и усиления фашистских тенденций в политике имущих классов идея борьбы за демократию наполнилась антифашистским содержанием. После установления в 1938 г. режима королевской диктатуры КПП наряду с формулировкой жгучих задач текущего момента (защиты независимости Румынии, восстановления демократических прав и свобод, улучшения условий жизни трудящихся и т. д.) обозначила конечную цель антифашистского демократического этапа — установление народной демократической республики¹⁰.

⁴ Цит. по: В. Г р о м о в. Борьба народных масс Греции против монархо-фашистской диктатуры. «Коммунистический Интернационал», 1938, № 11, с. 54.

⁵ В апреле 1935 г. «санационный» режим ввел новую конституцию, которая должна была нормативно оформить фактическую диктатуру, установленную государственным переворотом 1926 г. Конституция распространяла власть президента не только над всеми государственными органами, но и в значительной степени над парламентом. Вслед за конституцией был принят новый избирательный закон, который практически поставил оппозиционные партии вне парламента.

⁶ «Dokumenty Komunistycznej partii Polski 1935—1938». Warszawa, 1968, s. 43.

⁷ Ibid., s. 44—47; J. L e Ń s k i. O front ludowy w Polsce 1934—1937. Warszawa, 1956, s. 112—113, 141—142.

⁸ «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение». М., 1976, с. 147—148, 157; «История венгерского революционного рабочего движения», т. 2. М., 1973, с. 211.

⁹ «История Румынии», т. II. М., 1971, с. 158.

¹⁰ Е. Д. К а р п е щ е н к о, Е. И. С п и в а к о в с к и й. Традиции революционной солидарности. «Новая и новейшая история», 1974, № 4, с. 95.

В некоторых случаях выдвигались промежуточные цели, в осуществлении которых готовы были участвовать все антифашистские силы. Так, коммунисты Болгарии и Югославии, будучи в принципе противниками монархии, при разработке программы народного фронта, однако, не форсировали лозунга республики. Югославские коммунисты, например, предлагали формулу федеративной демократической республики в качестве ведущей цели антифашистской демократической фазы¹¹, но для текущего момента выдвигали на первый план не вопрос о замене монархии республиканским устройством, а осуществление идеи федерации на демократической основе, что открывало бы путь к последовательному разрешению столь острого в Югославии национального вопроса¹². В воззвании, с которым руководство партии в январе 1937 г. обратилось к демократическим, антифашистским силам, говорилось, что КПЮ является противником монархии, но поскольку значительная часть демократического, антифашистского лагеря еще не готова принять лозунг демократической федеративной республики, компартия не настаивает на включении его в общую программу борьбы¹³.

Болгарская коммунистическая партия в период борьбы с режимом, сложившимся после переворота 19 мая 1934 г., выработала в начале 1936 г. платформу движения за демократизацию в рамках монархического строя. Основными ее требованиями были восстановление фактически не действовавшей Тырновской конституции и осуществление предусмотренных последней прав и свобод, выборы в Народное собрание на основе старого избирательного закона, отмена всех антиконституционных законов, изданных после переворота¹⁴.

В отличие от государств фашистской диктатуры в «чистом» виде, где были ликвидированы все буржуазно-демократические институты и полностью разрушены организации рабочего класса, реакционные режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе не достигли такой степени унификации общественной и государственной жизни. По мере обострения внутренних противоречий и внешнеполитической обстановки стремление правительств этих стран к уничтожению оставшихся элементов буржуазного парламентаризма, к разрушению классовых организаций пролетариата и ликвидации таким путем рабочего движения наблюдалось повсеместно, но осуществлялось неравномерно. В связи с этим задачи сохранения еще имевшихся политических прав и гражданских свобод населения, повседневной защиты материальных интересов рабочего класса, крестьянства и средних слоев города были неотъемлемой частью предлагавшейся коммунистами программы антифашистской борьбы как в странах, где антидемократические и профашистские тенденции буржуазии уже привели к принципиальным изменениям в форме господства имущих классов, так и в Чехословакии, где еще оставались все демократические институты буржуазно-республиканского строя.

По социально-экономическому развитию и внутреннему соотношению классовых сил страны Центральной и Юго-Восточной Европы, за исключением Чехословакии, существенно отличались от высокоразвитых капиталистических государств — в большинстве из них наблюдалась многоукладность и наличие остатков докапиталистических общественных струк-

¹¹ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. 2. Београд, 1950, с. 395—403.

¹² «Комунистически Интернационал. Кратки исторически очерк». М., 1969, с. 448.

¹³ «Komunistička partija Jugoslavije 1919—1941». Zagreb, 1959.

¹⁴ «БКП в резолуции и решениа на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК», т. III. София, 1957, с. 330—331.

тур, малочисленность рабочего класса. Поэтому пути создания единого рабочего и народного фронта — основных форм революционно-демократического антифашистского движения — в этих странах имели свои особенности.

Перспективы антифашистского единства пролетариата во многом зависели от конкретных политических условий, степени его организованности, размаха классовых боев. Антифашистское сотрудничество революционного и реформистского течений рабочего движения имело значение повсеместно, но особенно важно было в тех странах, где социал-демократия представляла серьезную политическую силу и вела за собой крупные отряды пролетариата. Одной из первых среди братских партий в 30-е годы развернула такую работу компартия Чехословакии. На своем X пленуме в ноябре 1934 г. она выдвинула лозунг социалистической солидарности рабочих партий, опорой которой служило бы массовое движение. Для претворения в жизнь идеи коалиции коммунистов и социалистов КПЧ не раз направляла конкретные предложения о сотрудничестве на антифашистской платформе руководству Социал-демократической и Национально-социалистической партий, депутаты-коммунисты с трибуны парламента призывали к социалистической солидарности. В условиях легальной деятельности пролетарских организаций рабочие различных политических убеждений на совместных митингах и собраниях в главных промышленных и административных центрах выражали свою поддержку идее рабочего единства. На предприятиях и во многих районах были созданы комитеты единого фронта. Настроения единства охватывали следовавшие за социал-демократией массы и даже часть актива. Однако все предложения руководства КПЧ о сотрудничестве в национальном масштабе были отклонены правыми лидерами социал-демократии и национальных социалистов. Аналогичную позицию заняла реформистская профсоюзная верхушка. Она не только не поддержала предложение коммунистов об объединении отраслевых профсоюзов различных политических направлений, но и сорвала инициативу VI съезда Красных профсоюзов об объединении всех нефашистских профцентров, путем вступления членов Красных профсоюзов в социал-демократическое Профсоюзное объединение Чехословакии и переговоров последнего с профобъединением Национально-социалистической партии и Центральной комиссией немецких профсоюзов¹⁵. Правые лидеры реформизма не желали менять имевшегося соотношения политических сил, при котором реформистские партии входили в правящую буржуазную коалицию. Определенную роль в позиции руководства социал-демократии и национальных социалистов играла недооценка фашистской опасности, которая при относительной слабости внутренних фашистских сил в Чехословакии проявлялась в специфической форме угрозы со стороны соседней фашистской Германии. Антифашистские революционные настроения трудящихся не получили достаточного выражения в массовом движении, которое способно было бы оказать решающее влияние на позицию социалистических партий. Кроме того, лидеры этих партий опасались, что политика единого фронта приведет к росту коммунистического влияния и ослабит позиции реформизма в рабочем движении.

Актуальность политики рабочего единства была более очевидна в странах с диктаторскими режимами, которые, загнав в подполье коммунистические партии, стремились под видом унификации рабочих организаций уничтожить классовые объединения пролетариата. Там, где реформистские партии имели политическое влияние, реакционные диктатуры, не обладавшие сколько-нибудь широкой массовой базой, вы-

¹⁵ «История Чехословакии», т. III. М., 1960, с. 284—285.

нуждены были использовать против них частичные меры. В Венгрии, например, парламентское представительство социал-демократии систематически ограничивалось путем фальсификации выборов, а «реформа представительства интересов», с которой носились хортисты, грозила ликвидацией Совета профсоюзов, социал-демократического профобъединения, и заменой системы классовых союзов профессиональными организациями под эгидой государства. В Польше избирательный закон 1935 г. лишал социалистов, как и всю легальную оппозицию, парламентской трибуны. Борьба против тоталитарных устремлений правительств и защита рабочих организаций от фашистов из группировок правой оппозиции делали единство действий коммунистов и социалистов настоятельной необходимостью. Но в обстановке нелегальности компартий требовался особый подход к организационным формам массовой антифашистской работы и межпартийного сотрудничества. Наряду с принятой в легальных условиях практикой формальных соглашений был признан принцип фактического сотрудничества без официальной договоренности. КПП одной из первых стала применять такую тактику, вступив в 1934 г. в переговоры с ЦК Бунд, а в 1935 г. — с центральным руководством ППС. Последние завершились соглашением о «ненападении», действовавшим в период наибольшего подъема стачечных боев и антиправительственных выступлений пролетариата. Опыт КПП как в переговорах с легальными социалистическими партиями, так и в установлении фактического сотрудничества, получил одобрение Исполкома Коминтерна¹⁶.

В целях консолидации профсоюзного движения КПП, прекратив в 1935 г. организационно обособленное существование Профсоюзной левой, сосредоточила внимание на работе в связанных с ППС классовых профсоюзах, значительно усилив там настроения единого фронта. Бывшие члены Профсоюзной левой, вступив в организации Центральной комиссии профсоюзов, проявили наибольшую активность в акции вербовки в классовые организации новых членов. В результате численность классовых профсоюзов в 1936 г. возросла почти на 50% по сравнению с 1934 г.¹⁷ Тем самым усилились их позиции как общественного сектора, свободного от влияния реакционной государственной власти.

В Венгрии, где в руководстве социал-демократической партии было особенно сильно правое влияние, а преодоление компартией сектантства и формального отношения к политике единого фронта оказалось более длительным процессом, приведшим к полной замене ЦК КПВ¹⁸, ее попытки установить контакт с руководящими органами СДПВ не принесли даже временных, как это было в Польше, положительных результатов. В этих условиях основной сферой осуществления политики рабочего единства стали массовые профсоюзные организации. Укрепление классовых профсоюзов было признано в решении нового руководства КПВ о генеральной линии партии одной из главных задач¹⁹. Антикоммунизм правого руководства социал-демократии сделал невозможным слияние революционного и реформистского профцентров. В такой обстановке принятое в 1936 г. решение о прекращении существования как отдельной организации Объединенной профсоюзной оппозиции вызвало приток революционно настроенных рабочих в профсоюзные организации, ранее находившиеся под безраздельным контролем реформистов, способствовало популяризации там идеи антифашистского единства и упрочению

¹⁶ «Z pola walki», 1957, №2, s. 157.

¹⁷ J. K o w a l s k i. Komunistyczna Partia Polski 1935—1938. Warszawa, 1975, s. 152—154.

¹⁸ «История венгерского революционного рабочего движения», т. 2, с. 209—210.

¹⁹ Там же, с. 212.

позиций сторонников КПВ в выборных профсоюзных органах. Именно благодаря последовательности КПВ венгерскому пролетариату удалось помешать проведению «реформы представительства интересов» и отстоять независимый от государства профцентр. Через организации Совета профсоюзов, члены которых автоматически входили в СДПВ, коммунисты нередко стали избираться в руководящие органы местных социал-демократических организаций²⁰. Особенно заметным коммунистическое влияние было в молодежном социал-демократическом движении, которое по существу заняло независимую от правого руководства СДПВ позицию²¹.

В целях преодоления раздробленности рабочего движения компартия Румынии в течение 1935—1937 гг. не раз предлагала Социал-демократической и Унитарной социалистической партиям антифашистское единство действий. Эти обращения, встреченные с пониманием в местных организациях социалистов, заставили реформистских лидеров вступить в переговоры с КПП. Но практически соглашение стало возможным только с отколовшимися группами левых социалистов. Кроме того, по договоренности с СДПР в 1935 г. состоялось объединение классовых профсоюзов путем вступления членов революционных и независимых организаций, а также коммунистов во Всеобщую конфедерацию труда²².

В Греции, где Социалистическая и Социал-демократическая партии были малочисленны и состояли в основном из кадровых профсоюзных работников, а массовыми объединениями пролетариата были профсоюзные центры: реформистские Всеобщая конфедерация труда и Независимые профсоюзы и революционная Унитарная всеобщая конфедерация труда, КПГ придавала особое значение восстановлению профсоюзного единства. Такая политика КПГ, опиравшаяся на принципы классовой борьбы и внутрипрофсоюзной демократии, привела к слиянию в ходе стачечной борьбы ряда отраслевых унитарных и реформистских центров и сделала возможным соглашение УВКТ и ВКТ об образовании единой конфедерации, чему помешало установление в августе 1936 г. диктатуры Метаксаса²³.

Опыт борьбы за антифашистское единство рабочего класса в рассматриваемый период показал, что реформистское течение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было далеко от понимания масштабов опасности, которую представляли господствовавшие здесь антидемократические режимы. Правые лидеры реформизма в этих странах по-прежнему стремились достичь участия в управлении путем компромисса с буржуазией, не исключая в некоторых случаях и соглашения с правящими реакционными группировками. Массовое же революционное движение в большинстве стран этого региона не достигло тогда такого уровня, при котором соглашатели, чтобы не оказаться в изоляции, приняли бы последовательную программу борьбы за демократизацию. Элементы подобной ситуации в локальных масштабах наблюдались, например, в Польше, занимавшей по количеству стачек в те годы одно из первых мест в мире. Там организации ППС в антиправительственных выступлениях весной 1936 г. в ряде случаев утратили контроль над партийными массами и вынуждены были подчиниться руководству коммунистов и сторонников единого фронта, а движение солидарности приблизилось по широте к общенациональному²⁴.

²⁰ «VII конгресс Коминтерна...», с. 229.

²¹ «История венгерского революционного рабочего движения», т. 2, с. 233.

²² «La Correspondance Internationale», 1935, № 100, p. 1461.

²³ «VII конгресс Коминтерна...», с. 40, 42, 251, 254.

²⁴ J. K o w a l s k i. Ibid., s. 229—246.

В ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы пролетариат был не только малочислен, но и далеко не полностью охвачен рабочими организациями. Крайний пример в этом отношении представляла Албания, где численность рабочих к концу 30-х годов не превышала 15 тысяч. Политическая организованность рабочего класса находилась там на стадии отдельных коммунистических групп, зачастую незрелых в идейном и организационном отношении и не стремившихся к объединению. По инициативе этих групп или при их поддержке в середине 30-х годов стали создаваться первые профсоюзные организации, которые в стачечной борьбе не только отстаивали материальные интересы рабочих, но и выдвигали политические требования защиты национальных прав албанского народа, соблюдения конституции, боролись против насаждения фашизма. Оформление первых организаций албанского пролетариата происходило в обстановке преследований со стороны реакционной диктатуры А. Зогу, запрета распространения коммунистических идей и растущей зависимости от фашистской Италии²⁵.

Рабочее движение в ряде стран из-за недостаточной организованности рабочего класса было особенно уязвимым перед наступлением сил реакции, которые от политики антикоммунизма намеревались, пользуясь слабостью реформизма, перейти к роспуску всех политических объединений рабочего класса и огосударствлению профсоюзов, чтобы превратить их в организации, способные обеспечить антидемократическим режимам широкую социальную опору. Следствием реакционных переворотов в Югославии (1929), Болгарии (1934), Греции (1936) и Румынии (1938) был запрет деятельности партий оппозиции, что поставило социалистические партии в нелегальное или полунелегальное положение. В Болгарии и Румынии правительствам удалось создать также вместо запрещенных профсоюзов государственные организации, куда по принуждению вошла основная часть рабочих.

При создании государственных или проправительственных профсоюзов наиболее легкой их добычей становились неорганизованные рабочие, составляющие в большинстве рассматриваемых стран значительный процент пролетариата. В подобных случаях соглашение с социал-демократией составляло лишь одну сторону политики антифашистского рабочего фронта. Другой, наиболее важной ее частью было включение в политический процесс рабочего класса в целом путем легализации революционных пролетарских партий и превращения их в подлинно массовые организации.

В Болгарии подпольная компартия оказывала свое влияние на рабочие массы через действовавшую до 1934 г. легально Рабочую партию. Восстановление ее в первой половине 1936 г.²⁶ продвинуло вперед сплочение антифашистских сил. Именно через Рабочую партию в июле того же года коммунистами было достигнуто соглашение о сотрудничестве с представителями социал-демократической партии²⁷, а затем установлен контакт с оппозиционным блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий²⁸. В дальнейшем, когда РП выросла численно и укрепила свои связи с массами, оказалось целесообразным сосредоточить революцион-

²⁵ Г. Л. Арш, И. Г. Сенкевич, Н. Д. Смирнова. Краткая история Албании. М., 1965, с. 237—244; К. Фрашерп. История Албании. Тирана, 1964, с. 235—239.

²⁶ «Документи на VI пленум на БКП». «Известия на Института по истории на БКП», т. 15. София, 1966, с. 356.

²⁷ «Работническата партия в България 1927—1938 гг. Сборник от документи и материали». София, 1966, с. 444—445.

²⁸ Г. Радев. Седмият конгрес на Коминтерна и Българската работническа социал-демократическа партия. Първи конгрес на Българското историческо дружество, т. 2. София, 1972, с. 92.

ные силы в одной партии. В результате слияния БКП и РП единственной представительницей коммунистического движения стала Болгарская рабочая партия²⁹.

Действовавшие в подполье болгарские классовые профсоюзы не смогли помешать созданию правительственной организации — Болгарского рабочего союза, массовость которого обеспечивалась не только репрессивными мерами властей, но и системой льгот, которые предоставлялись его членам. В таких условиях наиболее эффективной с точки зрения восстановления классowego характера профдвижения и осуществления единства пролетариата оказалась работа в самом государственном профобъединении. После VI пленума ЦК БКП в 1936 г. члены Независимых революционных профсоюзов стали вступать в БРС, внутри которого работали совместно с социал-демократами, «земледельцами» и беспартийными. В результате в низовых организациях БРС почти повсеместно были избраны в руководство коммунисты или сторонники единого фронта, отстаивавшие классовые интересы трудящихся³⁰, а правительство потеряло неограниченный контроль над созданным им профцентром.

В Югославии в связи с попытками реформистов легализовать деятельность своей партии руководство КПЮ в середине 1935 г. выдвинуло идею создания легальной Единой рабочей партии, которая объединила бы рабочих разных политических убеждений, готовых совместно с другими оппозиционными силами бороться против реакции и фашизма, за национальное равноправие и демократические свободы. И хотя реформистские лидеры прервали переговоры с представителями КПЮ об образовании ЕРП, это начинание коммунистов, приведшее к образованию инициативных комитетов ЕРП, было шагом к расширению контактов КПЮ и легальных форм ее деятельности³¹. В конце 1937 г. руководство КПЮ поставило вопрос о создании легальной политической организации — Партии трудового народа, которая включила бы в свою платформу все основные требования народного фронта и опиралась бы на более широкие, чем ЕРП, социальные круги³². Важной мерой по расширению влияния КПЮ в национальных областях было образование в ее составе компартий Хорватии и Словении.

Хотя антифашистское единство рабочего класса в рассматриваемых странах накануне войны не было организационно достигнуто в национальном масштабе, осуществление его в практике классовой борьбы продвинулось далеко вперед: единый фронт реально складывался в стачечных боях и движении солидарности, в антифашистских политических кампаниях и совместных действиях рабочих различных политических убеждений по защите рабочих и демократических организаций от фашистских налетчиков. Характерным стало образование органов руководства стачками и другими выступлениями по принципу единого фронта на предприятиях, в целых отраслях производства и даже в масштабе крупных административных единиц.

Своеобразие политики антифашистских сил в странах Центральной Европы и на Балканах определялось и такой важной особенностью их политического развития и социальной структуры, как преобладание сельского населения, которое, как правило, было политически органи-

²⁹ Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, с. 101—102.

³⁰ Там же, с. 82—83; «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, с. 395.

³¹ М. В о с и ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinstvene radničke partije 1935 godine. «Istorija radničkog pokreta», knj. 3, 1966, s. 144—166.

³² «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, с. 213.

зовано в крестьянские партии. Эти партии, мелкобуржуазные по составу, а в ряде случаев и по характеру, играли важную роль в политической жизни своих стран. Поворот к широкому союзу с непролетарскими массами, провозглашенный VII конгрессом как общая линия коммунистического движения, в рассматриваемых странах означал прежде всего антифашистское сотрудничество революционных партий пролетариата с крестьянским движением и его партиями. Значение крестьянских партий как фактора такого сотрудничества было далеко не одинаковым и зависело от их положения в системе политических отношений внутри страны, степени выражения ими специфических интересов крестьянства, от уровня активности крестьянских масс.

Наиболее крупную в этом плане роль сыграли такие партии, как Болгарский земледельческий народный союз или польское Стронництво людове, которые оказались более последовательными в сопротивлении попыткам включить их в систему правящих диктатур. Оппозиционность этих партий питалась настроениями крестьянства, интересы которого страдали от гнета монополистического капитала и всевластия правительства, отражавших интересы последнего. Представляется, что непримиримость СЛ к режиму «санации», подкрепленная бурными антиправительственными выступлениями польских крестьян в 1936 г. и мощной крестьянской стачкой следующего года, была одним из главных проявлений узости социальной платформы «санации», а сопротивление БЗНС попыткам правых кругов привлечь эту партию на свою сторону тормозило процесс фашизации в Болгарии и вынуждало правительство отступать от некоторых из ранее принятых тоталитарных форм. Поэтому в период формирования антифашистской стратегии коммунисты рассматривали эти партии как потенциальных партнеров в народном фронте. При этом БКП, учитывая слабость болгарской социал-демократии, считала, что решающим для антифашистского единства будет сотрудничество именно с БЗНС³³. Польские коммунисты, понимая, что успех народного фронта в Польше возможен только при взаимодействии рабочего и крестьянского движения, выступали организаторами широкой взаимной поддержки этих двух потоков и добивались согласования политики между всеми партиями рабочего класса и СЛ или, согласно предложенной КПП в 1937 г. концепции широкого демократического фронта, — между ППС, крестьянской партией и объединенными классовыми профсоюзами³⁴.

Венгерские коммунисты считали, что при всей неоднородности Партии мелких сельских хозяев и колебаниях в ее политической линии (после установления хортистского режима она вошла в правительственную партию) восстановление ПМСХ в 1930 г. и переход в оппозицию, требование аграрной реформы, содержавшееся в программе ПМСХ, и ее антигерманская ориентация в вопросах внешней политики накануне второй мировой войны могут сыграть положительную роль в антифашистской мобилизации крестьянства³⁵.

Компартия Югославии прилагала немало усилий, чтобы преодолеть традиционный нигилизм социал-демократии по отношению к крестьянству и привлечь на сторону народного фронта крестьянские партии — сербский Союз земледельцев и влиятельную и массовую Хорватскую крестьянскую партию. Если, как это было в Хорватии, социалисты активно выступали против сотрудничества с крестьянским движением, то КПЮ считала желательным соглашение с ХКП до тех пор, пока ее пра-

³³ «История Болгарской коммунистической партии», с. 386.

³⁴ J. K o w a l s k i. Ibid., s. 337.

³⁵ А. И. П у ш к а ш. — Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 55—56.

вые лидеры, изменив прогрессивным социальным требованиям и национально-освободительным традициям своей партии, не отступили на позиции компромисса с реакционным великосербским режимом.

В некоторых случаях партии, сохраняя название крестьянских, превращались в типично буржуазные, такой ценой получали доступ к государственной власти и проводили политику в интересах монополистической верхушки. Был очевиден, например, антидемократический характер аграрной партии в Чехословакии, находившейся на правом фланге политического фронта буржуазии. Но коммунисты учитывали тот факт, что аграрная партия все же охватывала значительные слои сельского населения, и в борьбе за создание широкого антифашистского фронта ориентировались на демократические элементы в низовых звеньях аграрной партии и многочисленных организаций, которыми она руководила, стараясь использовать ширившиеся там оппозиционные настроения³⁶.

Румынские коммунисты, разоблачая реакционную политику лидеров Национал-царанистской партии, в то же время отмечали демократические устремления крестьян, составлявших ее массовую базу, и подчеркивали необходимость показать массам и кадровым работникам партии их подлинную роль и возможности в антифашистской борьбе³⁷. Но эволюция правого руководства НЦП в сторону буржуазной реакции зашла так далеко, что, не брезгуя компромиссом с явными фашистами, оно даже в условиях запрета легальной деятельности НЦП отклоняло предложения коммунистов о совместной борьбе против королевской диктатуры³⁸. Организацией крестьян, которая, следуя принципу антифашистского единства, поддерживала связь с КПП, был «Фронт земледельцев».

В Греции, где в рассматриваемое время, несмотря на существование нескольких аграрных партий, некоторая часть крестьян составляла клиентуру буржуазных партий, компартия в 1935 г. выдвинула лозунг создания массовой крестьянской партии и слияния с ней коммунистических ячеек в деревне. В начале 1936 г. КПП удалось вместе с аграрной партией Воядзиса и другими демократическими группами создать в парламенте фракцию народного фронта. Затем на основе слияния сельских ячеек компартии с аграрной партией Софианопулоса—Гавриилидиса образовалась Объединенная аграрная партия, которая откликнулась на обращение КПП организовать борьбу за свержение установленной в середине 1936 г. диктатуры Метаксаса, за возвращение народу свободы и конституции, парламентского режима, за проведение свободных выборов³⁹.

Свои особенности имела в рассматриваемых странах политика народного фронта в целом. Господство террористических режимов в большинстве из них дифференцировало из лагеря буржуазии демократические непролетарские слои, делая их заинтересованными в изменении существующего положения. Но вместе с тем вынужденная ранняя делегализация компартий и жестокое преследование их властями воздвигали трудный для преодоления барьер между коммунистами и сторонниками других партий оппозиции, мешавший установлению прямого и открытого сотрудничества. Однако и в этих условиях компартиям принадлежала роль авангарда антифашистских, демократических сил. Идея консоли-

³⁶ В. М а р ь и а. Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами. «Советское славяноведение», 1974, № 4, с. 38—39.

³⁷ «La correspondance Internationale», 1935, № 115, p. 1015—1017; L. P a t r a ș - c a n u. Sub trei dictaturi. București, 1970, p. 136.

³⁸ «VII конгресс Коминтерна...», с. 304.

³⁹ Там же, с. 247—253; В. Г р о м о в. Там же, с. 55—56.

дации в народном фронте разрозненных демократических течений, рожденная коммунистическим движением, оказалась привлекательной для буржуазной и реформистской оппозиции в странах антидемократических диктатур. В одних случаях, как правило, там, где наблюдалась особая политическая раздробленность, эта тенденция привела к образованию оппозиционных блоков с участием буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий — так называемая «пятерка» в Болгарии, Блок народного согласия в Югославии или инициативный комитет по координации борьбы против диктатуры Метаксаса в Греции. В других случаях, например, в Польше, где отдельные оппозиционные течения были представлены весьма влиятельными партиями, каждая из которых в той или иной мере претендовала на привилегию лидерства, дело ограничилось соглашениями по частным вопросам или отдельными совместными выступлениями. Но сам факт обсуждения условий сотрудничества между, например, руководящими органами ППС и СЛ или последнего с представителями КПП свидетельствовал о том, что концепция народного фронта стимулировала центристские тенденции демократических группировок.

Представляется, что явления того же порядка отразились в отмеченном исследователями факте принятия впервые именно в этот период некоторыми социал-демократическими партиями данного региона аграрных программ⁴⁰.

При всей непоследовательности буржуазных и реформистских партий, их боязни использовать массовые формы борьбы, нежелании их лидеров в большинстве случаев сотрудничать с коммунистами компартии сумели выработать правильное отношение к объединениям этих партий, считая, что в условиях насаждения правительствами тоталитарных государственных форм блокировка оппозиционных сил на платформе требований восстановления буржуазной демократии может стать ступенью к созданию народного фронта. Поэтому компартии поддерживали такие группировки, стремясь путем мобилизации масс не допустить их отступления на позиции компромисса с реакционными режимами.

Еще более грозную силу, чем внутренняя реакция, представлял для народов Центральной и Юго-Восточной Европы агрессивный германский и итальянский фашизм. VII конгресс Коминтерна, обращая внимание на факт разрушения под влиянием соперничества империалистов сложившейся системы международных отношений, пришел к заключению, что главным поджигателем империалистической войны в Европе является германский национал-социализм, наиболее агрессивная разновидность фашизма⁴¹. Наряду с важным выводом, что основным направлением внешней политики гитлеровской Германии является война против СССР, на конгрессе отмечалось стремление нацистов подчинить Германии малые и средние государства в Центральной и Юго-Восточной Европе и подчеркивалось, что победоносная война германского фашизма означала бы конец их национальной независимости⁴². В докладе П. Тольяги «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны» разоблачались захватнические приемы, с помощью которых гитлеровцы старались подчинить своим целям политику стран рассматриваемого региона. Среди них было названо соглашение о впадении с Польшей, заключив которое, говорилось в докладе, «германский национал-социализм ни на йоту не отказался от своих ан-

⁴⁰ В. М а р ь и н а. Там же, с. 39.

⁴¹ «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». М., 1975, с. 231—241, 382—383.

⁴² Там же, с. 245.

типольских требований». Непосредственным следствием этого соглашения, как отмечалось на конгрессе, стало усиление германской угрозы Чехословакии и прибалтийским странам, обострение австрийской проблемы и опасность для независимости самой Польши. П. Тольятти подчеркивал, что активность Германии направлена на разложение имевшихся в Центральной и Юго-Восточной Европе группировок и полное подчинение политики расположенных там стран своему влиянию и обращал внимание на тот факт, что пособничество Гитлеру оказывают реакционные и фашистские силы внутри этих стран⁴³. Первостепенное значение для развертывания в Центральной Европе и на Балканах борьбы против угрозы германской агрессии имели выводы конгресса о роли Советского Союза в деле сохранения мира, об освободительном характере войны со стороны слабых государств, подвергшихся нападению крупных империалистических держав, об активной роли коммунистов в защите национальной независимости своих стран. «Мирная политика СССР, — говорилось в резолюции конгресса, — не только расстроила планы империалистов, направленные к изоляции Советского Союза, но и заложила основу для его сотрудничества в деле сохранения мира с малыми государствами, для которых война, угрожая их независимости, представляет особую опасность»⁴⁴.

Задача борьбы против подготовки войны заняла важное место в новой стратегической линии коммунистического движения; в ней коммунисты видели «максимальные возможности для создания широчайшего единого фронта»⁴⁵. В странах рассматриваемого региона цели антивоенной борьбы определялись угрозой их порабощения германским фашизмом. Для некоторых стран вследствие территориальных претензий Германии сразу обозначилась перспектива военного вторжения. В других случаях первоначально преобладали формы экономического проникновения германского капитала и подчинения на такой основе политики этих стран интересам нацистской Германии. Добиваясь последовательности в организации защиты национальной независимости, коммунисты рассматривали этот вопрос в прямой связи с задачей демократизации внутренней политической жизни и государственного строя. В странах многонационального состава крупные фашистские государства использовали в своих интересах международные противоречия. Прямой агентурой гитлеровцев здесь становились организации немецкого национального меньшинства. Подобную роль выполняли также некоторые другие националистические течения фашистского толка. Поэтому разрешение национального вопроса на основе равноправия становилось важнейшим условием отражения агрессии.

Проблема борьбы против внешней опасности под лозунгом защиты народа и республики от Гитлера заняла центральное место в деятельности КПЧ. На VII съезде партии в апреле 1936 г. К. Готвальд заявил: «Позиция коммунистической партии в деле угрозы Чехословакии со стороны гитлеровского фашизма является позицией защиты Чехословакии против Гитлера, защиты Чехословакии против фашизма»⁴⁶. В резолюции VII съезда подчеркивалось, что если рабочий класс будет единым и социалистические партии выступают совместно, то непременно будет образовано правительство народного фронта, которое преградит путь фашизму и сделает все необходимое для защиты республики⁴⁷. Партия исходила из того, что в условиях превосходства людских и материальных ресурсов агрессора недостаточно обычных оборонительных мероприятий буржуазного

⁴³ Там же, с. 242—243.

⁴⁴ Там же, с. 385—388.

⁴⁵ Там же, с. 386.

⁴⁶ К. Г о т в а л ь д. Там же, с. 449.

⁴⁷ «Přehled dějin KSČ». Praha, 1976, с. 170—171.

правительства. Необходимо, чтобы активную роль в обороне могли сыграть все патриотические силы, мобилизация которых возможна только на основе «такой политики, такого внутреннего режима, который отвечал бы социальным, экономическим, политическим и национальным интересам этих широких слоев»⁴⁸. В начале 1936 г. депутаты-коммунисты внесли в парламент проект закона, который обеспечил бы подлинную оборону республики от фашистского агрессора. Они предлагали возложить расходы по обороне на богатей, национализировать военные предприятия, разделить помещичьи латифундии в пограничных областях между крестьянами и сельскохозяйственными рабочими, принять решительные меры против внутренней реакции и агентуры иностранного фашизма, провести демократизацию армии и организовать военное обучение гражданского населения⁴⁹.

Программа, выработанная VII съездом КПЧ, создала идейную основу превращения партии из авангарда пролетариата в ведущую силу всех народов, населявших республику. Демократическое разрешение национального вопроса стало предметом растущего внимания партии. В течение 1936 г. КПЧ добивалась у правительства и парламента принятия мер по осуществлению гражданского равноправия национальных меньшинств, подчеркивая, что их поддержка республики приобретает исключительное значение для судеб Чехословакии. Наряду с законодательными предложениями КПЧ была инициатором массовых выступлений трудящихся за национальное равноправие, организовав их не только в национальных областях, но и в Чехии⁵⁰.

В критической обстановке 1938 г. компартия шла в авангарде патриотического движения, которое принимало всенародный характер. Когда в связи с аншлюсом Австрии гитлеровская армия оказалась у границ Чехословакии, КПЧ вновь внесла в парламент свою программу разрешения назревших внутренних проблем, необходимого для укрепления обороноспособности. Под знаком антифашистского единства масс и их готовности дать отпор агрессору прошли первомайские выступления 1938 г. В демонстрациях участвовали представители всех национальностей республики, люди разной политической ориентации, всего до трех млн человек, но самыми многочисленными были колонны КПЧ и ее сторонников⁵¹. Когда в ответ на гитлеровские провокации правительство 21 мая объявило о частичной мобилизации, ЦК КПЧ призвал рабочий класс и всех трудящихся города и деревни «создать прочное и нерушимое единство независимо от политической и национальной принадлежности..., все нации республики отбросить в сторону всё, что их разделяет, встать единым фронтом на защиту мира и своего отечества..., все политические партии и всех деятелей подчинить свои партийные интересы общим интересам: сохранению мира, безопасности, целостности и независимости республики»⁵². Заложенная в этом документе концепция, оформившаяся на следующем этапе как стратегия национального фронта, разрабатывалась КПЧ во взаимодействии с Исполкомом Коминтерна⁵³. Тот факт, что коммунисты были в первых рядах защитников республики, помог чехословацкому народу лучше понять антифашистскую и патриотическую роль КПЧ и в дальней-

⁴⁸ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 10, с. 16.

⁴⁹ Там же, с. 12—13.

⁵⁰ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5, с. 48; «История Чехословакии», т. III. М., 1960, с. 288.

⁵¹ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5, с. 44.

⁵² К. Готвальд. Там же, с. 515.

⁵³ «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», с. 484—486, 493—501.

шем признать ее руководство в борьбе за национальное освобождение, демократию и социализм.

В Польше угроза независимости страны, связанная с захватническими целями гитлеризма, усугублялась проводимым режимом «санации» внешнеполитическим курсом, содержанием которого объективно стало сближение с фашистской Германией и изоляция от миролюбивых и неагрессивных государств. Эта политика вызывала недоверие народа и осуждалась всеми оппозиционными партиями. Но наиболее последовательной в критике внешнеполитического курса пилсудчиков была КПП. Она показывала, что маневры правительства, проводимые под фальшивыми лозунгами «независимости» польской политики, не только превращают страну в орудие антисоветских происков гитлеровцев, но и усиливают опасность германской агрессии против самой Польши. Вскрывая беспочвенность иллюзий правящих кругов относительно юго-восточного направления гитлеровских «интересов», польские коммунисты подчеркивали, что претензии к Австрии и Чехословакии не мешают нацистам «нащупывать западные границы Польши»⁵⁴. Компартией была развернута программа внешнеполитических мер по укреплению независимости Польши: полное прекращение сотрудничества с Германией, подписание пакта коллективной безопасности с СССР, Чехословакией и Францией, включение Польши в блок миролюбивых государств. Возмущение широких слоев народа прогерманской ориентацией правительства партия использовала как веский аргумент в пользу ликвидации «санационного» режима⁵⁵. Правящая же группировка, учитывая глубину патриотических чувств народа, выдвинула лозунг «национальной консолидации во имя защиты отечества», с помощью которого намеревалась дискредитировать оппозицию, обвинив ее в подрыве «единства нации». В таких условиях КПП, чтобы не позволить «санации» привлечь массы псевдопатриотической демагогией, стала активно участвовать в организуемых под эгидой правительства массовых мероприятиях, используя их как легальную форму пропаганды патриотизма и защиты национальных интересов в духе народного фронта⁵⁶. В связи с ростом военной опасности и увеличением зависимости «санационного» правительства от Германии, вызванным его претензиями на участие в перекройке карты Европы, КПП поставила изменение внешней политики как центральную задачу антифашистской борьбы, как «проблему бытия или небытия Польши». В документах 1938 г. ЦК КПП вновь предлагал широкое демократическое объединение, создание «исполнительного комитета всех партий и общественных, профсоюзных и политических организаций, стоящих на демократической почве, с целью координации их действий» и призывал к образованию «правительства доверия народных масс, правительства спасения Польши»⁵⁷. Этот лозунг, как подчеркнуто в обобщающем труде историков ПНР, свидетельствовал о том, что «в критические для страны месяцы накануне гитлеровского нападения на Польшу, партия окажется способной развернуть единственно правильную стратегию антигитлеровского национального фронта под руководством рабочего класса»⁵⁸.

На Балканах и в Дунайском бассейне, где гитлеровская экспансия первоначально имела замаскированный характер, компартии выступили с разоблачением всех форм закабаления их стран нацистской Германией.

⁵⁴ «Z pola walki», 1974, № 3, s. 93.

⁵⁵ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. III. Warszawa, 1956, s. 547—571; «Z pola walki», 1974, № 3, s. 92, 99—100; «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 175.

⁵⁶ J. K o w a l s k i. Ibid., s. 292—294.

⁵⁷ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 307—308.

⁵⁸ «Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964», Warszawa, 1967, t. I, s. 536.

Еще на ранних стадиях экономического проникновения гитлеровцев в Юго-Восточную Европу они доказывали, что несмотря на кажущиеся выгоды — клиринговая система позволяла Германии делать по высоким ценам большие закупки сельскохозяйственных продуктов, не находивших сбыта на других рынках — такая политика превращает партнеров Германии в ее аграрно-сырьевые придатки. Коммунисты разоблачали приемы нацистов, направленные на постепенное подчинение балканских и дунайских стран и их внутреннее ослабление⁵⁹. Одним из важных средств сопротивления германской и итальянской экспансии и вмешательству западных держав компартии считали консолидацию балканских стран на платформе общности региональных интересов. После аншлюса Австрии, открывшего Германии путь на Балканы, компартии расположенных там стран пришли к выводу о возросшей актуальности общевалканского сотрудничества, в том числе и на основе имевшихся между балканскими странами соглашений, при условии их перестройки по принципу коллективной безопасности, равноправия всех партнеров и исключения насильственных способов разрешения споров.

Но реакционные правительства балканских стран, опутанные сетью зависимости от империалистических держав, были далеки от проведения такой политики. Балканы раньше многих других регионов стали сферой прямого насилия фашистских государств. В апреле 1939 г. Италия оккупировала Албанию, которую, создав там марионеточное правительство, намеревалась использовать в войне против других балканских стран. В октябре следующего года жертвой итальянского нападения стала Греция. Поскольку правительство Метаксаса проявило решимость в сопротивлении агрессии, компартия, подчеркнув национально-освободительные цели войны, призвала народ к самому широкому участию в ней. Позиция КПГ была одобрена руководством Коминтерна⁶⁰. Одновременно в связи с тем, что итальянские войска вскоре были вытеснены из Греции и война продолжалась на территории Албании, Исполком Коминтерна напомнил греческим коммунистам, что военные действия греческой армии в Албании не должны привести «к установлению чужеземного, греческого, господства над албанским народом»⁶¹.

Компартия Югославии исходила из того, что все более определенная ориентировка реакционных правящих кругов на фашистские государства и проводимая ими политика национального гнета, питавшая центробежные силы многонационального государства, подрывают независимость и целостность Югославии. Поэтому КПЮ призывала к ликвидации антинародного режима и созданию правительства национальной обороны, которое опиралось бы на рабочий класс и все демократические и патристические силы и осуществляло меры по защите от агрессии. Важнейшим фактором ослабления внешней опасности КПЮ считала разрешение национального вопроса на основе равноправия. Одновременно она решительно осуждала национализм и шовинизм, порожденный официальной политикой национального неравенства и непоследовательностью партий буржуазной оппозиции, и энергично выступала против сепаратистских движений, связанных с фашистскими государствами. Коммунисты не только считали гибельной политикой капитуляции перед фашистскими государствами, но и видели опасность в односторонней ориентации на западные державы. Они требовали установления сотрудничества с государствами, уважающими суверенитет и подлинные интересы Югославии, и прежде всего с Со-

⁵⁹ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, с. 48—51; 1938, № 3, с. 51.

⁶⁰ «VII конгресс Коминтерна...», с. 257—258.

⁶¹ «Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец». М., 1974, с. 268—269.

ветским Союзом. Компартия шла в авангарде сил, которые проявляли готовность дать отпор фашистской агрессии. Активная позиция создала КПЮ большой авторитет в патриотических кругах, которые, благодаря всенародной поддержке, весной 1941 г. не допустили подготовленного правительством присоединения Югославии к блоку фашистских государств⁶². Закономерным результатом антивоенной патриотической деятельности КПЮ и ее усилий по организации народного фронта в предвоенный период была та ведущая роль, которую она сыграла в формировании и победе широкого национального фронта народов Югославии.

Компартия Болгарии накануне второй мировой войны выступала за вхождение Болгарии в Балканскую Антанту, полагая, что это поможет преодолеть изоляцию в своем регионе, но считала обязательными реорганизацию этого блока на началах равноправия и разрешение противоречий, порожденных несправедливыми условиями Нейкского мира⁶³. Осенью 1938 г. различные круги болгарской буржуазии поставили в центр внимания вопрос об удовлетворении «национальных чаяний» по примеру мюнхенского соглашения, т. е. возвращения любой ценой утраченных территорий. Такая точка зрения вела к сближению некоторых партий буржуазной оппозиции с откровенно фашистскими силами, ориентировавшимися на Германию, и свидетельствовала о новой перегруппировке в системе нефашистских сил⁶⁴. Компартия считала, что в таких условиях «самым важным для Болгарии является не вопрос о ревизии Нейкского договора, а вопрос защиты и сохранения независимости самой Болгарии»⁶⁵. Акцентируя остроту внешней опасности, БКП выдвинула лозунг «национального фронта защиты родины», в котором сочетала задачи борьбы против реакции внутри страны с делом защиты национальной независимости⁶⁶. Видя в Советском Союзе надежную опору для сохранения мира на Балканах, она организовала массовую кампанию в поддержку предложения СССР заключить с Болгарией договор о дружбе и взаимной помощи⁶⁷.

В Румынии форсированное наступление сил внутренней реакции и фашизма сопровождалось сближением с Германией и несло стране экономическую зависимость, политическое подчинение, утрату части исконной территории. В условиях дезорганизации и покорности королевской диктатуре не слившихся с режимом буржуазных кругов только компартия предлагала такие меры, которые не допустили бы включения Румынии в орбиту гитлеровской агрессивной политики. ККР настаивала на создании демократического правительства и предупреждала о пагубности для Румынии политики антисоветизма, содействовавшей распространению германской агрессии на Восток, и в противовес ей требовала политики дружбы и союза с СССР, сотрудничества с балканскими странами, заинтересованными в предупреждении агрессии, и поддержки тех близлежащих государств, которые уже подверглись гитлеровскому нападению. В момент принятия королем навязанных условий венского арбитража об отделении от Румынии Северной Трансильвании компартия вместе с сотрудничавшими с ней организациями (Фронт земледельцев и МАДОС) призвала все патрио-

⁶² «Преглед историје Савеза комуниста Југославије», с. 275—280, 285—286.

⁶³ С. А р с о в. Борбата на БКП за общобалканско сътрудничество, против вовлечението на Балканите във втората светова война 1934—1940. «Годишник на катедра по марксизм-ленинизъм при висшите учебни заведения», кн. 3. София, 1962, с. 145; Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма, с. 31—32.

⁶⁴ В. Г е о р г и е в. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България 1934—1939. София, 1971, с. 399—445.

⁶⁵ С. А р с о в. Там же, с. 157.

⁶⁶ «Незаконни позиви на БКП». София, 1954, с. 22.

⁶⁷ В. Ч и ч о в с к а. «Соболевата акция». София, 1972.

тические силы объединиться для сопротивления капитулянтской политике вплоть до вооруженной борьбы⁶⁸.

Компартия Венгрии была единственной в стране политической партией, которая не поддавалась националистической эйфории по поводу территориальных приращений, сделанных хортистским правительством с помощью гитлеровской Германии. Недостаточно сильная в организационном отношении компартия заняла в этих условиях правильные идейные позиции. Она неустанно разъясняла, что соучастие в фашистской агрессии ставит Венгрию в вассальную зависимость от Германии, а захват территорий соседних государств вызывает к Венгрии ненависть их народов. КПВ разоблачала клеветническую пропаганду правительства и буржуазных партий о «национальном единстве», необходимую для проведения захватнической политики, отстаивала право на самоопределение поработенных хортизмом словаков, украинцев, румын и прилагала усилия к образованию фронта независимости на базе единства всех противников гитлеровской Германии⁶⁹.

Компартии были в своих странах главными политическими силами, которые в полной мере понимали и самоотверженно пропагандировали роль Советского государства как ведущего антивоенного и антифашистского фактора и значение сотрудничества с СССР в деле защиты национальной независимости стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вторая половина 30-х годов принесла народам этих стран ценный революционный и политический опыт. Главное его содержание состояло в том, что был найден верный путь противодействия силам реакции и фашизма. Наметившие его коммунистические партии предложили конкретные программы борьбы, которые стали для этих стран положительной альтернативой фашистской опасности во всех ее проявлениях. Стратегия антифашистского единства стимулировала различные формы массового движения, в которое в определенные периоды вовлекались большие отряды рабочих, крестьян, антифашистов и патриотов. Это помешало попыткам антидемократических правительств расширить социальную платформу своей власти. В свою очередь компартии, некоторые из которых прежде вели преимущественно пропагандистскую работу, благодаря своей авангардной роли в политике единства всех демократических течений расширили и укрепили связи с массами и стали превращаться в крупную силу на политической арене своих стран.

Однако задачи антифашистской стратегии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не могли быть исчерпаны в рассматриваемый период. По мере обострения международной обстановки главной в этом регионе стала опасность наступления фашизма извне, которая для одних народов обернулась гитлеровской агрессией и ликвидацией государственности, для других — подчинением фашистским державам, осуществленным фашистскими правительствами из их ставленников. На этой стадии именно политика антифашистского единства, расширенного до масштабов национальных фронтов, вместе с борьбой советского народа принесла народам рассматриваемых стран победу над фашизмом, национальное освобождение и создала условия для социальной революции. Образование же национальных фронтов, концепция которых стала складываться еще накануне схватки с фашистским агрессором, было подготовлено в предшествующий период самоотверженной работой коммунистов по сплочению всех антифашистов, демократов и патриотов.

⁶⁸ Н. И. Лебедев. Крах фашизма в Румынии, с. 236—238, 267, 289—291; Е. И. Спываковский, Е. Д. Карпещенко. Там же, с. 93—95.

⁶⁹ «История венгерского революционного рабочего движения», с. 220—225, 240—252.

В. ТЕЛЬНОВ

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ МИРНОГО ДОГОВОРА С БОЛГАРИЕЙ (1946)

Победа стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне, решающий вклад в которую внес Советский Союз, создала благоприятные условия для осуществления народами Центральной и Юго-Восточной Европы радикальных перемен в политической и социальной структуре своих стран.

Болгарский народ под руководством своей коммунистической партии отдал много сил борьбе за прогресс и социализм. Революция 9 сентября, подчеркивал Тодор Живков, была «социалистической революцией, повторением Великого Октября в основном и главном. Разумеется, революция 9 сентября решала и общедемократические задачи. В этом состояло ее своеобразие как социалистической революции»¹. Главным вопросом революции в Болгарии, как всякой социалистической революции, являлся вопрос о политической власти, вопрос об утверждении народной демократии как формы диктатуры пролетариата². Наряду с сугубо внутренними факторами в укреплении новой власти важную роль играли внешние. Мощь Советского Союза и присутствие советских войск в Болгарии сделали невозможной империалистическую интервенцию или разжигание реакционными силами страны гражданской войны. Однако то, что Болгария была в годы войны союзником гитлеровской Германии, создавало для империалистических стран предлог для вмешательства в ее внутренние дела³, чем они и не преминули воспользоваться.

Еще при подготовке к Потсдамской конференции глав правительств трех великих держав в меморандуме для президента США Г. Трумэна от 30 июня 1945 г. исполняющий обязанности госсекретаря США Дж. Грю в качестве главной цели политики Соединенных Штатов по отношению к Болгарии, а также Румынии и Венгрии выдвинул реорганизацию правительств этих стран, а в качестве средства нажима для проведения желаемой реорганизации предложил отсрочку подписания мирных договоров и дипломатического признания указанных государств⁴. Американское правительство стремилось навязать Советскому правительству свою позицию, т. е. добиться его согласия на реорганизацию правительства в Болгарии и использовать механизм Союзной контрольной комиссии в этой стране для своего активного влияния на ее внутривнутриполитическое развитие.

¹ Т. Ж и в к о в. 30 години от победата на социалистическата революция в България. София, 1974, с. 7.

² Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 14. София, 1955, с. 271.

³ И. И. О р л и к. Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968, с. 63—64.

⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (далее — FRUS). The Conference of Berlin. 1945. Washington, 1960, v. I, p. 201.

Однако Советское правительство решительно выступило на Потсдамской конференции и последовавших за ней заседаниях Совета министров иностранных дел (СМИД) в защиту суверенных прав болгарского народа, и в частности его права самому решать вопрос о характере общественного устройства Болгарии. Тогда правительства капиталистических держав предприняли ряд новых дипломатических маневров с целью навязать свою волю СССР и провести желательные для себя решения.

Одним из таких маневров было стремление США ликвидировать СМИД как основную инстанцию по выработке мирного договора с Болгарией⁵. Государственный секретарь США Дж. Бирнс выдвинул предложение о проведении мирной конференции и передаче ей полномочий по подготовке мирного договора⁶. Не отвергая в принципе идею созыва мирной конференции, позволявшей выявить мнение всех заинтересованных стран, Советское правительство настояло на том, чтобы до ее созыва представители держав, подписавших условия перемирия с Болгарией, в основном подготовили текст мирного договора, а после вынесения рекомендаций конференцией выработали бы и утвердили окончательный текст договора. Это решение находилось в полном соответствии с потсдамскими соглашениями глав правительств трех великих держав и позволяло Советскому правительству контролировать до конца процесс выработки мирного договора с Болгарией.

Тем не менее руководящие круги капиталистических держав надеялись, что им удастся использовать мирную конференцию как «средство мобилизации мирового общественного мнения против Советского Союза»⁷, и они сумеют «собрать большинство голосов для вынесения решений, направленных против России по тем вопросам, которые западные державы не могут уладить непосредственно»⁸. Недавно рассекреченные и опубликованные американские дипломатические документы⁹, в том числе и увидевшие свет некоторые рабочие материалы делегации США на Парижской конференции, красноречиво говорят о том, что американское правительство решило прибегнуть на конференции к тактике давления на Советский Союз и страны народной демократии. Ставка делалась на буржуазный характер большинства правительств, которые должны были быть представлены на этой конференции.

Американское правительство надеялось использовать мирную конференцию, чтобы ущемить независимость и государственный суверенитет Болгарии, отторгнуть часть ее территории, навязать ей тяжелые репарации и компенсации и тем самым вызвать большие затруднения в стране, скомпрометировать и опорочить народно-демократическую власть, представить ее как неспособную обеспечивать и отстаивать интересы страны и в конечном итоге вызвать ее падение.

Но болгарский народ был не одинок. В борьбе за свое будущее он мог твердо рассчитывать на помощь Советского Союза, который в тесном взаимодействии с рядом стран — участниц Парижской мирной конференции — Польшей, Чехословакией, Югославией, — равно как и с самой Болгарией, а также Румынией и Венгрией, вставшими к тому времени на путь народной демократии, проводил принципиальный курс на обеспечение справедливого демократического послевоенного мирного урегулирования. Поэтому накануне мирной конференции, 24 июля 1946 г., в своей речи на за-

⁵ «История дипломатии», т. V, кн. 1. М., 1974, с. 33.

⁶ FRUS, 1945, v. II. Washington, 1970, p. 382—383.

⁷ «New York Times», 19 VII 1946.

⁸ «New York Herald Tribune», 8 VII 1946.

⁹ «Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference. Documents», v. III—IV. Washington, 1970.

седании Народного собрания Болгарии его председатель В. Коларов с уверенностью и надеждой заявил: «В лице Советского Союза мы имеем нашего самого верного и могучего друга и защитника, который с начала и до конца защищает высшие интересы нашего народа и не позволит причинить ущерб Болгарии, затронуть национальное достоинство болгарского народа»¹⁰.

Первая послевоенная мирная конференция начала свою работу в Париже 29 июля 1946 г. В этот день ворота старинного Люксембургского дворца открылись, чтобы принять представителей 21 государства, которые должны были обсудить проекты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией и вынести по ним свои рекомендации. В числе других конференций был представлен проект мирного договора с Болгарией, подготовленный Советом министров иностранных дел.

В Совете делегации великих держав согласовали большинство положений проекта, а по оставшимся несогласованным статьям изложили точки зрения своих правительств. В преамбуле проекта заявлялось о прекращении состояния войны и заключении мира с Болгарией. При этом указывалось, что Болгария, став союзником гитлеровской Германии, несет свою долю ответственности за эту войну. Но подчеркивалось, что Болгария, порвав отношения с Германией и заключив 28 октября 1944 г. перемирие с СССР, Великобританией и США, в дальнейшем приняла активное участие в войне против Германии. Мирный договор, говорилось далее, должен стать основой дружественных отношений Болгарии с другими странами и урегулировать еще нерешенные вопросы между ними, дать возможность Союзным и Соединенным державам поддержать обращение Болгарии о принятии ее в члены ООН.

В проекте болгарские границы устанавливались такими, какими они существовали на 1 января 1941 г. Но в отношении греко-болгарской границы оговаривалось, что текст проекта рассматривается как условный, пока правительства Греции и Болгарии не представят мирной конференции свои точки зрения по этому вопросу. Политические постановления проекта предусматривали обязательства Болгарии принять необходимые меры для обеспечения болгарским гражданам всех политических свобод, не допускать возникновения и деятельности организаций фашистского типа, обеспечить задержание и выдачу военных преступников. Постановления по военным вопросам определяли ограничения вооруженных сил и вооружений Болгарии. В свою очередь вооруженные силы Союзных и Соединенных держав должны были быть выведены из Болгарии «так скоро, как это возможно, и во всяком случае не позднее чем через 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Что касается репараций и реституций, то Болгария должна была выплатить их Югославии и Греции, но не полностью, а лишь частично, принимая во внимание тот факт, что «Болгария не просто вышла из войны против Объединенных наций, а объявила войну и вела ее на деле против Германии». Установление суммы репараций и сроков их погашения было отложено Советом министров иностранных дел до обсуждения этого вопроса с правительствами Югославии и Греции. Болгария обязывалась восстановить законные права и интересы Объединенных наций и их граждан в Болгарии, как они существовали на 24 апреля 1941 г., и возвратить их собственности. Так как члены СМВД не пришли к единству мнений в вопросе о размерах компенсации собственности гражданам Объединенных наций в случае ее утраты или повреждения, то проект СМВД содер-

¹⁰ «Външна политика на Народна Република България». Сб. на документи и материали, т. 1. София, 1970, с. 43.

жал два варианта этого положения. Делегация СССР предлагала, принимая во внимание вклад Болгарии в войну против гитлеровской Германии, компенсировать такую собственность частично в пределах одной трети нанесенного ущерба, а делегация США требовала полного возмещения убытков. Английская и французская делегации поддерживали американское предложение. Далее в проекте указывалось, что Болгария должна признать право Советского Союза на все германские активы в Болгарии.

По вопросу о болгарской собственности на территории Объединенных наций также имелось два варианта. Делегации США, Англии и Франции предлагали установить право соответствующих Союзных и Объединенных государств присваивать себе эту собственность с целью погашения их претензий к Болгарии. Советская делегация выступала за восстановление прав Болгарии и ее граждан в отношении их собственности на территории Объединенных наций. Делегация СССР также предлагала отменить ограничения, установленные в отношении собственности Болгарии и ее граждан, находящейся на территории Германии и ее бывших союзников. А делегации США, Англии и Франции настаивали на отказе Болгарии от всех претензий в этом отношении. Все довоенные долги оставались в силе, но Болгария отказывалась от претензий к Объединенным нациям, связанных с войной.

Предусматривались условия, на которых до заключения торговых договоров должна была вестись торговля между Объединенными нациями и Болгарией, а также условия частного предпринимательства гражданами Объединенных наций в Болгарии. Проект намечал установление режима наибольшего благоприятствования по отношению к Объединенным нациям и их гражданам. Но советская делегация предлагала дополнить это положение следующим: «за исключением некоторых отраслей, где в соответствии с внутренними законами страны не применяется частное предпринимательство». Две точки зрения были отражены в проекте и относительно статьи о Дунае. Делегации США и Англии выступали за интернационализацию навигации по этой реке. Делегация СССР предлагала не включать в мирный договор «положений, касающихся Дуная», поскольку этот вопрос «подлежит урегулированию при участии всех придунайских государств»¹¹.

Вышеизложенный проект мирного договора с Болгарией рассматривался на пленуме конференции и в трех ее рабочих комиссиях: по политическим и территориальным вопросам для Болгарии, экономической для Балканских стран и Финляндии и военной.

На пленарном заседании 14 августа министр иностранных дел Болгарии Г. Кулишев сообщил о полном разрыве болгарского народа со старым курсом своих бывших правителей и рождении новой Болгарии. Новая Болгария, подчеркнул он, «не питает никаких агрессивных намерений и не имеет никаких захватнических замыслов. Болгарский народ намерен строить свое будущее, основываясь на своем труде, международном сотрудничестве и всеобщем прочном мире»¹².

Это заявление явилось отражением происходивших в стране глубоких социальных перемен, которые коренным образом изменяли положение Болгарии в системе международных отношений. На месте старой монархофашистской страны возникло государство нового типа, государство, которое защищало интересы трудящихся и вследствие этого приобретало качественно новые функции, как внутренние, так и внешние. Понимание новой природы народно-демократического болгарского государства по-

¹¹ «Советские делегации на Парижской конференции». М., 1947, с. 23—29.

¹² С. Васев, К. Христов. Болгария на Мирната конференция. Париж — 1946. София, 1947, с. 46—59.

зволяло сделать и правильные выводы в отношении конкретных статей мирного договора с ним. Именно на это обстоятельство сразу же после выступления Г. Кулищева обратили внимание участников Парижской конференции делегаты Польши и УССР. Новая демократическая Болгария, как подчеркнул Д. З. Мануильский, добросовестно выполняла взятые на себя по перемирию обязательства, «болгарский народ и его нынешнее правительство действительно борются за искоренение остатков фашизма в своей стране, успешно осуществляют демократические преобразования и твердо взяли курс на сотрудничество как с соседними странами, так и со всеми миролюбивыми народами». Он заявил: «Болгария — составная часть сил, борющихся за упрочение мира и установление содружества балканских народов»¹³.

Однако делегации капиталистических держав попытались поставить Болгарию в худшее положение, чем Италию или Финляндию. На первых же заседаниях политической и территориальной комиссии для Болгарии завязалась острая дискуссия в связи с просьбой Болгарии о предоставлении ей статута совоюющей стороны, как ранее это было сделано в отношении Италии¹⁴. Эта просьба болгарской делегации была поддержана делегацией БССР, которая представила соответствующую поправку к преамбуле мирного договора с Болгарией¹⁵.

Надо отметить, что в ходе второй мировой войны болгарский народ не допустил участия болгарской армии в военных действиях против Советского Союза. Он организовал сильное движение Сопротивления¹⁶. Выступив на заседании комиссии, советский делегат Н. Новиков подчеркнул, что болгарская армия начала военные действия против гитлеровской Германии еще 9 сентября, не дожидаясь официального заключения соглашения о перемирии. Болгарская армия сражалась на стороне Объединенных наций на территории Югославии, Венгрии и Австрии, потеряв около 32 тыс. убитыми и ранеными. 22 мая 1945 г. глава Советского правительства И. В. Сталин направил болгарскому правительству телеграмму, в которой подчеркивал вклад болгарского народа и болгарских вооруженных сил в победу над фашистской Германией¹⁷. Представитель югославской делегации поддержал поправку, предложенную делегацией БССР, напомнив при этом, что Болгария еще 5 октября 1944 г. заключила соглашение с Югославией о совместных военных действиях против гитлеровской Германии и внесла свой вклад в общую победу¹⁸.

Приведенные выше факты¹⁹ опровергали утверждение греческой делегации, что усилия Болгарии в войне с гитлеровской Германией нельзя классифицировать как «активное участие»²⁰. Однако капиталистическим державам удалось девятью голосами против четырех отклонить предложение делегации БССР²¹. Тем не менее западные державы не решились пойти на изменение политических положений проекта мирного договора с Болгарией, выработанных на заседаниях СМВД и основанных по предло-

¹³ «Советские делегации на Парижской конференции», с. 279.

¹⁴ С. Васев, К. Христов. Там же, с. 51.

¹⁵ FRUS, 1946, v. IV, p. 480.

¹⁶ «Вклад болгарского народа в разгром фашистской Германии». Пер. с болг. М., 1967; «Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944. Документи». София, 1962; Р. А. А б л о в а. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941—1945). М., 1973.

¹⁷ С. Васев, К. Христов. Там же, с. 85—86.

¹⁸ Дедижер. Париска конференција. Београд, 1947, с. 354.

¹⁹ Подробнее см. В. Израэлян. Из истории подготовки мирного договора с Болгарией (1944—1946). В кн. Из истории международных отношений. М., 1965, с. 37—42.

²⁰ С. Васев, К. Христов. Там же, с. 80.

²¹ FRUS, 1946, v. IV, p. 480.

жению советской стороны на условиях перемирия с Болгарией²², которые обеспечивали последней возможность демократического развития.

Об обреченности подобных попыток свидетельствовала судьба австралийской поправки о включении в проект мирного договора с Болгарией, равно как и в проекты других мирных договоров, рекомендации о создании европейского «суда человеческих прав» якобы для наблюдения за выполнением внутриполитических условий мирного договора, для чего предусматривалось подчинение побежденных стран его юрисдикции²³. Однако очевидность грубого вмешательства во внутренние дела других государств и резкие протесты делегации СССР и стран народной демократии привели 11 сентября к отклонению в юридической комиссии этого предложения делегации Австралии²⁴.

Политическому нажиму представители новой Болгарии подвергались не только на заседаниях конференции, но и за ее кулисами. Творцов американской внешней политики того периода изобличают в этом опубликованные в США материалы государственного департамента. 27 августа 1946 г. Дж. Бирнс встретился с болгарским премьер-министром К. Георгиевым и министром иностранных дел Г. Кулишевым. Как указывается в американской записи этой беседы, Бирнс неоднократно подчеркивал, что более важным по сравнению с содержанием самого мирного договора «является то, позволит ли положение дел в Болгарии подписать ему договор или нет». А в заключение, выдвигая необоснованные утверждения о недостаточном представительном характере болгарского правительства, он заявил, что «только присутствие оппозиции в правительстве и свобода печати позволят преодолеть вред, нанесенный условиями, существующими в Болгарии...»²⁵.

Затем, как сообщалось в секретном донесении делегации США в Париже от 31 августа 1946 г., американский представитель М. Барнс встретился с болгарской делегацией и «неофициально предложил» Георгиеву, Коларову и Кулишеву «пригласить лидеров оппозиции в Париж», чтобы «найти компромиссную формулу здесь, в Париже, об участии оппозиции в болгарском правительстве до выборов в Великое народное собрание»²⁶. Но правительство Болгарии, опираясь на поддержку Советского Союза, отвергло иностранное вмешательство во внутренние дела болгарского народа.

Острые дискуссии вызвал вопрос о греко-болгарской границе, который стал одним из центральных на конференции. Капиталистические державы стремились всячески сузить сферу распространения социализма²⁷, ослабить Болгарию. Представители США развернули бурную деятельность в поддержку претензий греческого правительства К. Цалдариса на одну десятую часть болгарской территории. Единственным обоснованием этих претензий были «стратегические соображения»²⁸. В США был даже создан специальный греко-американский комитет «Справедливость для Греции», в который вошли 20 сенаторов, несколько бывших министров и другие политические и общественные деятели. Комитет развернул активную пропагандистскую деятельность²⁹.

²² FRUS, 1945, v. II, p. 148.

²³ «Советские делегации на Парижской конференции», с. 314.

²⁴ «Paris Peace Conference. 1946. Selected Documents», p. 1326.

²⁵ FRUS, 1946, v. VI, p. 137—138.

²⁶ Ibid., p. 139.

²⁷ J. C a m p b e l. The United States in World Affairs. 1945—1947. New York, 1947, p. 143—144.

²⁸ «Paris Peace Conference...», p. 899.

²⁹ В. П. К о л а р о в. Българската парламентарна делегация в Копенхаген и Париж. София, 1946, с. 16.

Но результат американских усилий уменьшался самой греческой делегацией, ее безосновательными претензиями к Болгарии, как это признает в секретном послании от 5 октября 1946 г. политический советник делегации США К. Кэннон: «США превратили в дело принципа поддержку греческой делегации всюду, где только могли... Это было нелегко. Я должен уведомить вас о том, что главной трудностью была сама греческая делегация»³⁰. Кэннон отмечал, что правительство США еще полтора года назад, когда греческими руководителями был впервые поднят этот вопрос, сообщало им свою точку зрения о нереальности удовлетворения этих претензий. «Тем не менее, — восклицает Кэннон, — мы добивались этого...»³¹.

Захватнические устремления греческого правительства, подогреваемые империалистическими кругами западных держав, вызвали протест болгарской делегации³². Выступивший 6 сентября на заседании комиссии советский представитель Н. Новиков отметил, что в результате удовлетворения греческих требований «северо-восточная граница Греции была бы значительно отодвинута на север и находилась бы в 95 км от болгарской столицы Софии и всего в 35 км от Пловдива — второго по величине города Болгарии». Таким образом, греческие «стратегические соображения» сводились в сущности к тому, чтобы сделать стратегически уязвимыми основные политические и экономические центры Болгарии, что не соответствовало целям и задачам мирной конференции, поскольку не способствовало созданию устойчивого мира на Балканах³³.

Выступившие в защиту греческих требований делегаты капиталистических держав не могли привести веских доводов в оправдание своей позиции. Чувствуя, что не удастся провести в комиссии выгодную для себя резолюцию, греческая делегация добилась принятия политической и территориальной комиссией для Болгарии решения запросить мнение военной комиссии относительно «чисто военного аспекта» греческой поправки³⁴.

Однако ответ военной комиссии не дал греческой делегации дополнительных аргументов³⁵, что окончательно предрешило отклонение политической комиссией греческой поправки об изменении границ и принятие ею предложения СМВД, что болгарская граница должна остаться такой, какой она была на 1 января 1941 г. Характерно, что данное решение было принято политической и территориальной комиссией для Болгарии десятью голосами против одного (Греции) при двух воздержавшихся³⁶. И тем не менее при голосовании на пленуме конференции двенадцать делегаций во главе с представителями Великобритании воздержались, что повлекло непринятие данной статьи конференцией, хотя ни одна делегация не голосовала против этого предложения³⁷. Такое решение было вызвано не существом проблемы, а скорее политическими соображениями³⁸.

Однако это не поколебало решимости Советского правительства отстаивать правое дело болгарского народа. Глава советской делегации В. М. Молотов твердо заявил делегации НРБ: «абсолютно ничто не изменит окончательного результата. Границы останутся такими, какими они являются в настоящее время. Советский Союз не подписал бы договора, посягающе-

³⁰ FRUS, 1946, v. IV, p. 882.

³¹ Ibid., p. 883.

³² С. В а с е в, К. Х р и с т о в. Там же, с. 107—124.

³³ «Известия», 1946, 7 сентября.

³⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 271, д. 5467, с. 455.

³⁵ К. В. К и с е л е в. Записки советского дипломата, с. 232.

³⁶ FRUS, 1946, v. IV, p. 482.

³⁷ Ibid., p. 797.

³⁸ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 271, д. 5469, с. 159 (счет корреспондента ТАСС о пресс-конференции болгарских министров 12 октября 1946 г.).

го на целостность Болгарии»³⁹. Выступая 14 октября 1946 г. на пленарном заседании конференции, министр иностранных дел СССР подчеркнул, что западные державы добивались «такого решения, которое ни в какой мере не может отвечать интересам стабильности мира и может явиться лишь толчком к авантюрам и агрессии»⁴⁰.

Для максимального ослабления болгарского народно-демократического государства капиталистические державы стремились приспособить и военные статьи мирного договора. С этой целью они вновь поддержали бесосновательные требования греческой делегации. Одиннадцатью головами против семи при трех воздержавшихся на заседании военной комиссии западный блок добился принятия поправки о запрещении строительства долговременных укреплений к северу от греко-болгарской границы, где могли бы быть размещены орудия, способные вести огонь по греческой территории⁴¹. При этом был игнорирован тот факт, что военные эксперты СМВД изучали этот вопрос в отношении побежденных стран и выработали формулу, одобренную затем СМВД, согласно которой вооружения и укрепления этих стран должны были быть ограничены таким образом, чтобы «отвечать задачам внутреннего характера и локальной обороне границ»⁴². К тому же надо отметить, что Болгария вообще не имела долговременных укреплений в указанном районе, что было признано даже греческой делегацией. Принятое военной комиссией решение накладывало на Болгарию ограничения, которые не были сделаны в отношении других балканских стран и Финляндии, что ставило ее в исключительное положение. На пленуме конференции это предложение западных стран, хотя и не собрало двух третей голосов, все же было принято⁴³.

Цели снижения обороноспособности Болгарии также служила принятая военной комиссией, в которой большинство составляли англо-американские представители, поправка о торпедных катерах⁴⁴. Делегации западных стран утверждали, что торпедные катера — это «в основном наступательное оружие» и поэтому они должны быть запрещены и для Болгарии, как это было сделано в случае с Италией. В этом вопросе, как и в предыдущем, западные державы не считались с результатами работы СМВД: эксперты СМВД предлагали ввести ограничения на военно-морской тоннаж и личный состав, а также запретить определенные виды оружия. Никакого упоминания о запрете в отношении торпедных катеров для Болгарии в проекте мирного договора с ней, выработанного СМВД, сделано не было⁴⁵.

При решении экономических проблем, подлежавших урегулированию по мирному договору с Болгарией, правительство США ставило перед собою две взаимосвязанные цели: во-первых, ослабить народно-демократическую Болгарию, компенсируя при этом ущерб, нанесенный США или их гражданам в связи с участием Болгарии в войне; во-вторых, создать условия для проникновения иностранного капитала, захвата решающих позиций в экономике, укрепления позиций и влияния США в Болгарии. Для достижения первой цели были использованы главным образом вопросы о репарациях, компенсации иностранной собственности в Болгарии и болгарской собственности за границей. Западные державы поддержали огромные надуманные репарационные претензии греческого правитель-

³⁹ «Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг.». Документы и материалы. М., 1969, с. 256.

⁴⁰ «Советские делегации на Парижской конференции», с. 343.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 271, д. 5468, с. 141.

⁴² «Внешняя политика СССР», т. VI. М., 1947, с. 428.

⁴³ FRUS, 1946, v. IV, p. 935.

⁴⁴ Ibid., p. 520.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 271, д. 5468, с. 197.

ва к Болгарии на сумму 985 469 993 доллара⁴⁶. В перечне убытков, понесенных Грецией, фигурировали и такие статьи, как «ухудшение сети железных дорог вследствие перегрузки», ущерб «из-за бездеятельности торговли» и т. п.⁴⁷

Несостоятельными были и претензии греческого правительства к Болгарии о возмещении разрушений в результате военных действий на греческой территории, поскольку болгарские войска вступили туда через 10 дней после капитуляции Греции и не вели там никаких военных действий. Кроме того, участие Болгарии в войне против гитлеровской Германии потребовало крайнего напряжения ее истощенной экономики и принесения многих жертв⁴⁸. Поэтому югославский делегат М. Бартош, подчеркнув вклад Болгарии в борьбу против гитлеровской Германии, заявил о необходимости учета экономических возможностей Болгарии и предложил ограничиться минимальными репарациями с Болгарии⁴⁹. Даже английский представитель, заявив, что «был бы очень счастлив, если бы Болгария могла оплатить все требуемые Грецией суммы», был вынужден признать, что претензии последней необоснованы⁵⁰.

По мере выявления усилиями делегаций СССР и стран народной демократии несостоятельности греческих репарационных претензий происходило постепенное уменьшение этой суммы до 125 млн долларов, которая, как заявил 11 октября 1946 г. в своей речи на пленарном заседании конференции А. Я. Вышинский, тем не менее была «явно не обоснована ни с фактической стороны, ни с моральной, ни с политической стороны». Поэтому советская делегация считала, что «весь вопрос нужно передать в Совет министров, чтобы он изучил его с большой тщательностью и добросовестностью»⁵¹. Но на конференции простым большинством голосов англо-американского блока было принято решение об утверждении этой суммы в качестве репараций с Болгарии⁵².

Относительно имущественных претензий США к Болгарии экономический советник делегации США Дж. Рейнштейн писал 2 августа 1946 г. в секретном меморандуме: «Нашим намерением является оказание сильного нажима в целях полной компенсации всего ущерба, нанесенного собственности Объединенных наций в результате или в связи с войной...»⁵³. Советская делегация, признавая в принципе необходимость подобной компенсации, предлагала применить в данном вопросе, как и в вопросе о репарациях, принцип частичного возмещения, а именно, в размере 25% нанесенного ущерба. Украинская, белорусская, чехословацкая и югославская делегации также придерживались этой точки зрения⁵⁴. В результате дискуссии мирная конференция приняла рекомендации о возмещении ущерба иностранной собственности в размере 75%⁵⁵.

При рассмотрении экономической комиссией вопроса о судьбе болгарской собственности за границей на конференции, как и на заседаниях СМВД, имелись два предложения. СССР предлагал восстановить права Болгарии над ее заграничной собственностью, а США, Англия и Франция требовали лишения Болгарии ее прав в отношении этой собственности для удовлетворения за счет этого «оставшихся неудовлетворенными иностран-

⁴⁶ «Внешняя политика Советского Союза, 1946 год». М., 1952, с. 387.

⁴⁷ «Советские делегации на Парижской конференции», с. 302.

⁴⁸ С. Васев, К. Христов. Там же, с. 219—224.

⁴⁹ FRUS, 1946, v. III, p. 605.

⁵⁰ С. Васев, К. Христов. Там же, с. 218.

⁵¹ «Советские делегации на Парижской конференции», с. 302—303.

⁵² FRUS, 1946, v. IV, p. 935.

⁵³ Ibid., p. 817.

⁵⁴ Ibid., v. III, p. 613.

⁵⁵ Ibid., v. IV, p. 490, 935—936.

ных претензий» к Болгарии. Большинство в комиссии преопределило исход голосования, и было принято предложение западных держав⁵⁶.

Таким образом, капиталистическим державам удалось принять на конференции ряд угодных им рекомендаций. Но в целом они не достигли поставленной перед собой цели — сильного ослабления Болгарии и постановки ее в зависимое от себя положение. Советская делегация активно использовала трибуну конференции для разоблачения империалистических устремлений западных держав и показа их несостоятельности. В главном вопросе — вопросе о репарациях с Болгарии — делегация СССР добилась значительного снижения рекомендуемой суммы. Также были уменьшены и рекомендуемые конференцией размеры компенсации ущерба, понесенного иностранными владельцами на территории Болгарии.

Борясь за достижение своей второй цели, направленной на экономическое закабаление Болгарии и обеспечение ее развития по капиталистическому пути, капиталистические государства прежде всего стремились помешать складыванию тесных дружественных отношений между СССР и странами народной демократии. В уже упоминавшемся меморандуме Рейнштейн подчеркивал, что американская делегация вновь будет выступать против советской оговорки, касающейся отношений между соседними странами при предоставлении побежденными странами режима наибольшего благоприятствования Объединенным нациям, также как и против советского предложения о государственной монополии⁵⁷. Дж. Бирнс, глава американской делегации, выступая 15 августа на конференции, заявил, что правительство США «не может оставаться безразличным к соглашениям, оговоренным в договорах или вне их, которые имеют тенденцию ограничивать и изменять торговлю или нарушать экономические отношения»⁵⁸, сложившиеся еще до войны, т. е. в период, когда экономические отношения стран Центральной и Юго-Восточной Европы с СССР были сведены до минимума и ориентированы на Запад.

Позицию западных держав ясно выразил У. Черчилль в своем выступлении в дни работы мирной конференции, 13 сентября 1946 г., в Цюрихском университете. Обрисовав ужасы послевоенной разрухи в Европе, он прямо провозгласил «единственное средство» избавиться от всего этого: «Мы должны построить своего рода Соединенные Штаты Европы». При этом, подчеркнул Черчилль, надо спешить, пока капиталистические государства владеют монополией атомной бомбы⁵⁹.

Одной из основ для построения «новой» Европы, как явствовало из выступлений западных делегатов на Парижской конференции, должен был послужить принцип «равных возможностей» в экономике и торговле стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Общедемократический характер этого принципа в абстрактной форме не вызывает сомнений. Однако его применение в конкретных обстоятельствах, сложившихся после войны, должно было дать простор лишь мощным, в большинстве случаев американским монополиям, потому что экономика других стран была ослаблена войной и не могла конкурировать с ними. Таким образом, демократический принцип превращался в свою противоположность, в форму экономической экспансии США. Это была бы свобода только для монополий и полная несвобода и привязанность к империалистической экономической машине ослабленных войной стран. Несмотря на возражения представителей СССР, УССР, БССР, Чехословакии и Югославии экономическая комиссия большинством голосов приняла рекомендации о включении в мирный

⁵⁶ Ibid., p. 492—493.

⁵⁷ Ibid., p. 818.

⁵⁸ Ibid., v. III, p. 231—232.

⁵⁹ «The Times», 14 IX 1946.

договор с Болгарией статей, которые устанавливали в Болгарии режим наибольшего благоприятствования для граждан Объединенных наций. Но благодаря усилиям дипломатии СССР и стран народной демократии этот режим устанавливался на период только в 18 месяцев после подписания договора ⁶⁰.

Западные державы пытались навязать прибрежным государствам выгодный себе режим судоходства по Дунаю. Экономическая комиссия по мирным договорам с балканскими странами и Финляндией вопреки позиции СССР, Чехословакии, Югославии, УССР и БССР приняла резолюцию о том, что навигация по Дунаю должна быть «свободной и открытой на условиях полного равенства для граждан, судов и товаров всех государств». Для претворения этого решения в жизнь должна была быть созвана международная конференция ⁶¹.

Выступая в этой связи, советский делегат В. С. Геращенко отрицал право недружественных государств участвовать в осуществлении какого-либо контроля над Дунаем, поскольку это являлось нарушением суверенитета придунайских стран ⁶². Такого же мнения по вопросу о Дунае придерживалась и югославская делегация ⁶³. Тем не менее западные державы, используя «машину голосования», добились на конференции принятия рекомендаций о включении в мирный договор с Болгарией статьи об интернационализации Дуная ⁶⁴.

Для оказания давления на СССР и страны народной демократии капиталистические державы, используя послушное им большинство, добились принятия такой же резолюции в Экономическом и Социальном Совете ООН ⁶⁵. Однако СССР и страны народной демократии не могли считать себя связанными подобными решениями, грубо попиравшими общепризнанные нормы международного права. Проблема Дуная была главной в поднимавшемся капиталистическими государствами вопросе о свободе пользования ими инфраструктурой побежденных стран, но не единственной. В указанном меморандуме Рейнштейн заявлял: «Мы намерены продолжать оказывать нажим с целью добиться включения специальных положений о гражданской авиации. Мы рассматриваем включение условия о неприменении дискриминационных мер в этой области как существенную часть нашей программы» ⁶⁶. Выполняя эту американскую установку, западные делегации в экономической комиссии большинством голосов приняли в качестве рекомендации предложения делегации США о «равенстве возможностей в приобретении международных коммерческих авиационных прав» на территории Болгарии, а также о предоставлении последней самолетам всех Объединенных наций права пролета над своей территорией и приземления на эту территорию «для некоммерческих целей» ⁶⁷.

Однако вследствие усилий всех сил демократии и социализма, и прежде всего Советского Союза, власть народа в Болгарии не была поколеблена. Выступая 25 октября 1946 г. на предвыборном митинге в Софии, председатель ЦК БРП(к) Г. Димитров заявил: «Мы не одиноки. Никогда не забудется блестящая защита новой Болгарии, с которой выступили в Париже представители Советского Союза и другие наши славянские братья» ⁶⁸.

⁶⁰ С. В а с е в, К. Х р и с т о в. Там же, с. 222.

⁶¹ «Paris Peace Conference...», 754.

⁶² E. K a r d e l j. Govori na Pariški konferenci. Zagreb, 1947, s. 118—119.

⁶³ С. В а с е в, К. Х р и с т о в. Там же, с. 221.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ К. П. В о щ е н к о в. СССР в борьбе за мир. Международные конференции. 1944—1974. М., 1975, с. 67.

⁶⁶ FRUS, 1946, v. IV, p. 818.

⁶⁷ Ibid., p. 494.

⁶⁸ «Советско-болгарские отношения. 1944—1948», с. 262.

Следует отметить, что кампания в связи с выборами в Великое народное собрание Болгарии проходила в острой классовой борьбе сил Отечественного фронта с буржуазной оппозицией. Поддерживаемая американско-английской реакцией, оппозиция открыто угрожала избирателям, заявляя, что если на выборах победит Отечественный фронт, то Болгария якобы не сможет заключить благоприятный мирный договор, на нее будут наложены тяжелые репарации, будет отделена часть ее территории и т. д.

И то, что Советский Союз вместе с народно-демократическими государствами в основном отстоял на Парижской конференции согласованные Советом министров иностранных дел статьи проекта мирного договора с Болгарией и не допустил значительного ухудшения текста его несогласованных статей, особенно его защита неприкосновенности болгарской территории, подтвердило в глазах народных масс Болгарии правильность курса, проводимого Отечественным фронтом и БРП(к). Это нашло свое выражение в огромной победе Отечественного фронта на выборах в Великое народное собрание 27 октября 1946 г. В этот день подавляющее большинство болгарского народа продемонстрировало свою сплоченность вокруг Отечественного фронта. 53,16% общего числа голосовавших было отдано Болгарской рабочей партии (коммунистов)⁶⁹. Тем самым руководящая роль БРП(к) в общественном развитии страны была подтверждена и по парламентской линии.

На последовавшей за Парижской конференцией сессии СМВД в Нью-Йорке осенью 1946 г. благодаря твердой и принципиальной, но в то же время гибкой позиции Советского Союза содержание мирного договора с Болгарией, а следовательно и международные позиции молодого народно-демократического государства были значительно улучшены. Был подтвержден срок действия принципа «равных возможностей» каждой из Объединенных наций в побежденных странах в 18 месяцев, несмотря на попытки западных держав продлить его до трех лет. В связи с восстановлением еще на мирной конференции в результате упорной борьбы советской делегации прав побежденных государств на их собственность, вывезенную гитлеровскими вооруженными силами, Бирнс был вынужден заявить о возврате правительством США законным владельцам судов дунайских государств, в том числе и Болгарии, захваченных американскими войсками в западных зонах оккупации Германии и Австрии. Относительно Дуная было решено, что свобода судоходства по этой реке предоставляется всем государствам при условии уплаты портовых и навигационных сборов и соблюдения правил торгового судоходства. Причем, это положение не распространялось на перевозки между портами одного и того же государства. Чрезвычайно важным было решение СМВД о включении в тексты мирных договоров соглашения о созыве конференции по дунайской проблеме, что не позволяло западным державам превратить мирные договоры в орудие давления на побежденные государства. Советской делегации удалось добиться снижения компенсации иностранным собственникам до $\frac{2}{3}$ понесенного ущерба. Сумма репараций в пользу Греции с Болгарии была уменьшена до 45 млн долларов. Отвергнув все попытки западных держав вновь поставить вопрос о греко-болгарской границе, СССР настоял на сохранении в неприкосновенности болгарской границы.

Мирный договор 1947 г. помог Болгарии не только закрепить достигнутые успехи в деле коренной перестройки своей жизни на демократической основе, но и облегчил ей дальнейшее развитие по пути социального прогресса.

⁶⁹ «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, с. 496.

В. А. ТЕСЕМНИКОВ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (1919—1941 гг.) В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ СФРЮ

В конце 1942 г., выступая перед молодежью на Первом антифашистском съезде молодежи Югославии в освобожденном от фашистов г. Бихаче, Иосип Броз Тито отметил, что в Народно-освободительной армии и партизанских отрядах молодежь составляет 70—75% всех бойцов. Он подчеркнул также, что молодое поколение Югославии еще до войны активно участвовало в антифашистской борьбе, возглавляемой югославскими коммунистами¹.

И в послевоенный период, и в наши дни молодежь была в первых рядах тех, кто боролся за утверждение новых социалистических отношений в СФРЮ. Поэтому не случайно современные югославские историки, изучая прошлое революционного и рабочего движения Югославии, значительное внимание уделяют истории революционного молодежного движения, в том числе в межвоенный период — с 1919 по 1941 г.

В настоящем историографическом обзоре не ставится задача рассмотреть все научно-исследовательские и публицистические работы, посвященные развитию Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) в указанный период. Рассмотрены лишь те произведения историков СФРЮ, которые сыграли наиболее значительную роль в разработке важнейших проблем истории революционного молодежного движения Югославии, определили основные направления исследования истории СКМЮ в межвоенный период, послужили основой для дальнейших исследований в данной области.

Первые работы по истории революционного молодежного движения Югославии вышли в конце 50-х — середине 60-х годов. Это были работы научно-популярного и публицистического характера. Главной их целью являлась популяризация истории молодых югославских коммунистов среди югославской молодежи.

Эту же цель преследовала и книга В. Пекича «Союз коммунистической молодежи Югославии в межвоенный период (1919—1941 гг.)»². Несмотря на небольшой объем, в книге популярно изложены все основные этапы развития СКМЮ от его создания в 1919 г. до начала народно-освободительной войны народов Югославии в 1941 г. Автор пытается рассмотреть историю СКМЮ не изолированно, а вместе с основными моментами истории международного движения революционной молодежи. С этой целью во введении книги изложена краткая история революционного дви-

¹ И. Б. Тито. Борба за ослобођење Југославије. Београд, 1944, с. 113.

² В. Пекић. SKOJ između dva rata (1919—1941). Београд, 1959.

жения молодежи, начиная от первых организаций рабочей молодежи в Европе в конце XIX — начале XX в. и кончая созданием Коммунистического интернационала молодежи в ноябре 1919 г. Специальные подразделения введения посвящены роли В. И. Ленина в создании КИМ, изложению основных ленинских принципов работы с молодежью, значению Великой Октябрьской социалистической революции в создании и развитии организаций молодых коммунистов.

К достоинствам книги В. Пекича относится и стремление изложить историю СКМЮ как неотъемлемую часть революционной борьбы рабочего класса Югославии, возглавляемого КПЮ. Основные разделы работы хронологически совпадают с общепринятой периодизацией истории югославского рабочего движения.

В книге последовательно изложены страницы истории СКМЮ в легальный период, рассказывается о подпольной работе югославских комсомольцев (от «Обзнана»³ до установления буржуазной диктатуры 6 января 1929 г.), о борьбе молодых югославских революционеров с реакцией, о деятельности СКМЮ накануне второй мировой войны, когда новый ЦК КПЮ во главе с Иосипом Броз Тито, руководствуясь решениями VII конгресса Коминтерна, взял курс на создание Единого антифашистского фронта, на усиление борьбы с растущей военной угрозой.

В книге на основании материалов печати СКМЮ и КПЮ, архивных материалов (правда, без указания архивных данных) рассказывается о всех наиболее крупных мероприятиях СКМЮ (съезды, конференции, пленумы и т. д.), об участии югославских комсомольцев в революционной борьбе рабочего класса Югославии, о вкладе СКМЮ в международное революционное молодежное движение.

В 1959 и 1961 гг. двумя изданиями вышла книга Ж. Станковича «Боевой путь СКМЮ (Очерки истории)»⁴, в которой в художественно-публицистической форме освещается весь путь развития СКМЮ, начиная с Учредительной конференции югославских комсомольцев (октябрь 1919 г.) и кончая совместным съездом делегатов СКМЮ и массовой молодежной организации Народная молодежь Югославии в декабре 1948 г. На этом съезде было принято решение о создании объединенной массовой организации югославской молодежи под общим названием Народная молодежь Югославии.

Освещая почти 30-летнюю историю СКМЮ, Ж. Станкович, также как и В. Пекич, в той же хронологической последовательности рассматривает все основные периоды деятельности югославских комсомольцев. В книге Ж. Станковича цитируются материалы молодежной периодики, документы съездов и конференций СКМЮ, документы КПЮ о работе с молодежью (без детального указания источников цитируемых документов). Однако, на наш взгляд, недостаточно подчеркивается фактор взаимосвязанности СКМЮ и международного революционного молодежного движения, мало говорится о влиянии КИМ и той помощи, которую он оказывал своим югославским товарищам.

Обзором или научно-популярным очерком по истории революционной молодежи Югославии можно назвать и брошюру С. Цветковича «Развитие молодежного движения в Югославии»⁵, в которой очень сжато и конкретно рассматриваются основные моменты истории передового молодеж-

³ «Обзнана» — декрет, принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1921 г., которым югославское правительство запретило деятельность революционных рабочих организаций Югославии, в том числе КПЮ и СКМЮ.

⁴ Ž. S t a n k o v i ć. Borbeni put SKOJ-a (Beleške o istorijatu). Drugo izdanje. Beograd, 1961.

⁵ S. C v e t k o v i ć. Razvoj omladinskog pokreta u Jugoslaviji. Beograd, 1965.

ного движения Югославии с 1919 г. и до начала 60-х годов. Так же как и в книге В. Пекича, в этой работе даны сведения по истории первых организаций рабочей молодежи в Европе, говорится о деятельности союзов социалистической молодежи, о создании КИМ. Брошюра написана на основании преимущественно научно-популярных изданий Комиссии по истории молодежного движения Союза молодежи Югославии и предназначена для изучения в системе молодежного политического просвещения. Этот факт, а также умелое сочетание повествовательных и аналитических моментов приближают брошюру С. Цветковича к уровню научно-исследовательских работ.

Работы В. Пекича, Ж. Станковича и С. Цветковича, как уже говорилось, не являются научно-исследовательскими. В них была лишь сделана попытка осветить весь путь развития СКМЮ в межвоенный период и рассмотреть деятельность организаций молодых коммунистов в общегославском масштабе. Однако последовательность изложения материала в названных работах, научная периодизация истории СКМЮ, оценка ряда событий не утратили своей значимости и в наше время. В эти же годы в Югославии выходят и первые монографии, в которых исследуются отдельные проблемы отечественной истории революционного молодежного движения, в частности истории революционного студенчества Югославии.

Вклад передового югославского студенчества в революционную борьбу молодежи Югославии весьма значителен. Именно югославские студенты, опираясь на лучшие традиции социал-демократов югославских земель, используя опыт революционной борьбы своих сверстников за рубежом, создают в 1919 г. первые в Югославии объединения молодых коммунистов. Студенты-коммунисты сыграли большую роль в борьбе КПЮ за создание единого антифашистского фронта в суровые дни диктатуры 6 января и в предвоенные годы. Поэтому внимание югославских исследователей к проблемам истории передового студенчества Югославии было обоснованным и закономерным.

В межвоенный период в буржуазной Югославии было два основных центра студенческого движения — Белград и Загреб. В этих городах училась основная часть студентов Югославии. Первой научно-исследовательской работой о студенческом движении была монография загребского историка В. Райчевича «Студенческое движение в Загребском университете 1918—1941»⁶. Главным предметом исследования в монографии является революционное студенчество Загребского университета. В 1966 г. вышла в свет монография Милицы Дамянович, в которой исследовалась деятельность революционного студенчества Белградского университета с 1919 по 1929 г.⁷ Монографии В. Райчевича и М. Дамянович представляют собой наиболее полные исследования по истории революционного студенчества Югославии в межвоенный период.

Авторами названных работ на основании многих архивных материалов и периодических изданий проведено комплексное исследование ряда важнейших вопросов истории студенчества Загреба и Белграда. Проведен анализ социально-политического и экономического положения студентов, их борьбы за свои права, рассмотрено участие студентов в революционном движении. Несомненным достоинством этих двух работ является выбор исследуемого материала, который в большинстве своем впервые стал объектом научного изучения. Деятельность организаций студентов-коммунистов университетов Загреба и Белграда рассматривается наряду с деятель-

⁶ V. Rajčević. Studentski pokret na Zagrebačkom sveučilištu 1918—1941. Zagreb, 1959.

⁷ М. Дамянович. Напредни покрет студената Београдског универзитета. Књ. I. 1919—1929. Београд, 1966.

ностью других студенческих организаций или объединений, с которыми сотрудничало или боролось революционное студенчество. При этом борьба студентов-коммунистов закономерно показана лишь как часть общереволюционной борьбы югославских трудящихся.

В монографии М. Дамянович имеется ценный научно-справочный аппарат. Сноски и примечания дают возможность не только узнать архивные источники той или иной информации, но и содержат данные из биографий участников революционной борьбы или уточняют и дополняют какие-либо конкретные обстоятельства исторического события. Этого, к сожалению, нет в работе В. Райчевича. Архивные материалы В. Райчевича цитируются без необходимого в научно-исследовательской литературе указания архивных фондов и листов. Эта небрежность в научном оформлении несколько снижает в целом весьма высокий уровень научного исследования загребского историка.

В 1974 г. вышла вторая книга М. Дамянович, повествующая об истории революционного студенчества Белграда⁸. Хронологически монография является продолжением ее первого труда и охватывает период от государственного переворота в январе 1929 г., приведшего к установлению диктаторского режима короля Александра, до 1941 г. — последнего года существования королевской Югославии. Подобно предшествующему это исследование М. Дамянович создано на основе изучения большого количества материалов белградских архивов (Архив рабочего движения, Архив Югославии, Государственный архив Социалистической республики Сербии, Архив Института рабочего движения Сербии), многочисленных периодических изданий, выходивших легально и нелегально в Югославии в межвоенный период. Достоинством этой работы является показ деятельности передового студенчества в тесной взаимосвязи с революционной работой трудящихся, с важнейшими событиями внутренней и внешней политики Югославии тех лет.

В начале 60-х годов вышли в свет две работы, посвященные жизненно-му пути выдающихся деятелей коммунистического молодежного движения: книга С. Петровича «Семь секретарей СКМЮ»⁹ и Й. Петричевича «Иво Лола Рибар»¹⁰. Эти книги нельзя назвать в полном смысле научно-исследовательскими работами. В них нет детальных ссылок на источники, написаны они в художественно-публицистической манере. Однако их авторами использовались материалы архивов, периодической печати, письменные или устные воспоминания участников революционных событий прошлого. Книги содержат большой фактический материал, что делает их весьма ценным пособием для изучающих историю молодежного движения Югославии.

Книга С. Петровича посвящена жизни, деятельности и героической борьбе с югославской реакцией в годы диктатуры 6-го января руководителей СКМЮ, погибших или замученных в тюрьмах — Златко Шнайдера, Янко Мишича, Мийо Орешки, Пайи Маргановича, Йосипа Колумбо, Перы Поповича-Аги и Йосипа Дебеляка. Й. Петричевич прослеживает жизненный путь активиста революционного молодежного движения, секретаря ЦК СКМЮ, одного из руководителей народно-освободительной борьбы народов Югославии народного героя Югославии Иво Лолы Рибара. Й. Петричевич стремился воссоздать и атмосферу революционной борьбы, окружавшую секретаря СКМЮ. С этой целью в книге часто цитируются документальные материалы, приводятся отрывки из статей и речей Иво

⁸ Там же, кн. II. 1928—1941. Београд, 1974.

⁹ S. Petrović. Sedam sekretara SKOJ-a. Beograd, 1962.

¹⁰ J. Petričević. Ivo Lola Ribar (Biografija). Zagreb, 1964.

Лолы Рибара (следует упомянуть также, что произведения Иво Лолы Рибара вышли в Югославии отдельным изданием в начале 50-х годов)¹¹.

В 1963 г. коллективом авторов белградского Института рабочего движения был написан первый обобщающий труд по истории югославских коммунистов — «Очерк истории Союза коммунистов Югославии»¹². В его издании приняли участие видные общественно-политические деятели и историки СФРЮ П. Дамянович, С. Димитриевич, П. Морача, Р. Чолаквич, Д. Янкович и др.

Уделено внимание в этой работе и революционному молодежному движению в Югославии в межвоенный период. Это, в основном, фактологический материал: данные о съездах и конференциях СКМЮ, информация об участии молодых коммунистов и передовой молодежи, особенно студенчества, в тех или иных акциях югославских трудящихся, которые организовывались и направлялись югославскими коммунистами.

Особую ценность сведениям о СКМЮ придает то обстоятельство, что многие из авторов этого труда в довоенные годы были членами СКМЮ и являлись свидетелями и участниками описываемых ими событий. В очерке дается весьма высокая оценка деятельности СКМЮ, который накануне грозных испытаний 1941 г. превратился в массовую организацию общегосударственного масштаба, объединившую в своих рядах около 30 тысяч человек (с. 304), отмечается мужество и самоотверженность югославских комсомольцев в самые трудные годы межвоенного двадцатилетия.

Самой большой по объему работой по данной теме является монография С. Цветковича «Прогрессивное молодежное движение в Югославии 1919—1928»¹³. Монография написана на материале центральных и республиканских архивов СФРЮ, в ней широко использована периодическая печать различных политических направлений, мемуары и другие источники.

Научный труд С. Цветковича состоит из предисловия, введения и трех глав, каждая из которых охватывает определенный период развития революционного молодежного движения. Такая периодизация, как правильно отмечает автор, соответствует этапам в развитии передового молодежного движения и совпадает с периодизацией общественно-экономического и политического развития Югославии межвоенных лет (с. 263).

В монографии не только прослежена почти десятилетняя деятельность организаций СКМЮ (первичных, краевых, центральных), но и затрагиваются такие сложные проблемные вопросы в истории революционного молодежного движения, как юношеский авангардизм, взаимоотношения КПЮ и СКМЮ. Сделанные в связи с этим отдельные выводы представляются нам не совсем точными и поэтому требуют соответствующего разъяснения.

Рассматривая проявление авангардизма в югославском коммунистическом молодежном движении, автор полагает, что авангардистские взгляды проникли в СКМЮ через программу КИМ (с. 254). С этим утверждением нельзя согласиться. Анализируя решения Первого (учредительного) конгресса КИМ, С. Цветкович правильно отмечает, что эти решения содержали некоторые авангардистские положения. Но само явление авангардизма как левореволюционное течение в международном молодежном движении было порождено общественно-политическими условиями еще задолго до проведения Первого конгресса КИМ. Не вызывают возражений отмеченные С. Цветковичем обстоятельства, способствовавшие возникновению авангардизма, а именно: пренебрежение старой социал-демократии

¹¹ Иво Лола Рибар. Чланци и говори. Београд, 1953.

¹² «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963.

¹³ S. Цветковић. Napredni omladinski pokret u Jugoslaviji 1919—1928. Београд, 1966.

вопросами молодежного движения, ее попытки помешать созданию самостоятельной организации социалистической молодежи; слабость революционного большевистского крыла в рабочих партиях; недостаток опыта в практической революционной работе у передовой молодежи некоторых стран, в том числе и Югославии. Именно эти объективные условия, а не решения Первого конгресса КИМ создали для авангардизма благоприятную почву в союзах коммунистической молодежи, в том числе и в СКМЮ.

На наш взгляд, С. Цветковичу следовало бы, шире используя материалы многочисленной периодической печати, издававшейся исполкомом КИМ, более отчетливо и наглядно показать помощь, которую КИМ оказал развитию коммунистического молодежного движения Югославии, ибо она в известной степени им недооценивается. Недостаточно разработана, на наш взгляд, история прогрессивного молодежного движения в югославянских землях до первой мировой войны.

Необходимо отметить, что кроме названной монографии перу С. Цветковича принадлежит ряд статей, в которых на основании неопубликованных архивных материалов, данных периодики и мемуарной литературы исследуются вопросы, связанные с образованием СКМЮ, взаимоотношениями КПЮ и СКМЮ, деятельностью молодых коммунистов в Югославии в 1921 г. Эти статьи впервые осветили некоторые важные страницы из истории революционного молодежного движения в период создания СКМЮ и начала деятельности в условиях подполья.

В статье «К вопросу об основании СКМЮ»¹⁴ дан короткий обзор истории Социалистического интернационала молодежи, создания первых в Европе организаций молодых коммунистов и образования КИМ, рассматривается позиция 1-го съезда Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к) по молодежному вопросу, освещается деятельность революционной молодежи Югославии в течение 1919 г. На основании анализа материалов съезда С. Цветкович приходит к выводу, что югославские коммунисты в то время «не проявили инициативы в создании самостоятельной коммунистической молодежной организации в Югославии» (с. 244). Правильность вывода не подлежит сомнению. Однако, если учесть всю совокупность фактов, обусловивших это «непроявление инициативы», то необходимо назвать и объективные причины и обстоятельства, в силу которых 1-й съезд СРПЮ(к) занял несправильную позицию по молодежному вопросу. Эти объективные причины в выводах статьи не упоминаются.

Рассматривая решения 1-го съезда югославских коммунистов по молодежному вопросу, следует обязательно подчеркнуть, что молодая тогда партия югославского пролетариата не имела опыта работы с молодежью, не была знакома с теми ленинскими принципами работы с молодыми коммунистами, на которых основывалась, например, работа с молодежью в Советской России. Лишь позже советский опыт и ленинское понимание молодежного вопроса стали достоянием КПЮ. В начале 1919 г. СРПЮ(к), находясь в процессе организационно-политического становления, объективно не смогла оказать молодежи той помощи, которую она и ее руководство стали оказывать СКМЮ к концу 1920 г.

Взаимоотношениям КПЮ и СКМЮ в 1919—1928 гг. посвящена и статья С. Цветковича, написанная на основе его выступления на IV съезде историков Югославии 18 ноября 1965 г.¹⁵ Статья, по существу, содержит тот же материал о взаимоотношениях партии и СКМЮ и ту же оценку этих

¹⁴ S. Cvetković. Prilog pitanju osnivanja SKOJ-a. «Istorija XX veka», knj. VI. Beograd, 1964, s. 213—244.

¹⁵ S. Cvetković. O odnosima SKOJ-a i KPJ u periodu 1919—1928 g. «Prilozi za istoriju socijalizma», knj. 3. Beograd, 1966, s. 327—338.

отношений в начальный период, что и монография, которую мы уже рассматривали.

Важной в истории молодежного движения Югославии проблеме посвящена статья С. Цветковича «Явление индивидуального террора среди молодых югославских коммунистов в 1921 г.»¹⁶. После «Обзнаны», запретившей 30 декабря 1920 г. деятельность всех революционных организаций, в том числе и организаций КПЮ и СКМЮ, в обстановке спада революционного движения и усиления буржуазного террора, некоторые молодые члены КПЮ и СКМЮ решили противопоставить буржуазному террору революционный, точнее индивидуальные террористические акты против правящих верхов Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Террористические акты, организованные молодыми коммунистами, послужили непосредственным поводом для усиления репрессий со стороны буржуазии. На основании исследования архивных материалов, прессы и мемуарной литературы С. Цветкович приходит к правильным заключениям, что ориентация на индивидуальный террор была несостоятельной и что тактику индивидуального террора поддерживала лишь часть политически незрелых молодых коммунистов. Эти молодые члены КПЮ и СКМЮ были беззаветно преданы коммунистическим идеалам, но их действия принесли в сущности вред рабочему классу и развитию революционного движения Югославии.

В статьях «К изучению развития СКМЮ и прогрессивного молодежного движения в Югославии 1933—1934 годов»¹⁷ и «Проблема „реорганизации“ СКМЮ в период подъема революционного движения в Югославии 1935—1936»¹⁸ белградский историк М. Васич первым из югославских ученых исследовал ряд важных вопросов из истории революционного молодежного движения в Югославии в 30-е годы.

Четырехлетний промежуток времени, который охватывается в статьях М. Васича, является частью очень тяжелого периода в истории рабочего и революционного движения Югославии. КПЮ, СКМЮ, обескровленные полицейскими репрессиями 1929—1930 гг., находились в условиях глубокого подполья. Реакция уничтожила большинство организаций КПЮ и СКМЮ. Многие югославские коммунисты были убиты полицией или брошены в тюрьмы. В конце 20-х — начале 30-х годов на трудящихся Югославии обрушились последствия мирового экономического кризиса. Однако несмотря на все эти трудности, коммунистическое движение в Югославии не было уничтожено. В начале — середине 30-х годов можно говорить о возрождении и активизации деятельности югославских революционных организаций, и этому в немалой степени способствовали молодые югославские коммунисты, деятельность которых в указанные годы является предметом исследования статей М. Васича.

Используя материалы архивов, периодические издания, данные монографических исследований югославских историков, М. Васич рассматривает ряд важных вопросов, связанных с историей СКМЮ тех лет. В статьях рассказывается о влиянии на общественно-экономическое положение молодежи Югославии диктатуры 6-го января 1929 г. и мирового экономического кризиса, оживлении революционного студенческого движения в

¹⁶ S. Cvetković. Pojava individualnog terora kod mladih jugoslovenskih komunista 1921 g. «Istorija XX veka», knj. VII. Beograd, 1965, s. 453—492.

¹⁷ M. Vasić. Prilog izučavanju razvitka SKOJ-a u naprednog omladinskog pokreta u Jugoslaviji 1933—1934. «Istorija radničkog pokreta», knj. 2. Beograd, 1965, s. 159—293.

¹⁸ M. Vasić. Problem «reorganizacije» SKOJ-a u periodu poleta revolucionarnog pokreta u Jugoslaviji 1933—1936 g. «Istorija radničkog pokreta», knj. 4. Beograd, 1967, s. 199—334.

1931—1933 гг., процессе организационного укрепления СКМЮ, активизации деятельности молодых коммунистов в югославских университетах. На основании большого фактического материала М. Васич сделал обоснованные выводы об укреплении и активизации революционного молодежного движения Югославии в 1933—1936 гг. Решающую роль в этом сыграли КПЮ и руководимый ею СКМЮ. В выводах объективно отмечено положительное воздействие Коминтерна и КИМ, и особенно исторического VII конгресса Коминтерна, на работу партийных и комсомольских организаций в Югославии в указанные годы.

Истории борьбы югославской революционной молодежи в 30-е годы посвящена еще одна статья М. Васича: «Движение в защиту мира югославской молодежи в 1936 году»¹⁹. Движение за мир, за предотвращение угрозы войны и фашистской опасности было в 30-е годы неотъемлемой частью деятельности каждой коммунистической партии и союзов коммунистической молодежи. В этом отношении КПЮ и СКМЮ не являлись исключением. М. Васич приводит данные об участии молодых югославских коммунистов в международном антифашистском движении в начале 30-х годов.

Югославские коммунисты и члены СКМЮ проявили самую высокую активность, творчески претворяя в жизнь исторические решения VII конгресса Коммунистического Интернационала (июль — август 1935 г.) и решения VI конгресса КИМ (сентябрь — октябрь 1935 г.). На основе этих решений под руководством КПЮ по всей Югославии развернулась борьба за сплочение всех демократических и антифашистских сил, за единство молодежи перед лицом фашистской опасности. В каких формах протекала эта борьба в Югославии, как проходила подготовка молодых югославских антифашистов к международным форумам в защиту мира, подробно рассказывается в статье М. Васича. На основе анализа многочисленных архивных материалов, сведений югославских периодических изданий тех лет в статье убедительно подтверждается тот большой вклад, который внесла передовая югославская молодежь в сплочение всех антифашистских сил, в создание прочных основ Единого антифашистского фронта народов Югославии.

В сентябре 1969 г. в связи с 50-летием основания СКМЮ в Югославии был опубликован ряд изданий: иллюстрированный сборник научно-популярного характера «Молодежное движение в Югославии. 1919—1969»²⁰ и сборник юбилейного характера — «Общество, революция, молодежь»²¹, в котором затрагивались вопросы молодежного движения Югославии, а также других стран на современном этапе. Эти вопросы были предметом обсуждения научного симпозиума, посвященного 50-летию СКМЮ, который состоялся в Загребе в октябре 1969 г. Выступления участников этого симпозиума составляют основу сборника. Особый интерес представляет историографическая статья В. Райчевича²², в которой дана краткая характеристика большинства работ югославских авторов по истории СКМЮ, изданных в СФРЮ до 1969 г. Это уже рассмотренные работы В. Пекича, Ж. Станковича, С. Цветковича, М. Васича. Главный недостаток всех этих работ В. Райчевич усматривает в том, что история СКМЮ рассматривается несколько изолированно от истории других молодежных организаций, в отрыве от многих важных событий в стране²³.

¹⁹ M. V a s i ć. Mirovni pokret Jugoslovenske omladine 1936 g. «Istorija radničkog pokreta», knj. 3. Beograd, 1966, s. 171—226.

²⁰ Omladinski pokret Jugoslavije 1919—1969, Beograd, 1969.

²¹ Društvo, omladina, revolucija, Zagreb, 1969.

²² Ibid., s. 9—15.

²³ Ibid., s. 11.

К 50-летию КПЮ и СКМЮ был приурочен «Сборник работ о студенческом и молодежном революционном движении в Белградском университете»²⁴. Ряд статей сборника принадлежит перу известных специалистов по этой проблеме, таких, как М. Дамянович («Концлагерь в Вашеграде в начале 1936 г.»), С. Цветкович («Взгляды студентов-социалистов на создание Королевства СХС»), М. Васич («Международное сотрудничество студентов Белградского университета накануне второй мировой войны»), Б. Петранович (о возобновлении деятельности СКМЮ в освобожденном Белграде в 1944—1945 гг.). Другие статьи написаны исследователями, которые впервые обратились к изучению истории югославской молодежи. К ним относятся статьи Д. Станковича о борьбе югославских коммунистов и комсомольцев в Белградском университете в 1929—1932 гг., Л. Ивановича и М. Вукомановича о студенческой забастовке в Белграде в 1936 г., Д. Борозана о революционном студенчестве Белграда в 1940 г. Все статьи созданы на основе материалов белградских архивов, периодики исследуемого периода, а также работ по истории югославского революционного движения в довоенные годы и годы народно-освободительной войны народов Югославии.

Одной из последних работ по рассматриваемой проблеме является работа А. Милетича «СКМЮ в Сербии. 1919—1929»²⁵. Эта монография по существу охватывает не только 10-летний период деятельности организаций СКМЮ в Сербии. Ее первые две главы посвящены периоду развития социалистического движения сербской молодежи до 1919 г. Бесспорное достоинство монографии в том, что ее автор уделяет внимание теоретическим вопросам о месте и роли молодежи в революционной борьбе, роли В. И. Ленина и Великой Октябрьской социалистической революции в развитии мирового и югославского коммунистического движения молодежи. В шести главах работы А. Милетича рассматривается экономическое, социально-политическое положение сербской молодежи, деятельность организаций СКМЮ в Сербии в легальных и нелегальных условиях. Автор не избегает анализа трудностей и кризисных моментов в деятельности СКМЮ в Сербии в условиях подполья, в условиях ожесточенной фракционной борьбы, охватившей в те годы многие подпольные организации КПЮ в Сербии. Весьма солиден круг источников и литературы, использованных в монографии: неопубликованные материалы архивов Белграда, Загреба, Сараева и Любляны, целый ряд изданных в СФРЮ сборников документов и материалов, посвященных деятельности югославских коммунистов, а также многочисленная литература о развитии революционного движения Югославии в исследуемый им период. Монография имеет хороший справочно-библиографический аппарат, легко читается.

Несомненный интерес для всех, кто интересуется историей развития революционного молодежного движения Югославии, представляет монография Й. Бойовича «Передовое молодежное движение в Черногории. 1918—1941»²⁶. В ней тщательно рассмотрены события, связанные с историей организации и объединений передовой черногорской молодежи, начиная со времени образования Королевства СХС, в состав которого в конце 1918 г. вошла и Черногория, и кончая апрелем 1941 г., когда буржуазная Югославия перестала существовать как государственное целое под ударами фашистских оккупантов. Развитие организаций революционной черногорской молодежи автор показывает в тесной взаимосвязи с борьбой

²⁴ Zbornik radova o studentskom i omladinskom revolucionarnom pokretu na Beogradskom universitetu, Beograd, 1970.

²⁵ А. М и л е т и ч. СКОЈ у Србији 1919—1929. Београд, 1974.

²⁶ Ј. Р. Б о ј о в и ч. Напредни омладински покрет у Црној Гори. 1918—1941. Цетиње, 1976.

передовой молодежи всех народов Югославии. У Й. Бойовича понятие «передовая молодежь» не является синонимом только членов организаций Союза коммунистической молодежи Югославии. В книге исследуются события, участниками которых были и югославские комсомольцы, и прогрессивно настроенные участники объединений и групп школьников, молодых рабочих, подмастерьев и ремесленников, члены молодежных спортивных и культурно-просветительных клубов и организаций Черногории.

Разделение книги Й. Бойовича на две части и семь глав логически обусловлено основными социально-политическими и общественно-экономическими процессами, произошедшими в Югославии с конца 1918 г. по апрель 1941 г., и совпадает с общепринятой в современной югославской исторической науке периодизацией истории коммунистического и рабочего движения Югославии, организационной и неотъемлемой частью которого является история борьбы передовой молодежи югославских народов.

Как и в некоторых из вышеназванных работах югославских историков, в книге Й. Бойовича наглядно, на массе конкретных примеров, показано, сколь огромным было влияние Великой Октябрьской социалистической революции для идейной и политической ориентации молодых черногорцев. Монография Й. Бойовича написана на основе большого числа источников и литературы. Среди неопубликованных архивных материалов — документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, центральных, республиканских и местных архивов СФРЮ. Весьма обширен круг использованных автором периодических изданий, опубликованных сборников документов и материалов, мемуарной литературы.

Подводя итоги краткого обзора работ югославских историков о молодежном революционном движении Югославии в межвоенный период, следует отметить, что за последние 10—15 лет югославская историческая наука добилась заметных успехов в изучении прошлого передовой молодежи своей страны. Много сделано в изучении истории СКМЮ, революционного студенчества отдельных регионов Югославии. Однако многое предстоит сделать в будущем. Недостаточно изученными и освещенными остаются страницы истории молодежного движения до первой мировой войны, в частности деятельность групп и организаций национально-революционной молодежи типа «Млада Босна» и «Препород». А ведь многие из членов этих организаций стали в межвоенный период активистами и руководителями КПЮ и СКМЮ. Ждут исследования вопросы истории революционной молодежи Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Македонии, Косова и Воеводины. Наконец, еще не создана полная обобщенная работа по истории югославской революционной молодежи, которая внесла столь заметный вклад в героическую борьбу югославских трудящихся за создание социалистического содружества югославских народов — СФРЮ.

В. Н. ВИНОГРАДОВ

ЛОРД КАСЛРИ И БАЛКАНЫ

В марте 1821 г. на лидеров европейской реакции, собравшихся на конгресс в Лайбахе (Любляне) и обсуждавших вопросы подавления революций в Италии и Испании, свалилась новая неприятность: вспыхнуло восстание в Греции. Представителя Великобритании в Лайбахе не было. Однако на берегах Темзы испытывали не меньшую тревогу, нежели на Дунае и Неве. Джозеф Планта, постоянный заместитель министра иностранных дел (т. е. глава всего аппарата Форин Оффис), писал 8 августа: «За рубежом у нас нет иных интересов, помимо греков, турок и русских и русско-турецкой войны, которой все опасаются»¹. Так греческая нить вплелась в узел балканских и общеевропейских противоречий.

Именно греческие дела заставили сент-джемский кабинет, как именовалось тогда английское правительство, отставить в сторону свои расхождения с континентальными монархиями. Британские представители, в течение двух лет игнорировавшие собрания Священного союза, вновь появились на них. Самая развитая промышленная и морская держава бросила свой немалый авторитет на защиту владений самого отсталого государства, Османской империи, в Юго-Восточной Европе.

В данной статье автор не задавался целью детально рассматривать акции британской дипломатии на первом этапе (1821—1822) греческого кризиса; это с высокой степенью компетентности сделали его предшественники². Он стремился показать место Балкан в системе не только британской внешней, но и имперской политики, и проследить зарождение того курса на сохранение status quo в Юго-Восточной Европе (иными словами — удержания ее в составе Османской империи), который в течение полувека определял британскую позицию в этом регионе.

Торжество в связи с падением Наполеона продолжалось в Англии недолго. Осложнения и трудности подступали к британскому кабинету со всех сторон. Обнаружилось, что европейские государства не склонны менять наполеоновскую континентальную блокаду на иго торговой зависимости от Великобритании; они стали вводить таможенные тарифы для ограждения интересов молодой национальной буржуазии. Английский рабочий класс, задавленный нуждой и дороговизной, стоял на пороге чартистского движения.

¹ С. К. Вебстер. The Foreign Policy of Castlereagh. London, 1925, p. 593.

² И. Г. Гуткина. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг. Уч. зап. ЛГУ, серия истории, вып. 18, т. 130. Л., 1951, е е ж е. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость. Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 288. Л., 1966; И. С. Достяи. Россия и балканский вопрос. М., 1972; Г. Л. Арш. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976; А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958 и др.

Нам нет нужды приводить в этой статье многочисленные статистические выкладки. Ограничимся свидетельством историка Дж. Марриотта: «Дикая скачка цен угрожала разорением и промышленности и сельскому хозяйству... Состоятельные фермеры, не говоря уже об их батраках, превращались в пауперов на содержания приходов; кредит терпел крушение; банки повсеместно переживали тяжелые времена. Не лучше обстояли дела в промышленности. Экспорт падал; тысячи работников, особенно в угольной и металлургической отраслях, были выпшвырнуты с производства. Нужда рождала беспорядки»³.

Разногласия царили и «наверху». Политическая система Великобритании была отмечена печатью глубокого своеобразия: первой промышленной державой тогдашнего мира управляли крупные землевладельцы-лэндлорды. До поры до времени банкиры Сити, лондонские и ливерпульские коммерсанты, владельцы металлургических и машиностроительных предприятий Мидлэнда, текстильные фабриканты Ланкашира, по горло занятые предпринимательской деятельностью, мирились с подобным положением. Но их терпение подходило к концу. Требование парламентской реформы (что означало переход власти непосредственно в руки крупного индустриального капитала) становилось все громче. Торийское правительство графа Ливерпуля, олицетворявшее политическое влияние лэндлордов и противившееся реформе, в порядке компенсации должно было в максимальной степени удовлетворять экономические интересы промышленников и предпринимало чрезвычайные усилия в поисках и освоении новых рынков. Замечание известного британского историка Ч. Вебстера: «Торговые классы добивались все большего прямого представительства в палате...; их интересы в вопросах колоний и судоходства намного перевешивали соображения европейской политики»⁴, — страдает известной односторонностью (ибо европейская политика была подчинена тем же интересам), но, безусловно, дает ключ к пониманию многих действий кабинета. Царский посол Х. А. Ливен отмечал в одном из своих донесений: «После заключения общего мира в Европе порядок вещей, созданный договорами в Вене и Париже, совершенно изменил направление британской коммерции. Торговцы этой нации, лишившись надежды восстановить свое прежнее преобладание на рынках континента, почувствовали необходимость обретения новых...»⁵.

Освободительная борьба латиноамериканских владений Испании и Португалии, появление там самостоятельных государств воспринимались влиятельными кругами на Британских островах прежде всего через призму торговых интересов. Показательно, что корпорация лондонских купцов выступила за их признание⁶. Заботами о торговом процветании были тогда проникнуты на островах все. Любопытный штрих: ведущая филэллинская организация, Греческий комитет, высказываясь в поддержку самостоятельного правительства в Морее, писала: «Для Англии с торговой точки зрения, для мира в целом это будет благодетельно»⁷. Под обращением значились подписи Дж. Г. Байрона, Д. Рикардо, И. Бенгама, лиц мировой известности.

³ J. A. R. Marriott. Castlereagh. London, 1936, p. 284.

⁴ C. K. Webster. Ibid., p. 21. Вебстеру вторит Ф. Бейли: «Нужда в выходе для возросшей продукции заводов страны всегда была движущей силой политики Форин Оффис». F. E. Bailey. British Policy and Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 62.

⁵ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 26 IX (8 X) 1823. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1823, д. 6924, л. 99.

⁶ Там же.

⁷ «Address of the Greek Committee». Crown and Anchor Tavern. London, 1823, p. 2.

Встречая трудности на пути проникновения в Западную Европу, английские товары хлынули за океан, в Южную Америку, и через Средиземное море в турецкие владения. Рынок Османской империи превращался в один из важнейших ⁸.

Это — один ракурс положения. Не меньше забот и тревог, чем домашние и торговые дела, доставляли Лондону события на континенте Европы. Глава Форин Оффис в 1812—1822 гг. виконт Каслри самым деятельным образом участвовал в перекройке карты, учиненной Венским конгрессом в 1814—1815 гг. Его подпись стоит под Шомонским трактатом (март 1814 г.), актами конгресса и договором от 20 ноября 1815 г., заложившими основы межгосударственных отношений на развалинах наполеоновской империи.

Великобританию, выражаясь современным языком, можно назвать членом — основателем реакционного союза монархов против народов. Ч. Вебстер не впадает в преувеличение, когда пишет: Англия «была главным фактором в формировании новой Европы» ⁹. На смену наполеоновскому могуществу пришло равновесие сил, испокон веков являвшееся целью британской политики на континенте. На его основе должно было расцвести торговое и промышленное преобладание Великобритании, ее морская и колониальная мощь. Именно Каслри предложил в Вене и настоял на том, чтобы поставить достигнутый «порядок» под гарантию союзных держав. Статья VI их договора от 20 ноября 1815 г. гласила: «... Высокие договаривающиеся стороны условились возобновлять в определенные времена, будь то при непосредственном участии государей или чрез уполномоченных к тому министров, совещания для рассуждения о пользах общих и для рассмотрения мер, кои во время каждого из их собраний будут сочтены самыми полезными...» ¹⁰.

Достигнутые в Вене результаты британская историография хотя и не восхваляет, но и не осуждает. «Мирное урегулирование 1814—1815 гг., что бы ни говорили о его справедливости, установило вполне сносное равновесие сил» ¹¹, — пишут авторы «Кэмбриджской истории британской внешней политики». Усилия Каслри оцениваются высоко, причем подчеркивается его стремление воспрепятствовать возгоранию новой войны в Европе: его цель — «вернуть вселенной привычку к миру» ¹². Что при этом было вопиющим образом попрано право народов на самоопределение и им на шею посадили тиранов-самодержцев разного калибра, скромно умалчивается. Известный гораздо больше в области внешней политики, нежели истории, Генри Киссинджер идет дальше и связывает достижение мира с необходимостью умиротворения реакционных сил, возводя это в некий всеобщий закон: «Ныне, когда апокалипсис термоядерной войны угрожает нашим современникам уничтожением, не удивительно, что возникает ностальгия по эпохе, когда конфликты не превращались в тотальные войны... Каждый раз, когда мир, определяемый как отсутствие войны, яв-

⁸ Британская торговля с турецкими владениями (в млн. ф. ст.)

Год	Экспорт	Импорт	Торг. баланс
1825	1,1	1,2	—0,1
1835	2,7	0,9	1,8
1845	7,6	1,5	6,1
1852	8,5	2,3	6,2

F. E. Bailey. Ibid., p. 74.

⁹ C. K. Webster. Ibid., p. 50.

¹⁰ «Внешняя политика России», сер. I, т. 8. М., 1972, № 273, с. 614. Русский проект не содержал столь определенного указания о рассмотрении мер (см. там же, с. 694 примеч. 271). Английский контрпроект см. там же, с. 700, примеч. 292.

¹¹ «The Cambridge History of British Foreign Policy», v. 2. Cambridge, 1923. p. 1.

¹² Ibid., p. 7.

дился первостепенной целью одного или группы государств, мировая общность отдавалась на милость самых безжалостных из своих членов»¹³.

В начале XIX в. к главарям безжалостных, несомненно, относился виконт Каслри.

Ч. Вебстер усматривает трудность его задачи в том, что министр должен был «вести иностранную политику, которая была одновременно новой, запутанной и противоречащей предрассудкам соотечественников», ибо «с изжитием страха перед Францией парламент проявлял активное недовольство осложнениями на континенте; хотя многие его члены еще откликались на призыв к установлению равновесия сил, они ни в коей мере не склонны были брать на себя обязательства по его поддержанию, разве что британские интересы оказывались прямо и с полной очевидностью затронутыми»¹⁴.

На наш взгляд, Вебстер преувеличивал существовавшие расхождения. Парламент не перешел к изоляционизму и не проявлял равнодушия к тому, что творилось на континенте; однако многие его члены требовали от Форин Оффис невозможного: Великобритания должна была доминировать в Европе с затратой минимума средств и сил, не отвлекая их от решения заморских дел. Многоопытный Каслри понимал, что это утопично. Его расхождения с близорукими соотечественниками касались не стратегии, а тактики внешней политики. Он сознавал, что достижение «скромной цели» — служить арбитром в Европе, не допуская чрезмерного, с британской точки зрения, возвышения ни одной из держав (подразумевалась прежде всего Россия), — нельзя пускаться на самотек; что ради нее стоило активно участвовать в континентальной дипломатической игре, делая ставку на противоречия между недавними победителями Наполеона, и, в случае необходимости, не останавливаясь перед применением силы. Сам Каслри в циркуляре британским послам от 1 января 1816 г. писал, что в случае неудачи попыток обеспечить мир дипломатическими средствами следует «объединить державы Европы против того государства, чья извращенная политика или преступные амбиции явятся угрозой спокойствию, в котором все заинтересованы»¹⁵ (напомним, что все акции реакционного союза монархов объяснялись и оправдывались заботой о сохранении порядка и тишины в Европе).

В советской историографии сложившиеся после разгрома Наполеона отношения держав обычно именуют системой Священного союза. Строго говоря, это название, ярко и образно характеризующее политический и идеологический климат эпохи, не совсем точно с формальной точки зрения. И нам здесь, чтобы уяснить хитросплетения британской дипломатии, которая, участвуя в важнейших проявлениях политики реакционных монархов, в то же время отмежевывалась от Священного союза и осуждала его принципы, — необходимо на этой неточности остановиться.

Отношения между державами — победительницами Наполеона — Россией, Англией, Австрией и Пруссией — строились на основе упомянутых нами договоров. Великобритания вошла в этот союз и, по мнению ее министров, не было никакой нужды дублировать этот союз религиозно-мистическим актом, по букве и смыслу которого божественное провидение возлагало заботу о мировом порядке лично на европейских монархов. Это никак не вязалось с традиционной английской формулой «король в парламенте», означающей, что глава Великобритании никаких государственных функций без парламента не осуществляет.

¹³ H. A. Kissinger. *La Chemin de la Paix*. Paris, 1972, p. 11.

¹⁴ C. K. Webster. *Ibid.*, p. 32, 21.

¹⁵ «The Cambridge History...», v. 2, p. 8.

Каслри встретил поэтому образование Священного союза, воздвигнутого стараниями Александра I, с недоумением и опаской. Британский министр считал его цели «похвальными и невинными»¹⁶. Однако и ему и трезвой, рассудочной, насквозь рационалистической палате общин казалось нелепым основывать политику не на эгоистическом расчете, а действовать под сенью небес. По сведениям, полученным Каслри из разных столиц, там тоже были смущены. Даже австрийский император частным образом выражал тревогу — не сочтут ли его помешанным на религиозной почве, если он присоединится к сочиненной царем выпрепной декларации. Тем не менее и он и прусский король ее подписали. За ними потянулись и прочие монархи.

Каслри поджидали неприятности и дома. Принц-регент (король Георг III к тому времени совершенно лишился рассудка) рвался в Священный союз и был оскорблен тем обстоятельством, что собственные «советники» (ибо таково конституционное положение английских министров) его туда не пускали; со времен Якова I Стюарта британские монархи испытывали тоску по самодержавию.

В конце концов регенту позволили излить свои чувства в частном письме Александру I, в котором он полностью одобрил принципы Священного союза. Он сообщил, что, хотя британское государственное устройство не позволяет ему «формально приступить к сему трактату», душою он — вместе со всеми государями: «Я вполне разделяю установленные ими начала и сделанное ими объявление о руководствовании божественными заповедями христианской веры». Принц обещал: «Предметом моих самых ревностных усилий будет всегда соображать мое поведение... с этими священными правилами»¹⁷. Но официально Англия осталась вне его рамок.

Вскоре Каслри обнаружил, сколь значительные выгоды можно извлечь из создавшегося положения. Александр I, сделав небеса гарантом status quo в Европе, связал себе руки на Балканах и должен был следовать за фактическим главой европейской реакции — австрийским канцлером князем Меттернихом. А Каслри в результате двойной дипломатической бухгалтерии расширил возможности внешнеполитического маневра и обрел свободу критики собственных союзников. Как участник подписанного в ноябре 1815 г. союзного договора он мог присутствовать на конгрессах держав; однако как представитель страны, отмежевавшейся от Священного союза, он не только снимал с себя ответственность, но и осуждал вмешательство во внутренние дела других государств, осуществлявшееся британскими союзниками. «Справедливое равновесие» в Европе (употребляя выражение Каслри) Австрия, Франция, Россия и Пруссия поддерживали с мечом в руке. Английские дипломаты не мешали этому, но стояли в сторонке и заявляли о своей полной непричастности к акциям Священного союза, глубоко чуждого британским конституционным началам и традициям. Парламент был доволен. Его члены, «несмотря на ненависть к „якобинизму“ и „революции“, не питали любви к автократам»¹⁸. Ловкий же министр проводил такой курс, при котором ненавистная революция подавлялась руками нелюбимых самодержцев; Британия же, в полном соответствии со своими обычаями, разглагольствовала о священных принципах свободы, благах либерализма и отмежевывалась от континентальных реакционеров.

¹⁶ Ibid., p. 10.

¹⁷ Письмо принца-регента Георга Александру I от 6 X 1815. «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», т. XI, сост. Ф. Мартенс. СПб., 1895, № 425, с. 249.

¹⁸ С. К. Webster. Ibid., p. 21.

Однако надежды увековечить в Европе феодальный застой оказались несбыточными. 1820 год принес первую серьезную трещину в системе Священного союза — революцию в Испании, за которой последовали подобные же события в Неаполе и Пьемонте. «Кочующий деспот», по выражению Пушкина, царь Александр I, на целый год покинул пределы отечества, чтобы принять участие в конгрессах в Троппау (Опаве) и Лайбахе (Любляне). Монархи Австрии, Пруссии и России подписали заявление, обязуясь «не допускать перемен, совершенных незаконным (т. е. революционным.— В. В.) путем», не останавливаясь перед «побудительными мерами», грозя, «если окажется необходимым, прибегнуть к вооруженной силе»¹⁹. Во исполнение этой жандармской декларации французские войска подавили движение в Испании, австрийские — в Пьемонте и Неаполе. Лишь в последнем случае удалось соблюсти хоть какую-то видимость легитимизма — короля Фердинанда Бурбонского «пригласили» в Лайбах, дабы «вернуть ему свободу действий» (которой его лишили собственные подданные!). «Освобожденный» тиран немедленно пригласил иноземных карателей и в их обозе вернулся на прародительский трон.

Троппауский протокол лишь в более откровенной форме выражал мысли, которые Каслри высказал в своем циркуляре от 1 января 1816 г., — и тот и другой обосновывали «право» на вмешательство во внутренние дела государств. Однако различия в практическом подходе Лондона и континентальных столиц к подобным акциям были значительными. Британских лэндлордов и капиталистов пугали не буржуазные движения сами по себе, а их влияние на расстановку сил в Европе, угроза появления соперников на рынках, подрыва первенствующего положения английской индустрии. Они вовсе не считали обязательным для себя удерживать силой штыков на престоле каждого ретрограда. Учитывали они и сочувствие, с которым встречались в стране вести об освободительной борьбе на континенте и за океаном. Пресса, особенно либеральная, не жалела выражений, обличая «тиранов Европы», стремившихся установить «всеобщий гражданский и военный деспотизм»²⁰. Встать открыто на защиту самодержцев в парламенте не решался никто.

Надо было отмежеваться от Священного союза. 5 мая 1820 г. Каслри разослал послам доверительный циркуляр, который тем не менее получил в дипломатических кругах широкую известность. Этот документ считается одним из основополагающих в определении принципов британской внешней политики²¹. Преемник Каслри Дж. Каннинг говорил, что циркуляр «закладывает основы принципа невмешательства»; Г. Темперлей и Л. Пенсон в своей известной публикации именуют его «основой британской внешней политики»²². Циркуляр принадлежит к такого рода материалам, о сущности которых нельзя судить по отдельным вырванным из контекста цитатам и которые необходимо анализировать в совокупности высказанных в них положений.

Поводом, побудившим главу Форин Оффис взяться за перо, послужила испанская революция 1820 г. и намерение союзных держав подавить ее, воспользовавшись услугами французской военины. Каслри пространно и аргументированно обосновал важнейший в международных отношениях принцип невмешательства во внутренние дела государств: «Нет сомнения в

¹⁹ Н. К. Шильдер. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. 4. СПб., 1898, с. 189—190.

²⁰ «The Courier», 20 I 1823.

²¹ Впервые циркуляр был полностью опубликован: Lord Castlereagh's Confidential State Paper of May 5 1820. «Cambridge History of British Foreign Policy». Appendix A, v. 2, p. 622—632.

²² Н. Темперлей, Л. Пенсон. Foundations of British Foreign Policy. Cambridge, 1938, d. 6, p. 48.

том, что (в связи с событиями в Испании. — *В. В.*) возникает опасность, угрожающая в большей или меньшей степени стабильности всех существующих правительств, источником которой являются провозглашенные принципы и то обстоятельство, что многие страны Европы поглощены трудной задачей перестройки управления по конституционному признаку; однако саму идею пересмотра, ограничения или регулирования подобных экспериментов как путем подаваемых из-за рубежа советов, так и применения иностранных сил, не только трудно признать, но и невозможно осуществить»²³.

Это — наиболее часто цитируемые строки послания Каслри. Характерно, что в подкрепление изложенному он ссылался не только на высокие понятия свободы, справедливости и права, но и на внутреннее положение Великобритании: в то время, «когда энергия государства должна быть направлена целиком на объединение здравомыслящих людей в защиту существующих институтов, на подавление предательских настроений и недовольства, со всей определенностью проявляющегося и распространяющегося в низших классах», общественность не должна быть ни отвлечена, ни расколота «ненужным вмешательством правительства в события за рубежом, которые оно не может совершенно или, в лучшем случае, лишь в очень слабой степени контролировать»²⁴. Каслри намекал, что обсуждение действий союзных монархов в парламенте принесет им одни только неприятности.

Было бы праздным занятием задаваться вопросом — а не означал ли майский документ 1820 г. отказа от права на вмешательство, провозглашенного тем же Каслри в его гораздо менее известном циркуляре от 1 января 1816 г. Вслед за приведенной выше декларацией следовали широкие изъятия из принципа, в ней провозглашенного: «Нельзя отрицать возможности возникновения в ходе этих (конституционных. — *В. В.*) экспериментов в какой-либо стране прямой угрозы для других государств; и при наступлении подобной угрозы, определенно установленной, союзники, действуя с должным благоразумием и справедливостью, должны стоять на защите своих интересов...»²⁵. Министр счел нужным особо оговорить: «В случае нарушения территориального равновесия в Европе, она (Великобритания. — *В. В.*) допускает эффективное вмешательство; но ее правительство — последнее, от которого можно ожидать, что оно свяжет себя обязательствами во имя каких бы то ни было абстрактных принципов»²⁶.

Выходило, что Уайт-холл толковал принципы интервенционизма по потребности. В целом Великобритания всей своей мощью подпирала Венскую систему, лишавшую государственности (или закрепившую это лишение) поляков, норвежцев, бельгийцев. Ее правящие круги были кровно заинтересованы в сотрудничестве с крайними силами континентальной реакции. Однако расхождения в конкретных вопросах существовали, и Каслри взывал поэтому к европейским венценосцам — держаться «в рамках здравого смысла, и тогда правительства, представительные и чисто монархические, могут сотрудничать в общих интересах и сообща выполнять свои обязанности под сенью союза». Каждое из них, «сохраняя необходимую независимость действий, будет всегда сознавать, что у него есть прибежище в союзе и общий долг, осуществляемый... в случае реальной опасности»²⁷. Таким путем Каслри мог отмежеваться от действий своих

²³ «Cambridge History...», v. 2, p. 626.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., p. 628—629.

²⁶ Ibid., p. 626, 631.

²⁷ Ibid., p. 629.

коллег в необходимых случаях и сохранить возможность сотрудничества с ними в дальнейшем.

В связи с событиями в Испании и Италии взгляды, изложенные в майском циркуляре 1820 г., были воплощены в жизнь. Британская дипломатия заняла особую позицию; она отказалась присоединиться к континентальным державам, но в то же время палец о палец не ударила, чтобы помочь поднявшимся на борьбу. Крушением испанской колониальной империи она воспользовалась для того, чтобы создать условия для торговой экспансии в Латинскую Америку. С трибуны палаты общин Каслри заявил: «Эта страна ни в коей мере не участвует в политике», проводимой европейскими монархами. Она осудила «принципы, изложенные ими в Трошау и Лайбахе»²⁸. Все это звучало бы и добродетельно и красиво, если бы не фон в виде пожаров на Аппенинах и Пиренеях и не протесты демократически настроенной части общественности в самой Великобритании, настаивавшей на выходе правительства из состояния пассивного созерцания.

Именно этого торийское руководство не желало. 20 марта 1821 г. с важной внешнеполитической речью выступил Дж. Каннинг. В то время он не входил в правительство; его прочили в вице-короли Индии, и он, за неимением ничего лучшего, был согласен принять этот пост. Не будучи связан официальным положением, Каннинг мог свободнее выражать свои взгляды. Отталкиваясь от событий в Неаполе, он по сути дела изложил основы своего внешнеполитического кредо: «Палате говорят, что наступил великий кризис — принципы монархии и демократии вступили в войну по всей Европе, и Англии следует решить, на чью сторону встать». «Ради прогресса свободы нам следовало бы провозгласить наши союзы несуществующими и объявить войну державам, которых ныне считают угнетателями вселенной»²⁹.

Каннинг, однако, с этим не согласен. Он призывал «не поддаваться глупым романтическим настроениям, не думать, что мы одни можем возродить Европу». Он открыто шантажировал избирателя трудностями, с которыми связан вызов монархическим державам: «Скажем стране: хотя вы и переобременены сверх всякой меры, предстоит еще великие дела; вы должны готовиться к новым жертвам и новым усилиям. Правда, Англия спасена; но этого мало; надо спасти Европу, и притом за ваш счет»³⁰. Лично себя Каннинг объявлял «сторонником безусловного нейтралитета» в разыгравшихся революционных событиях. Британии, по его мнению, следовало осудить реакционеров и умыть руки. Заключение Каннинг свою речь фразой, ключевой для его мирозозерцания: «У нас самих в конституции достаточно демократизма, чтобы смягчить суровость монархии, и достаточно монархизма, чтобы ограничить капризы демократии»³¹.

Обрисованный Каннингом курс проводили его коллеги в кабинете. Правда, и тут наблюдалась определенная градация. Предложение Людовика XVIII британская дипломатия осудила безоговорочно — не для того герцог Веллингтон пять лет сражался на Пиренейском полуострове и выдворил оттуда французов, чтобы они вернулись назад, пусть под королевскими, а не императорскими знаменами. Итальянские дела затрагивали Уайт-холл в меньшей степени; его представители ограничились поэтому моральным осуждением³², не прибегая к формальным протестам.

²⁸ «Parliamentary Debates», 2 Series, v. 4, p. 1360.
House of Commons, 20 III 1821.

²⁹ Ibid., v. 9, p. 1372, 1369.

³⁰ Ibid., p. 1369.

³¹ Ibid.

³² Дж. Марриотт именует сделанные по сему поводу декларации Каслри утешением для либералов. J. A. R. Marriott. The Eastern Question. Oxford, 1940, p. 195.

19 марта 1821 г. в Лайбах, где заседал конгресс Священного союза, прибыла весть о вторжении Александра Ипсиланти в Дунайские княжества. Через месяц поступили сведения о восстании в Морее. Началась греческая национально-освободительная революция. Пожар охватил Османские владения. В Лондоне всполошились³³.

В годы войны с Наполеоном Великобритания добилась полного преобладания в судоходстве и торговле³⁴ с Восточным Средиземноморьем и не собиралась ни уступать его, ни делиться с кем-либо. Она «не может пренебрегать государством, которое держит в своих руках основные пункты коммуникаций между Европой и Азией». Благоволение Англии объяснялось и тем обстоятельством, что Порта на европейское равновесие не покушалась³⁵.

И по другим причинам в британской столице опасались осложнений на Балканах больше, нежели в какой-либо другой части Европы. Глубокая специфика обстановки здесь состояла в том, что политика России способствовала развитию национально-освободительного движения, которое выступало ее союзником в противоборстве с османской державой. Заинтересованность России в выходе к Черному морю, подрыву могущества Турции, стремление царизма усилить свое влияние в Юго-Восточной Европе приводили к тому, что и дипломатическим путем в мирные годы, и в ходе русско-турецких войн Россия упорно и, в общем, успешно добивалась расширения прав угнетенных южных славян, греков, молдаван и валахов. Кючук-кайнарджийский (1774), Ясский (1791), Бухарестский (1812) договоры принадлежат не только нашей отечественной истории; это — важные вехи в жизни Румынии, Югославии, Греции.

Сочувствие к движению славянских и неславянских народов Балкан охватило широкие слои населения России; не был чужд ему и «свет». Правда, вполне земные интересы российских помещиков и купцов воспринимались консервативными идеологами как извечная борьба православия и магометанства, которую царь должен был возглавить.

Западноевропейская модель, превосходно устраивавшая Лондон, когда один враг — царизм, противоборствовал другому — освободительному движению, угрожавшему балансу сил на континенте, не имела на Балканах шансов на успех. Поэтому Юго-Восток Европы возбуждал в Форин Оффис особые опасения. Премьер-министр граф Ливерпуль еще в молодости, будучи мистером Дженкинсоном, говорил, что если русские планы в отношении Турции осуществляются, «баланс сил в Европе рухнет полностью к явному ущербу всех государств в этой части света»³⁶.

По окончании наполеоновских войн Лондон взял курс на то, чтобы сохранить здесь status quo (иными словами — удержать Османскую империю от распада), стремился уменьшить русско-турецкие противоречия и по временам настаивал в Стамбуле на уступках, елико возможно незначительных.

Каслри выступал поэтому в официальной роли миротворца, заинтересованного в полюбовном улаживании споров. Он втолковывал туркам: «Военная мощь России значительна...», Англия, Австрия, Франция «слишком истощены войной, чтобы в их намерения входило прийти на помощь». «При нынешнем положении в Европе, ...учитывая относительную

³³ «The Cambridge History...», v. 2, p. 43.

³⁴ В 1804—1811 гг. британский вывоз в страны Средиземного моря вырос в четыре раза. G. D. Clayton. Britain and the Eastern Question. London, 1971, p. 35.

³⁵ Из записки, хранившейся в бумагах русского посольства в Стамбуле. «Essai historique et politique sur les rapports entre la Porte Ottomane et les principales puissances de l'Europe (redigé 1815—1816)». Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1278, оп. 2, д. 82, л. 187.

³⁶ R. W. Seton-Watson. Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 29.

силу двух государств, сохранение мира для Порты неизмеримо важнее исхода любого или всех вместе пунктов разногласий с Россией»³⁷. Он советовал, например, «смягчить дела в Сербии»³⁸, зная, как внимательно и сочувственно следят в России за борьбой сербского народа.

На Западе сильно преувеличивали и воинственность царизма и его возможности. В те годы «русский экспансионизм, — пишет И. С. Достян, — фактически не проявлялся в политике на Балканах»³⁹. На Даунинг-стрит не знали, конечно, обширных инструкций, которыми на Дворцовой набережной снабдили в том же 1816 г. назначенного послом в Стамбул барона Строганова. А носили они крайне умеренный характер: «Россия так же как и все европейские государства, нуждается в отдыхе»⁴⁰. Противником № 1 по праву называлась Великобритания.

Трезвая оценка внутренних и внешних факторов вела не только к отказу от каких-либо планов территориальных захватов на Юго-Востоке Европы; не думала тогда официальная Россия и о поддержке освободительного движения балканских народов. Попытки греческого патриота И. Каподистрии, занимавшего пост российского статс-секретаря, внушить царю мысль о несправедливости для населения Балкан и невыгодности для России Бухарестского мира (1812), «исторгнутого мусульманским упорством у нетерпеливых русских уполномоченных», его планы создания самостоятельных государств Молдавии, Валахии и Сербии, связанных с Турцией лишь обязательством поставлять ей продовольствие, были отвергнуты императором: «Все это очень хорошо обдумано, но для того, чтобы исполнить это, надобно воевать, а этого я не хочу»⁴¹.

Хотя из европейской системы пактов Турция была изъята⁴², тень Священного союза падала на нее. Принципы легитимизма и консерватизма по аналогии распространялись на Нижний Дунай и области, за ним расположенные.

По всем этим причинам предложения Каподистрии были не только отвергнуты, но и сам он, по своему служебному положению, должен был заняться выработкой инструкций для Г. А. Строганова, противоречивших его взглядам. Перед русским дипломатом была поставлена скромная с виду задача — добиться осуществления Бухарестского договора во всех его пунктах: «Мои намерения в отношении Порты миролюбивы, и они останутся таковыми, пока у нее будет желание или возможность по собственной воле поддерживать добрососедские и истинно дружеские отношения с Россией»⁴³.

Итак, правительства двух держав-антагонистов на Балканах, России и Англии, высказались в пользу умеренности не в публичной декларации, не за столом конференции, а в строго секретных предписаниях. Казалось, Порту ожидает много безоблачных лет...

Ничего подобного. На самом деле стороны трактовали умеренность по-разному. Россия хотела, в рамках договора 1812 г., добиться максимально благоприятных условий для своей черноморской торговли и балканских

³⁷ С. К. Webster. Ibid., p. 350.

³⁸ Р. Каслри — Бартоло Фреу 29 I 1816. «The Cambridge History...», v. 2, p. 11.

³⁹ И. С. Достян. Там же, с. 135.

⁴⁰ Там же, с. 142.

⁴¹ Записка гр. Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности. «Сборник Русского исторического общества», т. 3. СПб., 1868, с. 172, 210, 212.

⁴² Советские исследователи, например, И. С. Достян, Н. С. Киняпина обращают внимание на то, что одной из целей создания Священного союза была международная изоляция Турции. В плане внешнеполитической стратегии царизма это, несомненно, так. Однако конкретно никаких замыслов немедленной активизации политики в отношении Османской империи не вынашивалось.

⁴³ Рескрипт Александра I Г. А. Строганову 30 VI (12 VII) 1816. «Внешняя политика России», сер. 2, т. I (9), № 65, с. 211.

народов. Царь выражал решимость «не отступать от совокупности постановлений Бухарестского договора...»⁴⁴. Британская дипломатия в идеале хотела бы оставить на Юго-Востоке Европы все по-старому; только под давлением обстоятельств она советовала туркам идти на минимальные уступки — лишь бы избежать военного столкновения с северным соседом. Турецкий диван, который с внешнеполитических счетов сбрасывать не следует, упрямылся, не всегда слушался наставлений из Лондона и в обмен на уступки в Юго-Восточной Европе требовал компенсаций в Закавказье⁴⁵. Освободительное движение народов не позволяло державам откладывать дела в долгий ящик. Стоит добавить к тому же, что Г. А. Строганов принадлежал к решительно настроенной части русской знати, считавшей войну неизбежной, а британские послы в Стамбуле, как на подбор, представляли «яростно протурецкие» (по выражению Ч. Вебстера) круги.

По всем этим причинам десятилетие после Венского конгресса в русско-турецких отношениях, несмотря на явное стремление Петербурга разрешить конфликт полюбовно, явилось временем балансирования на грани разрыва и войны. Миротлюбивые заявления русской дипломатии сопровождались сетованиями на то, что события «не дают никакой обнадеживающей гарантии»⁴⁶. Самое же главное заключалось в том, что Балканы стояли на пороге больших перемен. Два сербских восстания, а затем греческая революция показали, что переход Балкан к капитализму был немислим без свержения османского ига.

Строганов прибыл в Стамбул с целым ворохом инструкций, изложенных, помимо рескрипта, в трех памятных записках. В отношении сербов послу надлежало «добиться для этого народа всех возможных выгод». Далее следовал раздел о нарушении прав Дунайских княжеств, в котором говорилось о необходимости добиваться возвращения им 30 млн пиастров, «изъятых вопреки договору» османскими властями в виде поборов, о подтверждении их автономных прав, о семилетнем сроке правления господарей, об установлении карантина по Дунаю. Особо рассматривался вопрос об обеспечении интересов русских торговцев в турецких владениях (в частности, о предотвращении нападений на их суда со стороны берберийских пиратов). Заключались инструкции скромно: «Прежние договоры весьма удовлетворительны во всех отношениях. Важно лишь найти способ обеспечить их выполнение»⁴⁷.

Но сделать это, в условиях упорного сопротивления османского правительства и лицемерной позиции европейской дипломатии, оказалось невозможным.

Г. А. Строганов считал своих британских коллег последователями Маккиавелли в самом худшем варианте⁴⁸. Его мнение разделяли и другие царские дипломаты. «Союзная и дружественная Англия» в доверительной переписке именовалась «самым опасным врагом России»⁴⁹.

Раздражение Строганова можно понять — за пять лет переговоры с турками, за спиной которых стояли английские и австрийские дипломаты, не сдвинулись с места; разумеется, не сварливый нрав царского уполномоченного, как склонны утверждать некоторые британские историки, был

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Детальный и компетентный анализ русско-турецких переговоров см. И. С. Д о с т я н. Там же.

⁴⁶ «Внешняя политика России», сер. 2, т. I (9), с. 211.

⁴⁷ Там же, с. 700—701.

⁴⁸ Г. А. Строганов — И. А. Каподистрии 4(16) VIII 1820. ЦГАДА, ф. 15, д. 326, ч. I, л. 16.

⁴⁹ «Собрание трактатов...», т. VII. СПб., 1885, с. 411. (Из письма посланника в Берлине Алопеуса от 4(16) X 1821.)

тому виной. Хотя Александр I еще в 1815 г., беседуя с турецким представителем в Париже, особо подчеркнул, что считает «делом чести» разумное сербско-османское урегулирование⁵⁰, все усилия добиться в благоприятном для сербов духе претворения в жизнь записанных в договоре 1812 г. положений об их внутреннем самоуправлении, добиться законодательного оформления автономии, терпели неудачу. Столь же бесплодными оказались хлопоты Строганова по улучшению положения Валахии и Молдавии, в частности, по обузданию из ряда вон выходявшего лихоимства господарей⁵¹. В конце 1819 г. царское правительство подводило невеселые итоги кунктаторских переговоров в Стамбуле: сдвига по сравнению с 1812—1813 гг. не было, только разве что Дунайские княжества «в какой-то степени пользуются своими привилегиями, а Сербия уже не является театром резни и опустошения».

Весть о греческом восстании Александр I воспринял крайне болезненно: в то время как он помогал тушить пожар в Испании и Италии, генерал русской службы А. Ипсиланти поднял греков на «мятеж» по соседству с «собственными» владениями! Царь поспешил осудить выступление, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества»⁵². Собравшийся в Лайбахе, где заседал Конгресс Священного союза, цвет европейской реакции рукоплескал самодержцу, отступившему от традиционной русской политики на Балканах. Меттерних торжествовал: «Мы ведем за собой императора Александра...»⁵³.

Между тем волна сочувствия грекам охватывала Россию. За оказание им военной помощи выступали будущие декабристы, нарождавшаяся разночинная интеллигенция, многие литераторы во главе с властителем дум поколения, юным Пушкиным, и даже некоторые сановники из императорского окружения. Последние, исходя из собственных интересов, считали необходимым продолжать политику «покровительства» христианским народам Балкан. Вернувшись в Россию, царь попал совсем в иной психологический климат. Да и решение старых споров с Турцией не продвигалось ни на шаг, а ввод ее войск в Дунайские княжества, где они расправились с частями Ипсиланти и валашскими повстанцами под водительством Тудора Владимиреску, вызывал в Петербурге глубокую тревогу. В середине июня Строганову было послано указание в ультимативной форме потребовать вывода османской армии из Молдавии и Валахии, восстановления свободы судоходства через проливы, прекращения преследования православного населения, не причастного к восстанию. Заканчивалась нота грозно: отказ Порты поставит ее «в открыто враждебные отношения ко всему христианскому миру, узаконит защиту греков, и Россия будет вынуждена принять их под свое покровительство»⁵⁴. Строганов уполномочивался в случае необходимости, покинуть Стамбул вместе со всем составом посольства. Летом в здании главного штаба, что напротив Зимнего дворца, царило оживление — составлялся план кампании против Турции. В воздухе запахло порохом.

Активное, а тем более военное вмешательство Петербурга в греческие дела грозило нарушить зыбкий баланс европейского равновесия; события

⁵⁰ «The Cambridge History...», т. 2, с. 11.

⁵¹ По подсчетам русского консульства в Бухаресте, валашский господарь И. Караджа собрал за шесть лет (1812—1818) 34 млн пластов незаконных поборов. И. С. Достян. Там же, с. 153.

⁵² Так говорилось в письме, которое Каподистрия в качестве статс-секретаря по иностранным делам отправил Ипсиланти 14(26) марта. Г. Л. А р ш. Этеристское движение в России. М., 1970, с. 309.

⁵³ Г. Л. А р ш. И. Каподистрия..., с. 221.

⁵⁴ Там же, с. 228.

должны были разыграться в непосредственной близости от важнейших имперских путей в Средиземном море; греки «бунтовали» в опасном соседстве с занятыми Великобританией Ионическими островами, а русский статс-секретарь И. Каподистрия и до того времени выступал нежелательным ходатаем по делам своих соотечественников, притесняемых лордом-комиссаром сэром Томасом Мэйтлэндом⁵⁵.

Причин для тревоги было более чем достаточно, и в Лондоне не обольщались легким успехом, достигнутым в Лайбахе даже без его участия. Постоянный заместитель министра иностранных дел Дж. Планта писал в августе 1821 г.: «Император твердо обещает мир; но создается впечатление, что он поддерживает Строганова, который столь необуздан, что может воплечь своего повелителя в войну в любой момент; при всем известном настроении одного из министров (т. е. Каподистрии. — В. В.) и всего народа — я с трудом представляю, как в конечном счете, император избегнет войны»⁵⁶.

Каслри, забыв о своей оппозиции континентальной реакции, стал укреплять контакт с ее бесспорным главой князем Меттернихом.

Британскому послу в Стамбуле лорду Стрэнгфорду было предписано «побуждать правительство Порты к необходимости укреплять свое влияние над пришедшим в ярость народом»⁵⁷. Дипломат этот занял позицию, которую лучше, нежели сэр Ч. Вебстер, не оценишь: это была «почти страстная защита султана». «Греческие подданные Порты, — писал он в Лондон 23 июля 1821 г., — повсеместно подняли восстание против своего суверена. Повстанцы — христиане; но наказанию они подвергаются в первом, а не во втором своем качестве»⁵⁸. Подход к событиям как к мятежу против легитимного монарха соответствовал настроениям в Форин Оффис. 17 июля Каслри направил в Петербург депешу, предназначенную для изложения царю: греческое восстание, подобно западноевропейским, «составляет разновидность того ... мятежа, который систематически проявляет себя по всей Европе и приводит к взрыву там, где по какой-либо причине рука правительства ослабела. Его симптомы наиболее разрушительны в Турции, ибо в этой несчастной стране налицо все те страсти и предрассудки, и, в первую очередь, религиозная вражда, которые придают общественным потрясениям гнусный и огорчительный оттенок»⁵⁹. Далее выражалась надежда, «что каждое государство, открыто и перед лицом всего мира провозгласившее свои принципы, сохранит неизменную верность основным обязательствам союза, и нынешняя европейская система, поддерживаемая с терпением и благоразумием, будет еще долго существовать на благо безопасности и спокойствия в Европе»⁶⁰.

Ч. Вебстер именует обращение Каслри к принципам союза — недавно осужденным им с трибуны парламента и в переписке, — дерзким. Выбороч-

⁵⁵ См. переписку Каподистрии по поводу положения его родины, Ионических островов. ЦГАДА, ф. 15, д. 336, 337. Все его усилия не увенчались успехом. Британские министры объяснили свой отказ прислушаться к его просьбам тем, что любая мера в этом направлении была бы приписана иностранному влиянию! ЦГАДА, ф. 15, д. 326, ч. 2, л. 324—325.

⁵⁶ Дж. Планта. — Ч. Стрэнфорд-Каннинггу 8 VIII 1821; С. К. Вебстер. Ibid., p. 583.

⁵⁷ Уч. зап. ЛГУ, № 130, сер. истории, вып. 18. Л., 1951, с. 125.

⁵⁸ С. К. Вебстер. Ibid., p. 356.

⁵⁹ Ibid., p. 359.

⁶⁰ Ibid., p. 360—361. Царские сановники взывали к союзникам о поддержке, истолковывая те же охранительные устои в ином духе. Нессельроде писал Ливену 9(22) II 1822 г.: «Если нам, возможно, придется, наконец, прибегнуть к мерам принуждения — не останемся ли мы в изоляции, которую не применят воспользоваться все подстрекатели беспорядков в Европе, или мы можем надеяться, что союзные державы окажут нам содействие?».

ное использование идей «по потребности» проявилось здесь в полной мере: раз Англия заинтересована в сохранении status quo в Турции, на сцену вытаскивались недавно отвергнутые охранительные устои. Царю, воображавшему, что он накинул на континент сети легитимизма, предлагалось опутать ими самого себя.

В Лондоне и английском посольстве в Петербурге превосходно знали, что царя надо отвратить от той части знати, которая была сторонницей активной и действенной политики на Балканах. Каслри принадлежит высказывание, показывающее, что он представлял себе, как нелегко навязать русским сановникам отказ от традиционного курса на поддержку южных славян и греков. Об этом свидетельствуют строки из его записки Ливену: «Хотя привязанность императора к своим союзникам хорошо известна и нескрываемое желание его величества сохранить мир внушает доверие... в России существует могущественная партия, придерживающаяся иной точки зрения, и она пользуется большим весом в государственном совете, широко распространена в церкви и армии»⁶¹.

Британский министр стремился оказать влияние на царя не только лично, но и через Меттерниха и, разумеется, встретил у последнего самый благожелательный отклик. Два государственных деятеля вступили в оживленную переписку по поводу того, как лучше воздействовать на Петербург. Шли поиски «новой точки опоры»⁶². Оба кабинета, «будучи объединены по существу одной целью», решили в интересах ее достижения прибегнуть к «различным средствам и формам»⁶³ давления на царя и его окружение. Суть договоренности Меттерних излагал следующим образом: «Каждая из ведущих держав в столь большой степени политически заинтересована в судьбе Оттоманской империи, которая поставлена под удар нынешними осложнениями, что и наше и ваше правительства не должны смущаться предрассудками, могущими парализовать политические акции Великобритании, или подвергать принципы союза опасности урона, трудно восполнимого и противоречащего общим интересам Европы»⁶⁴. К «предрассудкам» австрийский канцлер оптом относил любые проявления свободомыслия, демократизма, либерализма, все то, что, по раздававшимся в Вестминстере заверениям, отличало «представительную систему» (и чем гордился британец) от деспотизма абсолютных монархов. Каслри внимал, не возражая, и даже поддакивая своему корреспонденту. Так на фоне пожаров в Греции происходило сближение Великобритании и Австрии, восстанавливался союз Лондона и континентальной реакции.

В октябре 1821 г. король Георг IV отправился в Ганновер, свое немецкое владение. Сопровождать его вызвался Каслри. Там же оказался Меттерних. Состоялись беседы, результатами которых оба остались в высокой степени довольны⁶⁵ — средства давления на Петербург были всесторонне рассмотрены. Решено было не возбуждать подозрительности Александра I совершенным единообразием действий, чтобы у него не возникла мысль о сговоре. Надлежало создать у самодержца впечатление, что угроза революции столь велика, а доводы в пользу мира так бесспорны, что два умудренных жизнью государственных деятеля пришли к одному выводу. Приверженность британского кабинета миру следовало подчеркнуть отказом Каслри даже от обсуждения возможности русско-турецкой войны (и тем самым держать царя в полном опасностей неведении относительно эвенту-

⁶¹ С. К. Webster. Ibid., p. 393.

⁶² Р. Каслри — К. Меттерниху 30 IV 1822; Ibid., p. 538.

⁶³ К. Меттерних — Р. Каслри 16 V 1822; Ibid., p. 539.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Р. Каслри — К. Меттерниху 30 IV 1822, К. Меттерних — Р. Каслри 16 V 1822. Ibid., p. 537—543.

альной позиции Великобритании). Австрийцы, напротив, могли вступать в переговоры, обставляя их всевозможными препонами. Зная, что голыми угрозами от Александра уступок не добьешься, Меттерних собирался воздействовать на психику царя: «Император Александр ни за что не согласится выглядеть побежденным», свои действия он должен «представить как жертву ... во имя интересов Европы»⁶⁶.

В новом послании царю и депеше послу Беджготу Каслри заверял самодержца, что в Ганновере его и Меттерниха осенял «подлинный благородный дух союза». Из депеши явствовало, что и царь должен был проникнуться таковой же преданностью и лояльностью и с их помощью преодолеть страсти и предрассудки в России (так Каслри именовал настроения в пользу греческого движения, «родившегося... в системе мятежей, осужденных императором»). Глава Форин Оффис клялся, что никакие соображения человеколюбия не отвратят его от принятого курса: «...Я даже не хочу обращать внимания на моральный долг, связанный с туманными идеями гуманизма... и забыть ради этого обязательства по существующим договорам, подвергать опасности основы сложившихся отношений и помогать прогрессирующим в Греции повстанческим действиям, которые, при случае, могут привести к созданию какого-либо правления, но которые наверняка откроют перед любым авантюристом и политическим фанатиком в Европе возможность поставить на карту не только свою судьбу, но и ... судьбу той системы, ради сохранения которой мы недавно связали себя торжественными обязательствами»⁶⁷. И вывод: греки должны терпеть, «полагаться на время и руку провидения», но не на самую сильную и развитую державу тогдашнего мира — Великобританию.

Каслри знал, как болезненно в Петербурге будут восприняты его советы. Он твердил поэтому о жертвах, которые Англия возлагает на алтарь союза, — турецкое правительство, мешая русской торговле, лишает ее выгодного контрагента. Не упускал он возможности воздействовать на монархические чувства царя. 14 декабря 1821 г. он направил Беджготу (для передачи Александру) описание несчастий, обрушившихся на мир: Южная Америка, Испания, Португалия — в вихре революций; Франция балансирует между одинаково опасными политическими фракциями; в Италии только оккупация спасла положение. Каслри внушал самодержцу: «...Император должен видеть, что истоки этой революционной струи находятся в Греции, а течение захлестывает его собственные южные провинции...»⁶⁸. Посол счел демарш своего министра откровенной и не слишком тонкой попыткой оказать давление на царя, которая могла произвести впечатление, противоположное желаемому. Он не повез депешу Каслри в Царское село.

Суть дела от того, что данный документ не был положен на императорский письменный стол, не менялась. Александр I — реакционер по взглядам, мистик по настроениям, лицемер и актер; союзники, несомненно, учитывали «многогранность» его натуры в своей сложной дипломатической игре и стремились навязать свои мысли в наиболее приемлемой для русского монарха форме.

Без учета разных факторов необъяснимым останется крутой поворот Александра I летом 1821 г. В середине июня (н. ст.) царь санкционирует ультиматум Порте, затем идет на разрыв с нею отношений. Казалось, «линия Каподистрии» на поддержку греческих повстанцев торжествует: «Сегодняшняя почта не оставляет Вам желать лучшего», — пишет он

⁶⁶ Ibid., p. 542.

⁶⁷ Послание Р. Каслри Александру I и депеша Беджготу от 28 X 1821. Ibid. p. 375—377.

⁶⁸ Ibid., p. 386.

Г. А. Строганову⁶⁹. Но к тому времени, когда Строганов со всем составом посольства прибывает в Одессу (август), настроения царя (а вместе с ними и политический курс) уже меняются.

Советские исследователи (А. В. Фадеев, И. С. Достян, Г. Л. Арш) указывали на борьбу мнений в правящих кругах России как на одну из причин колебаний Александра. Писали они и о внешних обстоятельствах, влиявших на царя. Послав Строганову решительно составленные инструкции, император немедленно обратился к союзникам за содействием. 22 VI (4 VII) были направлены депеши в Лондон, Вену, Берлин и Париж с просьбой поддержать в Стамбуле русские требования. В случае же провала переговоров Петербург испрашивал «у Европы» мандат на войну с Портой ради осуществления плана, заранее с нею согласованного⁷⁰.

Во всех столицах царя ожидал холодный, а в Лондоне даже ледяной душ. Вместо предъявления султану требований послы Англии, Австрии, Франции и Пруссии в Стамбуле направили в сентябре грекам послание, поучая их: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью святого евангелия, так и принципами чистой политики»⁷¹. Крупнейший знаток дипломатии Каслри Ч. Вебстер пишет, и как нам представляется, не без оснований: царь совершил поворот не под влиянием идеализма: «он не имел союзников; Австрия и Англия сплотились против него»⁷². Им удалось повести за собой Париж и Берлин.

Почти открытая угроза противодействия союзников, трудное финансовое положение России, неготовность армии к новой тяжелой кампании, не зажившие еще после Отечественной войны раны, расхождения во мнениях в правящих кругах — все эти реальные факторы воздействовали на царя. В ином плане, но оказывали на него влияние доносившиеся из Лондона и Вены призывы не рушить плотину монархической солидарности. Состояние дел в Европе навело Александру черные мысли; везде поднимала голову революция и плели интриги ненавистные «либералисты». «Крамола» проникла в Россию. В 1820 г. в Петербурге восстал Семеновский полк, что в крайней степени испугало и встревожило самодержца. Множились крестьянские выступления. «И в России] под государственное здание подведена пороховая мина карбонаризма», — писал Александр Аракчееву⁷³. Удаляться в балканский угол, в то время как силы порядка нуждались в его охранительной длани, казалось неразумным. Царь готов был принести свою гордыню в жертву союзникам. Расчеты Меттерниха подтвердились.

Легитимными началами мотивировал Александр перемену своих взглядов в августовской (1821) беседе с Каподистрией, означавшей крушение надежд последнего: «Если мы ответим туркам войной, парижский главный комитет восторжествует⁷⁴, и ни одно правительство не останется на ногах, — сказал тогда император. — Я не намерен давать простор врагам порядка. Во что бы то ни стало надо найти средства устранить войну с Турцией»⁷⁵. Каподистрия в ответ попытался представить свои взгляды в благоприятном для царя свете: «...Если предать восточных христиан на жертву истребительному истреблению мусульман, не будет ли это скорее содействием, чем препятствием преступным замыслам сподручников рево-

⁶⁹ Г. Л. Арш. И. Каподистрия..., с. 228.

⁷⁰ Там же, с. 229; И. С. Достян. Там же, с. 204—205.

⁷¹ Уч. зап. ЛГУ, сер. истории, вып. 18, т. 130, с. 143.

⁷² С. К. Webster. Ibid., p. 389.

⁷³ Уч. зап. ЛГУ, сер. истории, вып. 18, т. 130, с. 123.

⁷⁴ Александр I верил, что руководство революционным движением в международном масштабе осуществляется из Парижа.

⁷⁵ Записка гр. И. Каподистрии о его служебной деятельности. Сборник Русского исторического общества, с. 269.

люций?», «... Не иначе как силой оружия можно, пока еще есть время, успокоить Восток без нарушения общего союза»⁷⁶. Царь не поддался на софизмы министра. Политические планы Каподистрии рухнули.

Встает вопрос об отношении британской общественности к греческому восстанию и к позиции, занятой правительством.

Джордж Байрон был самым знаменитым, но не единственным сыном Альбиона, отдавшим жизнь за свободу далекой балканской страны⁷⁷. Лебединой песней Перси Биши Шелли явилась драма «Эллада». Сочувствие на Британских островах борющейся Греции проявлялось вполне отчетливо и затронуло парламент. В апреле 1822 г. под сводами Вестминстера прозвучали голоса, осуждавшие поддержку английскими властями турецкого правительства⁷⁸. 15 июля Дж. Макинтош обратил внимание членов палаты общин на петицию из Лиса (приход Эштон под Лайном) о страданиях греческих христиан. «Чувства, выраженные в петиции, разделяют все обитатели Великобритании», — подчеркнул он, выразив мнение, что «лишь одновременное и немедленное усилие со стороны всех держав Европы может действительно помочь этим несчастным...». Надо обеспечить грекам «территориальную безопасность; когда имеешь дело с разъяренным и варварским правительством, действующим с мечом в руке, напрасно надеяться на манускрипты, слова и обещания»⁷⁹. Хатчинсон резко и прямо осудил попустительство британского правительства: он поддержал усилия министров «предотвратить войну между Россией и Турцией». Однако, «если эти усилия имеют целью позволить туркам творить опустошения, на которые их толкает дикая свирепость», — то поведение кабинета является «низким, унижительным и бесчеловечным». «Все, что он предпринимал, делалось исключительно во имя того, чтобы создать для Турции лучшие условия истребления ее греческих подданных; линия поведения правительства навлечет на него презрение и проклятие потомков»⁸⁰. А. Гамильтон оценил позицию правительства как пристрастную и способствующую угнетению. Уилборс самым нелестным образом отозвался о позиции других государств: «Позор всем державам Европы за то, что они в течение длительного времени не предпринимают никаких шагов для того, чтобы изгнать в Азию — нацию варваров, старых и убежденных врагов христианства и свободы»⁸¹.

У лордов с критикой выступил граф Гровенор. Он сказал, что не намерен вдаваться в причины греческого конфликта — возник ли он самопроизвольно, либо в результате «интриг и вероломства России». Однако резня на острове Хиос была учинена после того как выяснилось, что Россия не вступает в войну. Министры его величества, вопреки их заявлениям, покровительствуют османской державе; доказательство тому — турецкий фрегат, который на глазах у всех вооружают на Темзе. Говорят, что все это делается из страха перед русским колоссом. Однако, «если все нации объединят усилия для создания независимой Греции, она превратится в барьер, о который разобьется гигантская сила России»⁸².

Таковы немногочисленные голоса в поддержку греков, прозвучавшие в парламенте в 1822 г. Правительство легко парировало их. Каслри выразил надежду, что «ни власти, ни страна не будут настолько безумными, что-

⁷⁶ Там же, с. 270—271.

⁷⁷ Всего в Греции за восемь лет (1821—1829) революции побывал 81 волонтер с Британских островов. D. D a k i n. *British and American Philhellenes during the War of Greek Independence*. Thessaloniki, 1955, p. 1.

⁷⁸ «Parliamentary Debates», 2-nd Series, v. 7, 1822, p. 562.

⁷⁹ Ibid., p. 1649—1650 (House of Commons, 15 VII 1822).

⁸⁰ Ibid., p. 1650—1651.

⁸¹ Ibid., p. 1651.

⁸² Ibid., 1665—1666 (House of Lords, 17 VII 1822).

бы взяты за оружие ради установления более эффективного и беспристрастного отправления правосудия в турецких владениях»⁸³. Он заверил, однако, палату общин, что «будут приложены все усилия, чтобы предотвратить, либо, по крайней мере, смягчить ужасы войны».

Премьер-министр граф Ливерпуль, выступая перед лордами, использовал другой, и очень действенный в глазах палаты аргумент: речь идет о жестокости Порты по отношению к собственному населению. «Какое право имеет наша страна вмешиваться в обращение другого правительства с собственными гражданами? Что сказали бы ваши милости, если бы французский или испанский послы вмешались в отношения британского правительства и подданных?» Как раз в это время «их милости» обсуждали свирепые меры для подавления освободительного движения в Ирландии и, следовательно, были крайне заинтересованы в неукоснительном соблюдении принципа невмешательства во внутрисударственные дела.

Постепенно формировалась и внепарламентская оппозиция. Возникали филэллинские общества⁸⁴. Но не сразу, и не в очень большом числе. Лишь в начале 1823 г. в Великобританию прибыл неофициальный посланец греческого правительства Луриотис. В марте на собрании в лондонской таверне «Корона и якорь» конституировался «Греческий комитет», в который вошли представители либеральной знати — видные сторонники правительства филэллинское движение игнорировали — герцоги Глостер, Бедфорд, лорды Дж. Россел, Фицвильям, Гамильтон и некоторые из самых прославленных британцев — Джордж Гордон Байрон⁸⁵, Дэвид Рикардо, Иеремия Бентам. Но вот что говорилось в адресе комитета (май 1823 г.): «В Англии величественное зрелище нации, пробуждающейся к свету и свободе, может встречать лишь симпатию и восхищение; тысячи доказательств свидетельствуют о наличии этих чувств; вызывает, однако, и удивление и сожаление то обстоятельство, что до сих пор они принесли столь мало активных и благодетельных результатов»⁸⁶.

Правительство играло на обострении англо-русских отношений и крайне преувеличенных в Англии представлений насчет экспансионистского потенциала царизма. Австрийский посол в Лондоне Эстерхази писал о греческой проблеме: «Публика здесь, конечно, рассматривает ее в плане либерализма, но не желает, чтобы свобода Греции была достигнута за счет русского преобладания в Средиземном море»⁸⁷.

Существовало и другое мнение. Лорды Эрскин (виг) и Эбердин (тори) адресовали кабинету записки, в которых советовали поддержать Грецию, укрепить там британские позиции и превратить ее в оплот против русского влияния⁸⁸ (т. е. пускали в ход те же аргументы, что и граф Гровенор).

Широкого отклика подобные взгляды в то время не получали. Самая авторитетная из тогдашних газет, «Таймс», утверждала: «Ни одно правительство Европы, кроме русского, не заинтересовано в поднятии движения среди народов Оттоманской империи»⁸⁹. Активность филэллинов не доставляла Каслри много хлопот, и он мог продолжать свои маневры.

⁸³ Ibid., 1652.

⁸⁴ E. B l a c k i n e. Report on the Present State of the Greek Confederation. London, 1823, p. 3.

⁸⁵ И. Г. Гуткина, ссылаясь на статью В. Пенна («Slavonik Review», 1930, v. XIV, № 41—42), пишет: «В стране не сообщали об избрании Байрона в комитет, дабы не отпугнуть буржуазно-аристократическую Англию» (Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 288, с. 186). С этим утверждением согласиться нельзя, ибо имя Байрона упоминается среди прочих членов комитета в адресе последнего («Address of the Greek...», 3 V 1823, p. 3).

⁸⁶ Ibid., p. 1.

⁸⁷ C. K. W e b s t e r. Ibid., p. 362.

⁸⁸ Уч. зап. ЛГУ, № 130, сер. истории, вып. 18, с. 131.

⁸⁹ Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 288, с. 182—183.

Колебания и непоследовательность царского правительства подорвали его собственные позиции на Балканах и ограничили возможности маневра. Стамбульский фланг русской дипломатии, после отъезда Строганова, оказался оголенным. Царизм очутился в созданной им же крайне неудобной ситуации «ни мира, ни войны». В Греции кровь лилась рекой. Османские войска не уходили из Дунайских княжеств, куда вступили для подавления отрядов Ипсиланти и валашских повстанцев Тудора Владимиреску. Суда под русским флагом задерживались турецкими властями, интересы черноморской торговли жестоко страдали⁹⁰.

Главенствующее положение в дипломатическом мире Константинополь без сопотривления и соперничества занял лорд Стрэнгфорд. Более того, этот представитель страны, именовавшийся в русской дипломатической переписке «самым опасным врагом России»⁹¹, и «протурок», по личным настроениям, оказался по иронии судьбы в роли сперва фактического ходатая по русским делам, а затем, после Веронского конгресса (октябрь 1822 г.), был уполномочен Александром I на ведение переговоров с диваном.

Каподистрия в своих все более редких беседах с царем доказывал бесперспективность пассивной позиции: «Отлагая действия, мы окончательно разоряли и уничтожали княжества»; «скоро греки будут поставлены вне сферы русского влияния», которое будет заменено воздействием других держав; «великие интересы России на Востоке подвергнутся явной опасности»; «придется ограждать себя не только от невежества и слепой грубости турков, но и от торгового себялюбия Англии, от беспокойной подозрительности Австрии»⁹².

Избавиться от ставшего в тягость министра Александру было гораздо легче, нежели заставить союзников считаться с пожеланиями российских правящих кругов. Каподистрия был отставлен от греческих дел, в мае 1822 г. получил бессрочный отпуск и позднее отправился в Швейцарию. Сочиненная им нота Меттерниху с резким осуждением позиции Австрии завершила «обмен любезностями» между двумя старыми оппонентами.

Австрийскому канцлеру пришлось иметь дело с гораздо более покладистым Д. П. Татищевым⁹³, отправленным в Вену для улаживания разногласий по греческому вопросу. И в австрийской столице и в Лондоне понимали, что для предотвращения нежелательного русско-турецкого столкновения необходим минимум уступок со стороны Порты. Настаивая на возобновлении отношений между двумя странами, Меттерних и его британские коллеги ставили это в зависимость от вывода турецких войск из Дунайских княжеств и восстановления свободы навигации в проливах⁹⁴. Греческий вопрос австрийский канцлер «мастерски свел» (по словам Ч. Вебстера)⁹⁵ к пунктам, не затрагивавшим владетельные права султана и не мешавшим ему подавлять восстание (восстановление разрушенных церквей, проведение различия между «невинными и виноватыми греками», покровительство православной религии со стороны царя). Союзники вроде бы шли навстречу царскому правительству; но с одной

⁹⁰ Изданный в 1822 г. султанский фирман «наносит смертельный удар черноморской торговле» (В. К. Нессельроде — лорду Стрэнгфорду, 7 V 1822. АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 1922, л. 126). Напротив, «судоходство Англии и Ионических островов почти удвоилось и процветает», докладывал Стрэнгфорд (Уч. зап. ЛГУ, № 130, сер. истории, вып. 18, с. 143).

⁹¹ «The Cambridge History...», v. 2, p. 11.

⁹² «Сборник Русского исторического общества», с. 275.

⁹³ Историк С. С. Татищев именовав его даже «покорным слугой Меттерниха». С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1897, с. 141.

⁹⁴ И. С. Д о с т я н. Там же, с. 212.

⁹⁵ С. К. W e b s t e r. Ibid., p. 379.

существенной оговоркой: Петербург рассматривал все это как прелиминарии к русско-турецким переговорам, в ходе которых должны были быть решены греческие и сербские дела; Вена и Лондон полагали, что все, лежащее «за пределами» пунктов, может быть темой дружеских бесед, но отнюдь не условием восстановления русско-турецких отношений. Российский посол приглашался в Стамбул даже не на условиях *status quo* до разрыва, а значительно худших.

В октябре 1822 г. европейская реакция съехалась на свой пабаш в Верону. Конгресс уполномочил Францию на интервенцию против испанской революции, продлил австрийскую оккупацию Неаполя и Пьемонта, осудил греческих революционеров. По ходу дела царь согласился на более чем скромные «прелиминарии» для восстановления отношений с Портой («умиротворение» в Греции при участии и под гарантией пяти держав, немедленное и полное очищение Дунайских княжеств от турецких войск, восстановление в них автономии, восстановление свободы прохода торговых судов через проливы)⁹⁶.

К ваящему удовлетворению Меттерниха царь обменялся с ним клятвами верности принципам Священного союза. Вполне верноподданный историк Н. К. Шильдер оценивал итоги Вероны так: «Россия отплатулась от греческого дела, Англия не замедлила воспользоваться этим и поспешила занять ее место»⁹⁷.

29 июля Каслри сообщал Меттерниху, что, если не случится ничего непредвиденного, он в середине августа прибудет в Вену. Непредвиденное случилось. Британский министр страдал серьезным психическим расстройством. Его мучили приступы мании преследования. Опасаясь покушения на самоубийство, домашние отобрали у него пистолеты и бритвы. 12 августа 1822 г., оставшись без присмотра в своем загородном доме, Каслри зарезался перочинным ножом. Его последним дипломатическим документом была инструкция на Веронский конгресс, составленная для самого себя. Новый министр, Джордж Каннинг, подписал ее, не изменив ни слова, и вручил герцогу Веллингтону. Сопричастность Каслри к делам конгресса поэтому несомненна. И, хотя дальнейшие события лежат за хронологическими рамками статьи, мы должны сказать о них несколько слов.

Турецких уполномоченных в Вероне не было. При том, что усилиями Меттерниха была отведена русская попытка встретиться непосредственно с турками, нити переговоров между Россией и Турцией оказались в руках Стрэнгфорда⁹⁸, который продолжал свою деятельность на ниве «защиты» русских интересов в Стамбуле. Существуют красноречивые документы, с нею связанные. Один из них — письмо Стрэнгфорда Нессельроде от 28 февраля 1823 г., выдержанное в эпических тонах. Посол без лишней скромности («Вы достаточно знаете сцену, на которой я выступаю»; он «сделал все возможное, чтобы поправить взгляды дивана, рассеять его страхи») обрисовал в нем свои усилия по урегулированию русско-турецких дел, сам дал им высокую оценку, приписав успех, правда, «единственно той необоримой силе, кою он черпал в знакомстве с сокровенными и возвышенными мыслями, доверенными ему императором»⁹⁹. Другой до-

⁹⁶ И. С. Достяи. Там же, с. 211.

⁹⁷ Н. К. Шильдер. Там же, с. 258, 260.

⁹⁸ Стрэнгфорд присутствовал на конгрессе в Вероне, знал инструкции, написанные Каслри, и получил некоторые дополнительные указания Веллингтона. («Memorandum for H. E. the Viscount Strangford». Verona, 28 November 1822— АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6918, л. 24.) Жалобы Стрэнгфорда на отсутствие у него инструкций (на что ссылается И. Г. Гуткина.— Уч. зап. Лен. пед. ин-та, т. 288, с. 136) не представляются поэтому обоснованными.

⁹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 1922, л. 117.

кумент — донесение Стрэнгфорда новому министру иностранных дел Джорджу Каннингу от 25 сентября 1823 г., с которым последний ознакомил русского посла Х. А. Ливена. Нам остается привести отрывки из депеши царского дипломата: Стрэнгфорд «пускается в объяснения, пытаюсь доказать, что состояние княжеств (Дунайских. — В. В.), где существуют зерна анархии, настоятельно требует самого пристального наблюдения, что последние события в Бессарабии продемонстрировали необходимость присутствия турецких войск в Молдавии и Валахии, к тому же поведение командиров — самое умеренное, солдаты же подчиняются суровой и пунктуальной дисциплине». «Лорд Стрэнгфорд пошел дальше и сообщил, что, поскольку ему уже не раз приходилось поддерживать исходившие от нас требования, он тщательно остерегался придавать им видимость справедливости»; «он полагает совершенно невозможным, чтобы турецкое правительство когда-либо согласилось на то, что мы от него требуем»¹⁰⁰.

В итоге подобных «усилий» антирусски настроенного ходатая по русским делам в Стамбуле лорда Стрэнгфорда родилась политическая пустышка — письмо реис-эффенди министру иностранных дел К. В. Нессельроде, не содержащее ничего, помимо словесных заверений в приверженности миру¹⁰¹.

Лорд Каслри при жизни своей заслужил ненависть прогрессивной Британии. В историю Ирландии сей уроженец Дублина вошел наравне с Ричардом Кромвелем, палачом Дрогеда и Уэйксфорда, и Вильямом III Оранским, душителем восстания 1688—1691 гг. Каслри, в качестве статс-секретаря по делам Ирландии, участвовал в подавлении восстания 1798 г. и провел через парламент закон об унии, лишивший родной остров остатков самоуправления. В 1819 г. он уже как лидер палаты общин внес в нее «шесть актов для затыкания рта», ограничивших свободу слова собраний, печати. Байрон клеймил министра и в стихах, и в прозе:

Он пустит пустословия заразу,
Наговорит вам с короба он три,
Хоть не понять, но слушаются сразу¹⁰².

Не оставлял Байрон без внимания и ораторское косноязычие Каслри: «Впервые со времен норманнов Англия терпела обиды от министра, не умевшего даже говорить по-английски, и парламент подчинялся приказам, отданным на языке Шеридановской м-сс Малапроп»¹⁰³.

В первые сорок лет после смерти Каслри его деятельности была посвящена одна статья. Ныне о Каслри пишут много и охотно и в Великобритании и в США (о чем свидетельствует книга Генри Киссинджера). И это понятно. Накопленный десятилетиями материал показал, что этот соратник континентальной реакции неплохо балансировал в неустойчивой европейской обстановке, обеспечивая условия для завоевания рынков и исполняя тем самым самые насущные потребности индустриальной и торговой буржуазии. Когда публицистическая накипь в виде осуждения европейских тиранов-монархов и восхваления либеральных принципов (все то, что Каннинг именовал данью романтическим настроениям) была счищена с речей и писаний парламентских и внепарламентских краснобаев, обнаружилось, что Каслри вполне исправно служил капиталу. Его игра

¹⁰⁰ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 18(30) XI 1823. АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6921, л. 235—237.

¹⁰¹ Перевод письма реис-эффенди от 13(25) II 1823 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 1922, л. 114; его оценка — в письме Нессельроде Стрэнгфорду от 7 V 1823 (АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 1922, л. 122—127).

¹⁰² Б а й р о н. Избранные произведения («Дон Жуан», песнь IX, XLIX). М., 1935, с. 343.

¹⁰³ Там же, предисловие к песням VI, VII и VIII, с. 305.

в «равновесие сил в Европе», маневры с принципом «вмешательство — невмешательство» создавали достаточный простор для завоевания заморских рынков и колониальной экспансии. Он проложил тот курс на сохранение *status quo* на Балканах, который в течение более полувека являлся основой британской политики в этом регионе, независимо от того, находились ли у власти тори или виги. Составленная Каслри для самого себя инструкция на Веронский конгресс, обернувшаяся его политическим завещанием, свидетельствует об известной гибкости и в балканских проблемах. Она заключала следующий абзац: «прогресс греков в направлении создания правительства может заставить нас, — если действительно будет учреждено правительство *de facto* в Морее и западных провинциях Турции, — признать греков воюющей стороной; это надо осуществить осторожно, без афиширования, что сделало бы турок полностью недоступными для наших увещеваний»¹⁰⁴.

В широкой исторической литературе, в том числе советской, всю заслугу признания греков приписывают обычно Дж. Каннингу. Оказывается, соавтором этой политики выступал его предшественник — недаром Каннинг подписал сочиненные им инструкции, не вычеркнув и не вставив ни слова (хотя лично министры находились в неприязненных отношениях, а в молодости даже сразились на дуэли). Каслри проложил мостик к той политике на Балканах, которую можно именовать гибким *status quo*, с возможными, под давлением обстоятельств, отступлениями, которая связывается с именем Дж. Каннинга.

¹⁰⁴ J. A. R. Marriott. Castlereagh, p. 326.

В. ТИХОМИРОВА

РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Творчество передовых польских писателей всегда отличалось органической связью с действительностью, глубоким, стойким интересом к острым социальным проблемам. Общественная жизнь Польши знает такие моменты, когда литература не только активно сопереживала судьбе нации, но и выходила на передние позиции в освободительном движении масс. Свободолюбивая, гуманистическая направленность художественного слова ярко проявилась в период расцвета польского романтизма. «Фатальная сила», по выражению Словацкого, этого литературного феномена, выражается в том, что духовное и художественное наследие романтиков продолжает жить в общественном сознании, питает творчество новых поколений писателей.

Высокое осознание гражданского долга было присуще польской реалистической литературе второй половины XIX в., представленной в прозе именами Б. Пруса, Г. Сенкевича, Э. Ожешко, в поэзии — А. Асныка, М. Конопницкой. Это была литература в высшей степени патриотическая, понимающая интересы народа, раскрывающая изнутри его классовое самосознание. Обращение к художественному опыту эпохи романтизма, реалистической литературы второй половины XIX в., к их традициям, стало отправной точкой философско-этических исканий во всех жанрах современной литературы, но особенно оно симптоматично для поэзии.

Со времен великих романтиков польская поэзия, откликаясь на события своего времени, проявляла страстную заинтересованность в судьбах отечества и других народов, обнаруживая тем самым в качестве принципиальной доминанты свою патриотическую и интернациональную направленность.

Попытаемся выяснить, что стоит за понятием патриотизм и как решались в творчестве разных художников идейно-патриотические задачи польской литературы. По мнению К. Выки, одно из наиболее удачных определений принадлежит Каролю Людвигу Кониньскому: «Идея отчизны — патриотизм — это, по существу, чувство ответственности, верности по отношению к действительности. Отчизна является ценностью, несмотря на все свои недостатки и изъяны, она — часть действительности, данной нам для преобразования, и патриотизм — это верность по отношению к этой самой близкой действительности, действительности, из которой я вырос, в которую меня поместила судьба»¹. Патриотизм польской лите-

¹ Цит. по: К. В ы к а. О единстве и многообразии польской литературы XX в. В сб. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975, с. 94.

ратуры на всех этапах ее развития никогда не замыкался в узконациональных рамках, но искал выход в интернациональном единстве с другими странами, прежде всего с Россией, осмысливая судьбу нации в общем русле исторических судеб других народов.

При этом в едином, общем для широких писательских кругов Польши патриотическом призыве различимы разные ноты. Лирика А. Мицкевича воспевала величие национального характера, природу любимого края, призывала пожертвовать жизнью во имя родины и, несмотря на драматическую основу, была исполнена социального оптимизма. По-иному звучали голоса Ю. Словацкого, Ц. Норвида, Ст. Выспяньского, С. Жеромского. Они взывали к совести народа, жгли сердца словами горькой правды. В произведениях этих художников трагизм сочетался с сарказмом, возвышенность образов с иронией, отчаяние сменялось героическим порывом.

Все вышесказанное отчасти объясняет специфику отношения различных современных поэтических поколений к традициям романтической литературы. В годы войны поэты-катастрофисты в понимании национального долга исходили из трагической, полной сарказма и горькой иронии поэзии Словацкого и философско-исторических концепций Норвида. «Патриотизм К. К. Бачиньского, — писал К. Выка, — горький и болезненный. Поэт (...) стоек смотрит на судьбы своего поколения, помнит о постоянном присутствии смерти среди сражающихся. Цена его патриотической позиции высока и говорит об осознании молодым художником своего морального долга»². В той же работе К. Выка отмечает, что учителями Бачиньского были Словацкий и Норвид. «Словацкий формировал его воображение (...) Контакт с Норвидом был глубже. Норвид вызвал у Бачиньского интерес к моральной проблематике, оценке и восприятию действительности в этических, а также историософских категориях»³. К. Выка писал об огромных возможностях «солдата и поэта времени бурь», реализованных в его короткой биографии и тем не менее поставивших молодого писателя в один ряд с классиками отечественной литературы. При этом К. Выка подчеркнул стремление Бачиньского не столько следовать любимым образцам романтической поэзии, сколько искать свой собственный путь в искусстве, свой стиль, метафорику, оригинальную поэтику, новую форму.

О глубинных связях поэзии Бачиньского с традициями романтической лирики говорит не сходство внешних структур стиха, а во многом сходная эстетическая и гражданственная позиция художников, принадлежащих к разным историческим эпохам, но исповедующим одну веру — в свободную, независимую родину. Глубокое осмысление Бачиньским своего долга перед страной, ответственности за происходящее, нравственный максимализм в решении вопросов морали, большой поэтический талант выдвинули его в авангард молодой литературы Сопротивления.

Искусство Сопротивления выполняло кроме эстетической важнейшую общественно-патриотическую функцию, препятствуя политике нацизма в уничтожении польской нации и польской культуры. Главным принципом художественной деятельности молодых писателей военного поколения был принцип «единства творчества и борьбы»⁴, который они понимали как единство жизненных и творческих позиций, основой которого была активная борьба с оккупантами. Поэтому они решительно отвергали позицию художника, выражавшуюся в известной формуле «inter arma sielent

² K. W y k a. Posłowie. В кн. К. К. Baczyński. Utwory wybrane. Kraków, 1973, s. 291.

³ Ibid., s. 290.

⁴ S. Z i e m b i c k i. Jedność twórczości i walki. «Dziś i jutro», 1946, № 7.

Musae». «Неправда, что „inter arma“ умолкает твой певучий голос», — писала Э. Завадская в стихотворении, название которого звучало полемической парафразой высказывания о «молчании Муз во время войны». Ту же мысль высказал Т. Гайцы: «...наша подпольная культурная жизнь дает богатые плоды, и есть надежда и не только надежда, что она будет развиваться и впредь — вопреки тому, что говорит афоризм и что утверждает неумолимая в искоренении любых проявлений польского творчества политика оккупанта»⁵.

Требование сознательного и последовательного создания в условиях всеобщего разрушения новых художественных ценностей, нового искусства, отвечающего задачам времени, осмысление его в категориях активной гражданственности — вот что составляло ядро и основу творческого поиска молодых. Не случайно в программном выступлении В. Боярского на церемонии открытия поэтического конкурса были такие слова: «Силы, которые сплотились, чтобы воспрепятствовать факту существования нашего государства и нации, действуют жестоко и настойчиво <...> они хотят лишить нас права на творчество и таким путем растоптать самую важную из свобод — личную свободу. Если несмотря на это мы творим, если сознательно решаемся выразить в поэтической форме наши переживания, то было бы упрощением объяснять этот факт лишь как бунтарский жест. Это скорее ответ действием на действие. Готовые к борьбе за свободу родины, мы спокойно и твердо заявляем, что наша внутренняя свобода не уничтожена»⁶. Сохранить внутреннюю независимость в условиях военного и политического порабощения страны помогала полякам национальная литература, прежде всего поэзия. Я. Щавей вспоминает, что узники Пренцлау читали строфы Мицкевича и Словацкого, чтобы «их поэзией разбудить веру, зажечь сердца, призвать к борьбе, вселить надежду на возвращение на родину, надежду на свободную и независимую Польшу»⁷. Им казалось, что строчки «Дзядов» и «Кордиана» бьют по врагу не хуже артиллерийских снарядов. «Ибо такова традиция нашей литературы, — пишет составитель антологии „Поэзия борющейся Польши“, что в дни национальных испытаний произведения Мицкевича, Словацкого и Красицкого, Норвида и Выспянского несли огонь любви к отчизне и веры в неотвратимость победы и свободы. Потому что наша великая поэзия XIX в., пусть через символы и метафоры, выражала действительность, была отражением жизни народа, его мыслей, чаяний, борьбы. Именно поэзия была средоточием национальных идей, патриотических устремлений и прогрессивных взглядов: она была посетительницей бунта и революции, звала к действию»⁸.

В сборниках Л. Стаффа «Мертвая погода», В. Броневского «Примкнуть штыки», «Древо отчаяния», М. Яструна «Настороженный час», лиро-эпической поэме Ю. Тувима «Цветы Польши», стихах А. Слонимского, Л. Шенвальда, Ю. Пшибося прослеживается другая концепция патриотизма, близкая интонациям Мицкевича. В слиянии лирического «я» с образом родной земли, в поэтизации польского пейзажа, нотах острой тоски по родине в годы вынужденных скитаний, романтической стилизации стиха слышится созвучность философской основы военной лирики поэтов старшего поколения художественным принципам автора «Дзядов».

Характерной чертой военной лирики Броневского явилось усиление ее связи с традициями национальной поэзии. Болезненно переживая свое

⁵ Z. Jastrzębski. Literatura pokolenia wojennego wobec dwudziestolecia. Warszawa, 1969, s. 68.

⁶ Ibid., s. 72.

⁷ J. Szczawiej. Wstęp do: Poezja Polski Walczącej, т. I. Warszawa, 1974, s. 6.

⁸ Ibid.

одиночество, оторванность от родной среды, Броневский ощущает сходство своей судьбы с судьбами Мицкевича и Словацкого, вынужденных по политическим соображениям жить в изгнании. В этот период стихотворения Броневского насыщаются образной символикой, библейскими и романтическими реминисценциями. Главным мотивом поэзии этих лет становится мотив скитания, разлуки с Польшей, тоски по родному краю и близким. Не случайно во многих стихотворениях встречаются ставшие классическими для национальной литературы романтические образы «пилигрима», «изгнанника», «странника» («Я польский поэт-скиталец»; «А мне что осталось? Скитаться, грустить, как лист, унесенный ветрами, кружить...»); «Сердце, ты скитаешься по свету, ты — бродяга на пути большом»). Броневский мастерски вплетает в ткань стиха образы, почерпнутые из романтической поэзии, придавая им новое звучание в общем антифашистском, антивоенном контексте произведения.

В лирике многих польских поэтов, оказавшихся во время войны в Советском Союзе, были выражены идеи нового общественного устройства Польши, дружбы с советским народом; воспевались героические подвиги польских и советских солдат, славилось интернациональное единство народов в борьбе против фашизма. Эта идейная проблематика являлась стержневой основой ряда стихотворений А. Важика, Л. Пастернака и др. Антифашистская направленность стиха, его интернациональный пафос ярко проявились в творчестве Л. Шенвальда — известного революционного поэта межвоенного двадцатилетия. Во многих стихотворениях, написанных Шенвальдом в Советском Союзе и вошедших позднее в сборник «Из гостеприимной земли — в Польшу» (1944), страстность патриотического призыва сливается с лирической нотой, философскими раздумьями поэта, рождая образцы высокой лирики.

Лучшая часть поэтического творчества писателей-антифашистов старшего и среднего поколения, а также литературной молодежи закладывала основы социалистической литературы народной Польши. Уже в этот период поэзия, как и литература в целом, не ограничивалась непосредственной записью происходящего, исключительно эмоциональным откликом на конкретные факты оккупационной действительности. В ней зарождалась морально-философская проблематика, ставшая предметом размышлений художников в послевоенные годы. Это были проблемы большого масштаба и широкого социального звучания. Многие писатели еще в годы войны в своих произведениях ставили вопросы действенного гуманизма, подлинных и мнимых ценностей, критериев значимости личности. Настоячивое стремление осознать причины сентябрьского поражения приводило тогда же многих художников к мысли о социалистическом будущем страны.

Социалистическая действительность открыла перед польскими писателями новую творческую перспективу в освоении классического наследия, позволила им на материале современности глубже осмыслить гуманистические концепции прошлого, расширить их диапазон воздействия на читателя. Послевоенная польская поэзия — это поэзия широкого общественного, современного звучания, ее пронизывает идея преобразования человека в обществе строящегося социализма, формирования личности патриота и интернационалиста.

Интерес, проявленный польской поэзией к идее интернациональной солидарности, имеет различные аспекты. В лучших произведениях польских писателей интернациональное начало раскрывается через непосредственный отклик художника на события в жизни братских социалистических стран, народов мира. В них присутствует мысль о ведущей роли Советского Союза в освобождении народов Европы от фашизма. С другой

стороны, польская поэзия в лучших своих образцах интернациональна по самому своему существу. Повествуя о жизни своего народа, о пройденном им пути, его глубоких гуманистических интересах, современная польская поэзия приобщает другие народы к опыту социалистического строительства своей родины.

Послевоенные годы были временем нового творческого подъема Броневского. Поэт польского пролетариата, ставший национальным поэтом, получает широкое признание народа. Он глубоко осознает неразрывную связь своей личной и писательской биографии с судьбой социалистической Польши. Патриотическая основа его лирики обогащается широкой интернациональной перспективой. Поэт, писавший в 30-е годы о том, что в тюрьме его душу согревали «домшы Магнитогорска», сказал прекрасные слова в честь Октябрьской революции, Ленина, Советского Союза, прозвучавшие гимном дружеским чувствам двух братских народов. Творчество Броневского стало связующим звеном социалистической поэзии с национальной литературной традицией. В послевоенные годы поэзия Броневского обогатилась новыми качествами — в ней заметно усилилось философское, рефлексивное начало, поэт обратился к юмору, легкой иронии, а в интимной и пейзажной лирике достиг вершины мастерства в передаче сложнейших движений души, тончайших переливов настроений и чувств. Крупнейший революционный поэт был большим поэтом-гуманистом, поэтом-лириком. Ему было всегда присуще чувство единения с людьми «во имя огромного дела — человека», стремление «выразить то, что чувствуют миллионы». Определяя значение революционного искусства, Броневский всегда исходил не из утилитарных агитационных задач, а из глубокого, всеобъемлющего постижения действительности, отражения всех пластов жизни с позиций коммунистической партийности. В этом проявилась широта эстетической программы Броневского, его новаторство.

В конце 40-х — начале 50-х годов появилось много произведений, расширяющих тематические границы литературы, охватывающих различные сферы общественной и культурной жизни страны. Тем не менее, несмотря на общее успешное движение вперед, на литературе этих лет отразились ошибки культурной политики, проявившиеся в администрировании, доктринерстве, ограничении творческого поиска художника. Это сказалось на художественном уровне многих произведений. Требования жизненности и утилитарности искусства, выдвигаемые нормативной эстетикой, повлияли на состояние поэзии тех лет, в значительной степени сдерживая фантазию художников, без которой невозможно настоящее искусство. В те годы многие критики не проявляли должной принципиальности в выборе критериев оценки, видя образец для подражания в художественно слабых работах и допуская резкие выпады в адрес талантливых, ищущих художников (Галчиньского и др.). На наш взгляд, однако, характеризую атмосферу 50-х годов, некоторые польские исследователи (В. Маченг, С. Буркот, С. Баранчак) гиперболизируют отрицательные явления культурной жизни того периода, не видя несомненных позитивных моментов.

Более объективный анализ литературы первой половины 50-х годов представлен в последних работах М. Стемпя, В. Навроцкого, Я. Термера, М. Мисерного. М. Стемпя в книге «Польская литература после 1939 года», не замалчивая трудностей литературного процесса данного периода, обращает внимание на общественную активность многих писателей, их весомый вклад в процесс созидания новой действительности, творческие удачи, ставшие литературным фактом⁹. Я. Термер, характе-

⁹ M. Stępień. Literatura polska po 1939 roku. Kraków, 1975.

ризу 1949—1955 гг., пишет: «Это было время активных художественных поисков, творческого соревнования различных стилей и направлений <...> выработки новых концепций творчества. Именно в те годы окрепла убежденность, что литература должна откликаться на злободневные проблемы, проявлять интерес ко всему, чем конкретно живут социальные слои и отдельные общественно-профессиональные группы населения. Таким образом, разработка современной тематики становилась и формой активного участия литературы в жизни <...>. Тем большее сожаление вызывают предпринимавшиеся порой в последующие годы попытки перечеркнуть, заключить в рамки упрощенных формулировок этот этап <...> свести его к одним лишь „ошибкам и искажениям“¹⁰. Очередная попытка более глубокого и верного взгляда на литературу первой половины 50-х годов сделана в книге В. Навроцкого «Класс, идеология, литература» (1976)¹¹.

В поэзии 50-е годы отмечены важными результатами творчества опытных мастеров. В этот период выходят новые сборники Броневского, Пшибося, Стаффа, Яструна, Ивашкевича, Тувима, Галчиньского. Активно печатается Т. Ружевиц. На эти же годы приходится первые многообещающие выступления Т. Новака, Е. Фицовского, Т. Кубяка, ставших в последующие годы известными поэтами. Тогда же выступили с первыми поэтическими книгами В. Шимборская и А. Каменьская. В поэзии Броневского, Галчиньского, Тувима, Добровольского, Яструпа в полный голос зазвучала тема интернационализма, единения с другими народами, перекликаясь с гражданственно-публицистическими мотивами борьбы за мир, радости созидания, творческой самоотдачи писателя, тесно связанного с народом.

Позиция художника, синтезирующего в своем творчестве национальное и интернациональное начала, характерна для творчества Т. Ружевица. В современную литературу Ружевиц вошел сборником стихов «Геспойство» (1947). С его именем связан тип философской поэзии, сложившийся в середине 50-х годов и получивший в польской критике условное название «поэтическая моралистика». Польская философская поэзия имеет давнюю и прочную традицию, начатую М. Реем и Я. Кохановским и продолженную А. Мицкевичем, Ц. Норвидом, А. Аспыком, М. Кополицкой, В. Броневским. В послевоенной литературе эта литературная тенденция становится доминирующей, что связано с возрастающей масштабно поэтического мышления, стремлением воплотить в художественных образах лучшие черты человека социалистического общества, отразить сложность, многомерность сферы духовной жизни современника. Именно поэтому творчество художников, разрабатывающих интеллектуально-философское направление в поэзии (Т. Ружевиц, В. Шимборская, З. Жерберг, С. Гроховяк, Э. Брыль, Б. Дроздовский, У. Козел, М. Гжещак, Э. Липская и др.) занимает в литературе народной Польши ключевые позиции. Эти поэты, принадлежащие к различным литературным поколениям, выросли в крупных художников, к их голосу прислушиваются и опытные писатели и те, кто лишь недавно заявил о себе в литературе. Они направляют художественную мысль на решение общезначимых проблем современности, следуя лучшим традициям польской литературы.

Творчество Т. Ружевица, отстаивающее высшие гуманистические и нравственные идеалы, продолжает гражданственную, патриотическую линию отечественной литературы. Не случайно в одном из интервью

¹⁰ Я. Термер. Жизнь, воплощенная в слове. «Вопросы литературы», 1975, № 12, с. 84.

¹¹ W. Nawrocki. Klasa, ideologia, literatura. Poznań, 1976.

Ружевич назвал своими учителями Кохановского, Мицкевича и Норвида¹². Определенную роль в формировании его художественных и эстетических взглядов сыграли и писатели-реалисты второй половины XIX в. На эту преемственную связь Ружевич указывает, вспоминая о начале своего творческого пути, когда он создавал стихотворную сатиру с элементами публицистики: «Я хотел служить. И, очевидно, служил. Это были традиции всегда близкого мне Болеслава Пруса»¹³.

Свое отношение к традиции Ружевич выразил в ряде стихотворений, посвященных А. Мицкевичу, К. И. Галчиньскому, Л. Стаффу и другим крупным мастерам отечественной литературы. Пожалуй, наиболее емко и образно эта взаимосвязь современного искусства с национальной поэтической традицией была определена в его стихотворении «Хлеб», где творчество Мицкевича названо хлебом национальной поэзии:

Хлеб
поэзии животворной,
хлеб, превратившийся в кровь народа,
стихи Мицкевича.
Вот уже сто лет
этот хлеб нас кормит,
силою чувства множимый.

Перевод В. Френкеля

Созвучность ружевичевской лирики традициям национальной литературы сказалась на его философско-исторических концепциях, определила осмысление истории, судеб страны, своего поколения в нравственно-философских категориях. Эта особенность ружевичевской поэзии прослеживается и в теме родины, которая решается поэтом в лучших гуманистических традициях:

образ родины	улыбается родина
родина край детства	сперва расположена родина
место рождения	в округе
это малая самая близкая	протянутой руки
родина	только потом вырастает
город село селенье	квоточит
улица дом усадьба	болит
первое чувство	
лес на горизонте	
могилы	
познаются в детстве	
цветы травы злаки	
звери	
луга нивы	
слова плоды	

Перевод Д. Самойлова

С середины 50-х годов поэзия Ружевича насыщается новыми мотивами, приобретает интернациональное звучание, что отражено в ряде стихотворений тех лет: «Встреча в Новой Гуте», «Весенний сев в Корее», «Тридцать

¹² «O poezji, teatre i krytyce z Tadeuszem Rózewiczem». «Życie Warszawy», 1974, № 155.

¹³ T. R ó z e w i c z. Poezje wybrane. Warszawa, 1967, s. 8.

восьмая параллель», «Танк-памятник», «Словачка из Андрихова», поэма «Джендеран» и др. Конечно, не все стихотворения, написанные в 50-е годы, отличались художественной законченностью. Некоторые из них были риторичны, порой авторская идея лишь частично раскрывалась в образной системе стиха, выражалась с «лобовой» декларативностью. Тем не менее в лучших стихотворениях и поэмах тех лет Ружевич предстает как тонко чувствующий художник-гуманист и интернационалист, для которого личное, сокровенное органически сопряжено с общественнозначимым. Особенно ярко это качество поэзии Ружевича проявилось в ряде стихотворений, посвященных подвигу советских солдат на войне.

Был январь сорок пятого года	Чистили оружие
И в грохоте орудий	помогали матери
как лист	говорили ей: Мать
дрожал наш дом	говорили: не плачь мать
При свете дня в мой дом	(...)
пришли солдаты	Проходят годы
Страны Советов	а я все вижу
(...)	ее улыбку
Они пели песни	сквозь слезы.

«Был январь»

Здесь нашли воплощение лучшие черты ружевичевской поэтики: экономность языковых средств, скрытый драматизм, максимум поэтической экспрессии в сочетании с гуманистическим пафосом и антифашистской направленностью стиха.

Героя поэмы «Равнина» преследует воспоминание о казни советских военнопленных, совершенной гитлеровцами в одном из польских городов:

В свете электрических ламп
вижу людей в шинелях
(...)
они стоят друг возле друга
на площади за городом
окруженные колючей проволокой
молчат уже много дней и ночей
(...)
вижу траву
изглоданную до корней
слышу нечеловеческий крик

В другом стихотворении поэт вместе с венгерскими крестьянами склоняет голову у обелиска советским воинам-освободителям:

Здесь через Дунай шли солдаты
был декабрь сорок четвертого года
гвардейский полк форсировал реку
(...)
Читаю имена и фамилии
длинный ряд золотых букв
русский алфавит

«Дунафельдвар»

Идеи интернационального единства не теряют своей притягательной силы и в более поздней лирике Ружеви́ча. Художник лишь изменяет тематический ракурс — сегодня его интерес сосредоточен в сфере духовных ценностей, созданных человечеством, культурных традиций разных народов, близости их гуманистических воззрений («Воспоминание о сне 1963 г.» и др.).

Поэты, вступившие в литературу в середине 50-х годов, с самого начала заявили о своей близости к романтической поэзии. Обращение Гроховяка, Херберта и особенно Брылля к традициям Словацкого и Норвида, установка на нравственно-философскую переоценку всего комплекса правд и мифов, связанных с национальной историей, служит цели демифологизации общественного сознания. Отсюда, наряду с горькой, саркастической, нередко пессимистической тональностью, стих отличает публицистическая заостренность, высокий потенциал гражданственности. Так, Э. Брыльль постоянно обращается к общественным традициям XIX в., апеллируя к патриотическим призывам Мицкевича, Словацкого, Норвида, Выспяньского, Жеромского. Поэт настойчиво ищет корни, причины современных явлений в национальном характере, истории, не идеализируя прошлое своего народа, не скрывая его ошибок и недостатков.

Кровь в нас прокисла — а что мы успели сделать?
 Немного илистой воды, которую мы замутили,
 Немного вытоптанной травы,
 Какой-то стих полусонный — и уже мы отходим.

Сб. «Горькая полынь», 1974

Развиваясь в русле романтической традиции, в соответствии с общественной миссией поэта-трибуна, так как это понимали великие романтики, сатира и социальная дидактика Брылля обращаются к общественному сознанию, призывая сограждан разрушить шаблоны мышления и поведения. Неспособность критически воспринимать недостатки национального характера, нежелание их преодолеть угрожает обществу духовной деградацией, о чем с горечью и сарказмом пишет Брыльль в стихотворении «Урок поэтики»:

Итак, сидеть, покрываться зеленым налетом и следить, как ползут
 зеленые тени плесени, как каждый день линяет,
 вздувается в рифмах и слюнявится
 обрывок польского языка — где брошена пададь Поэзии

Осмысление Брыльлем комплекса проблем, связанных с национальной историей, идет параллельно с поиском оригинальных технических решений. Брыльль широко использует стилизацию, позволяющую читателям глубже осознать отдельные пласты национальной культуры и истории, использует enjambement, постоянно прибегает к литературным аналогиям.

Лирика Ружеви́ча, Ленарта, Дроздовского, Брылля, последние поэмы Гроховяка — «Totentanz in Polen», «Альенде», как Гроховяк обратился к трагедии Чили, выявляют патриотический характер и интернационализм современной польской поэзии. Все наиболее значительное из созданного в польской поэзии за минувшее тридцатилетие обнаруживает глубинные связи с классическим наследием. В связи с этим мы не

можем согласиться с рассуждениями В. Огнева о прерывистости польской литературной традиции¹⁴.

Неотъемлемым качеством современного этапа художественного развития польской поэзии является ее постоянная преемственная связь с гуманистическими концепциями национального искусства. Наиболее последовательно осваивает культурный и эстетический опыт прошлого философская лирика. В этом — залог ее будущего успешного развития и подлинного новаторства.

¹⁴ В. О г н е в. Пять тетрадей. М., 1975, с. 20.

Т. А. ИВАНОВА

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ

Как известно, одним из отличий русского языка от большинства славянских языков является утрата особой формы обращения — звательной формы. Считается, что начало этого процесса получило отражение уже в первых русских письменных памятниках. Так, А. И. Соболевский в своих знаменитых Лекциях писал: «...в начале исторической эпохи русский язык несомненно имел зват. п. ед. ч. только от основ на *ъ*, на *о*, на *а*... и на *ь* муж. и женск. р. Но в древнейших памятниках русского письма мы уже встречаем замену формы зват. п. основ на *о* и на *а* формой имен. п.»¹. В качестве иллюстрации подобной замены Соболевский привел прежде всего пример из Остромирова евангелия: «*Мар'фа, Мар'фа печеши ся² и мльвиши о мънозъ*» (Лук., X, 41, л. 217 об.).

С легкой руки А. И. Соболевского, на этот пример из Остромирова евангелия в дальнейшем ссылается большинство исследователей исторической грамматики русского языка. Так, например, П. С. Кузнецов в книге, написанной им совместно с В. И. Борковским, утверждал следующее: «Тенденция утраты зв. формы и замена ее именительным падежом намечается очень рано и отражается уже в Остромировом евангелии, где, например, в обращении употребляется Марфа (вместо старого Марфо)»³.

То же самое повторяет Т. М. Николаева в работе, специально посвященной истории звательной формы в русском языке⁴. На этот пример Соболевского ссылается в последней своей монографии и Ф. П. Филин⁵, а также В. М. Марков и Е. П. Гарбузова в книгах о древнерусском именном склонении⁶.

Таким образом, точку зрения Соболевского о том, что тенденция к утрате вокатива проявилась в русском языке очень рано и получила отраже-

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 1903, с. 188.

² По типографским причинам *юс малый* передается через *я*, а *е* йотированное — через *е*.

³ В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 211.

⁴ Т. М. Н и к о л а е в а. История звательной формы в русском языке. АНД, Казань, 1972, с. 7.

⁵ Ф. П. Ф и л и н. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 384.

⁶ В. М. М а р к о в. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, с. 44; Е. П. Г а р б у з о в а. Имя существительное в древнерусском языке. Смоленск, 1975, с. 14.

ние уже в древнейших русских памятниках, разделяет большинство историков русского языка⁷.

Однако эта общепринятая точка зрения представляется во многом уязвимой и недостаточно обоснованной. Е. Ш. Мирочник был первым, кто высказал сомнение о том, что встречающиеся в Остромировом евангелии вокативы типа *марфа* являются характерной чертой древнерусского языка, «русизмами». Он убедительно показал, что подобные формы были не чужды и старославянскому языку и что в Остромировом евангелии их «следует считать перенесенными из южнославянского оригинала»⁸. Собственно, о возможности таких форм в старославянских памятниках писал уже и А. И. Соболевский, отметив в Зографском евангелии вокативы *витъсауда* и *хоразинъ*⁹.

Приводим соответствующий материал из памятников старославянской письменности в сопоставлении с данными памятников русского извода.

Так, *марѣта*, *марѣта* (Лук. X, 41) читается также в Мариинском и Зографском кодексах и в Саввиной книге (л. 126). Только в Ассеманиевом евангелии находим: *марѣо*, *марѣо*. Последнюю форму отметила Т. М. Николаева и в русском Пергаменном евангелии конца XIV в.¹⁰

горе тебѣ хоразинъ, *горе тебѣ витъсауда* (Мат. XI, 21; Лук. X, 13) находим не только в Зографском, но и в Мариинском евангелии (в Сав. кн., Асс. ев. и Ост. ев. это чтение отсутствует). Форма *витъсаудо* имеется лишь в сербском Никольском евангелии XV в.

А. И. Соболевский привел еще один пример вокатива, совпадающего с номинативом, в русском Галицком евангелии 1144 г.: *авва отъць вся возможна тобѣ суть*. Однако и в этом случае в Мариинском и Зографском кодексах также читается: *авва отъць* (Марк. XIV, 36). По данным чешского «Словаря старославянского языка» словосочетание *авва отъць* в качестве вокатива дважды встречается в разных списках апостола (Христинопольского, Охридского, Слепенского)¹¹. Заметим, что вокатив *авва*, но в сочетании уже с *отъче* (*авва отъче*) отметил В. М. Марков в Путятиной минее и в Успенском сборнике XII—XIII вв.¹²

Кроме того, Е. Ш. Мирочник указал еще на следующие примеры вокатива, совпадающие с формой именительного падежа: *блаженъ еси симоне вариона* (Ост. ев., л. 281 об). Однако форма *вариона* употребляется также в Зографском, Мариинском и Ассеманиевом кодексах (Мат. XVI, 17).

иероусалимъ. *иероусалимъ коль краты въсхотѣ* (Ост. ев., л. 215 об.). Подобная форма засвидетельствована также в Ассеманиевом и Зографском евангелиях (Мат. XXIII, 37), но в Мариинском кодексе — *иероусалиме*.

Наконец, в Мариинском и Зографском евангелиях находим еще: *и ты каперьнаоумъ*. *възнеси ся до нбсе до ада сънидеши* (Мат. XI, 23). Однако в соответственном тексте Лук. X, 15 в Мариинском, а также Никольском евангелиях читается *каперьнаоуме*¹³.

⁷ См. также П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952; с. 148; М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, с. 100; В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, с. 317; В. И. Собиинникова. Лекции по исторической грамматике русского языка. Воронеж, 1967, с. 106; А. А. Дибров, В. С. Овчинникова, В. И. Левчук. Историческая грамматика русского языка. Ростов-на-Дону, 1968, с. 136.

⁸ Е. Ш. Мирочник. Звательная форма в Остромировом евангелии. «Вопросы русского языкознания», Ташкент, 1971, с. 123—130.

⁹ А. И. Соболевский. Лекции..., с. 188.

¹⁰ Т. М. Николаева. К истории звательной формы в русском языке. Сборник аспирантских работ. Гуманитарные работы. Казань, 1971, с. 138.

¹¹ «Slovník jazyka staroslověnského». 1. Praha, 1958, s. 4.

¹² В. М. Марков. Историческая грамматика..., с. 44.

¹³ Е. Ш. Мирочник. Звательная форма..., с. 126—127.

Таким образом, обращение в форме именительного падежа, оказывается, не является специфической особенностью древнерусских памятников, но в одинаковой степени свойственно и собственно старославянским памятникам, а поэтому, следовательно, не может указывать на начало утраты звательной формы в русском языке. Как же тогда подобные формы можно объяснить?

В. М. Марков, рассуждая о том, что обращение в форме именительного падежа первоначально было представлено лишь от имен с основой на *-a*, *-ja*, отметил, что «это заметное обстоятельство своеобразно подтверждается характерным „недоразвитием“ звательной формы в парадигме заимствованных слов»¹⁴. Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что вокатив, совпадающий с номинативом, образуется преимущественно от заимствованных существительных. К сожалению, в работе В. М. Маркова нет объяснения этого «недоразвития» вокатива у данной категории слов.

Вместе с тем убедительное объяснение подобных форм было дано болгарским исследователем И. Дуридановым в статье «Заметки о староболгарском переводе евангелия в связи с влиянием греческого синтаксиса»¹⁵. Отмечая влияние греческого языка, отразившееся в славянском переводе евангелия, И. Дуриданов прежде всего называет греческий вокатив на *-a*, сохранный славянскими переводчиками: греч. Μάρθα, Μάρθα (Лук. X, 41) — ст. сл. *Марѣта* (*Марфа*) — Мар., Зогр., Ост. ев. Точно так же И. Дуриданов объясняет и единственный случай употребления обращения в форме именительного падежа от собственно славянского слова: *и гла ав'ва оць* (Мар., Зогр., Галиц.) — греч. καὶ ἔλεγε·ν· ἄββᾶ ὁ Πατήρ (Марк. XIV, 36).

Признавая убедительным объяснение И. Дуриданова звательных форм типа *марфа*, я нахожу возможным распространить его и на другие вокативы.

1. Такими же грамматическими заимствованиями следует считать вокативы типа *хоразинъ* — греч. Χοραζίν; *капернаоумъ* — греч. καπερναούμ. Являясь названиями городов древней Палестины, эти топонимы и другие гебраизмы и арамеизмы в греческом языке могли не подвергаться грамматической адаптации, т. е. оставались несклоняемыми словами, и такими они были заимствованы старославянским языком. Подобным неадаптированным арамеизмом было слово *авва*, соответственно определенное в чешском «Словаре старославянского языка» как несклоняемое. И хотя В. М. Марков, основываясь на данных Синайского патерика, привел уже регулярную для основ на *-a* парадигму этого слова: *авва*, *аввы*, *авѣ* и т. д., но в звательной форме — *авва*, а не *авво*¹⁶, однако в том же памятнике наряду с адаптированными формами не менее частотны и архаичные несклоняемые формы. Например. *лавра... ав'ва герасима*, л. 73 об., 20 — тоб... ἄββᾶ Γερασίου, 2965С; *къ... ав'ва козьмѣ*, л. 28, 18 — τῷ ἄββᾶ Κοσμᾶ, 2893D; *о авва георгии*, л. 78,1 — περὶ τοῦ ἄββᾶ Γεωργίου, 2972С; *гѣ ав'ва*, л. 6, 1, 10; 14 об., 16; 27, 12, 15; 72 об., 7 и др. — κῶρι ἄββῶ, 2856D и др.¹⁷

2. Без сомнения, также грамматическими грецизмами являются вокативы типа *тимофее*, *варфоломее*, *николае*, которые, однако, по-разному интерпретируются авторами. Так, В. М. Марков и его ученица

¹⁴ В. М. Марков. Историческая грамматика..., с. 44.

¹⁵ И. Дуриданов. Бележки върху старобългарския превод на евангелието с оглед на влиянието на гръцкия синтаксис. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, с. 225—233.

¹⁶ В. М. Марков. Историческая грамматика..., с. 44.

¹⁷ «Синайский патерик» под ред. С. И. Коткова. М., 1967. J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 83, ps. 3.

Т. М. Николаева склонны подобные формы объяснять влиянием твердого варианта основ на *-o*¹⁸. А авторы коллективной монографии «Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв.», комментируя именительный падеж *николае*, считают возможным предположить, что это слово относилось к основам на *-a*¹⁹.

Вместе с тем еще А. Вайан по поводу таких форм писал следующее: «Звательный падеж на *e* представлен только в иностранных собственных именах: *Юдѣ* Клоц. 340; *Зак'ьх'ѣ* Лука XIX, 5 Зогр., Мар. (но *Закъхоу* Асс.), *Арие* Супр. 510, 8 и др., где он является простой транслитерацией греческого зват. п. Ἰουδαῖε, Ζακχαῖε, Ἄρειε»²⁰.

3. Кажется, имеются определенные основания считать, что и в твердом варианте основ на *-o* флексия вокатива *-e* в заимствованных словах тоже первоначально являлась грамматическим грецизмом, хотя она и совпадала со славянской флексией, являющейся по происхождению, как и греческая, индоевропейской. Славянские переводчики, встречая в греческих текстах формы типа καλόγηρε, ἀρχιδιάκονε Ἰουλιανέ, Μάρκελλε и т. п., подобно форме Βικέντιε²¹, как писал А. Вайан, просто их транслитерировали. Ср. соответственные вокативы в Минайском патерике: *калогере*, л. 81 об., 1—2; *ар'хидиаконе иоулиане*, л. 102, 19; *мар'келе*, л. 106 об., 4, а также *вукен'тие*, л. 116, 15—16.

Особенно доказательным в этом отношении является неадаптированный фонетически вокатив *архистратиге*, Охрид. ап. 856.9; Миней 1095, 34а, 34б. «Случай, как *архистратиге*, — заметил еще А. А. Шахматов, — можно признать грецизмом»²².

Следовательно, грамматически заимствованные формы вокатива, во первых, могли совпадать с славянским именительным падежом: *марфа*, *ава*, *каперънаоумъ*; во вторых, совпадали со славянской звательной формой: *архистратиге*, *маркеле*, как *боже*, *рабе*; в третьих, они отличались и от славянского номинатива и от славянского вокатива: *тимофее*, *николае*, *викентие*.

Таким образом, заимствованные звательные формы типа *марфа*, равно употребительные как в старославянских, так и в древнейших русских памятниках, никак не могут служить свидетельством начала утраты вокатива древнерусским языком уже в XI в. Напротив, возможная их последующая адаптация (ср. отмеченную в Пергаменном ев. конца XIV века форму *марфо*, а также формы типа *тимофее*)²³, как нам кажется, доказывает, что звательная форма в древнерусском языке еще длительный период времени была живой грамматической категорией. Что, собственно, подтверждается сохранением этой формы в украинском и белорусском языках, а также и в некоторых говорах русского языка²⁴.

¹⁸ В. М. Марков. Историческая грамматика..., с. 44; Т. М. Николаев^а К истории звательной формы..., с. 139.

¹⁹ «Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности». Л., 1974, с. 110. Удивительно, что в этой книге не получили отражения формы вокатива, совпадающие с номинативом, ни в основах на *-o* (с. 22), ни в основах на *-a* (с. 46).

²⁰ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1953, с. 108.

²¹ J. P. Migne. Patrologiae..., с. 297D, 3009D, 3017B, 3036B.

²² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 52.

²³ В. М. Марков. Историческая грамматика..., с. 44.

²⁴ Г. И. Демидова. Словоформы существительных в функции обращения (На материале брянских говоров). «Вопросы русской диалектологии». Л., 1976, с. 56, 60.

Б. К. ГАЛАС

РУКОПИСНЫЙ УКРАИНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ О. М. БОДЯНСКОГО

С именем Осипа Максимовича Бодянского (1808—1877) неразрывно связана одна из наиболее ярких страниц в истории отечественной славистики. Говоря о заслугах О. М. Бодянского перед наукой, Н. А. Кондрашов отмечал, что он «явился не только одним из основателей русского славяноведения, но и создателем московской школы славистов»¹.

Жизнь и деятельность О. М. Бодянского, снискавшего заслуженный авторитет и признание в эпоху, отделенную от нас более чем столетним отрезком времени, до наших дней не перестает интересовать ученых. Появившиеся в последнее время новые сведения об О. М. Бодянском — убедительное тому доказательство. Эти новые сведения были извлечены преимущественно из архивных, рукописных источников. Именно вследствие внимательного изучения ряда рукописных материалов вскрылись некоторые ранее не известные обстоятельства деятельности О. М. Бодянского в области фольклористики², а также стали известны намерения О. М. Бодянского издать в первой половине XIX в. «Словарь малороссийского, или юго-восточнорусского, языка» П. П. Белецкого-Носенко (рукописная копия оригинала этого словаря хранится среди бумаг О. М. Бодянского в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР в Киеве)³.

Вообще О. М. Бодянский проявлял большой интерес к различным источникам лексикографического характера. Об этом свидетельствуют и относящиеся в основном к первой половине XIX в. (хранящиеся в фонде О. М. Бодянского в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР) многочисленные словарные выписки, списки слов на различных славянских и неславянских языках (нередко с переводом на русский)⁴.

О том, что в 30-х годах XIX в. О. М. Бодянский был серьезно увлечен лексикографической работой, писал, в частности, М. П. Погодин в своем письме от 2 июня 1836 г., адресованном секретарю Российской Академии Д. Языкову: «Некоторые наречия не имеют еще совершенно словарей и грамматик, например, малорусский у нас и русский в Галиции. Я полу-

¹ Н. А. Кондрашов. Осип Максимович Бодянский. М., 1956, с. 51.

² См. Б. П. Кирдаи. Собиратели народної поезії. Из истории украинской фольклористики XIX в. М., 1974, с. 60, 78, 128—129, 157, 190, 212—218, 223, 252.

³ См. В. В. Німчук. Перший великий словник української мови Павла Білецького-Носенка. В кн. П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, с. 14—15; см. также П. Й. Горещький. Історія української лексикографії. Київ, 1963, с. 58.

⁴ См., например, в фонде 99 дела: 10/1051, 206/4308, 208/809, 122/1045, 6/1058, 20/4311, 15/1044, 17/1052, 30/4363, 54/1049, 35/4313.

чил недавно известие из Лемберга, что господин Вагилевич занимается давно составлением словаря последнего наречия, а для первого готов посвятить труды свои г. Бодянский, собравший уже несколько тысяч слов. Не благоугодно ли Академии, чтобы я вступил в переговоры с теми учеными, вытребовал у них планы их трудов и сведений, не нуждаются ли они в каком пособии, чтобы ускорить окончание их столь нужных сочинений»⁵. В протоколе Российской Академии от 13 июня 1836 г., в ответ на письмо М. П. Погодина, записано решение «уведомить г. Погодина, что Академия с благодарностью принимает его предложение»⁶.

Если судьба упомянутого словаря И. Н. Вагилевича уже известна⁷, то этого нельзя сказать о словаре украинского языка, составленном О. М. Бодянским.

Настоящая статья посвящена рассмотрению сохранившейся части рукописного украинско-русского словаря О. М. Бодянского. Об этой рукописи еще не сообщалось в печати. Хранится она пока как анонимная в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве под номером I, 1637. Рукопись состоит из 22 нескрепленных частей по 4 (2 двойных) серовато-желтого цвета листа в каждой. Всего тут 88 пронумерованных сотрудниками хранилища листов размером $18,5 \times 22,5$ см, вложенных в твердые, свободно отделяющиеся обложки меньшего размера ($17 \times 21,5$ см). На листах 3, 5, 15, 17, 23, 26, 31, 33, 39, 44, 48 имеются фабричные водяные знаки *Б. Б. У. 1830*. Рукопись подвергалась воздействию влаги, а в некоторых местах текст почти полностью утрачен. Рассматриваемая рукопись содержит словарные материалы на буквы Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И (от *балабуха* до *ище*). По имеющимся в хранилище сведениям, она поступила в ЦНБ АН УССР из фондов Киевского филиала Русского географического общества.

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению собственно словаря, приведем те аргументы, которые позволяют утверждать, что автором его был именно О. М. Бодянский. Первое, и это главное: почерк автора рукописи полностью совпадает с почерком О. М. Бодянского 30-х годов XIX в. Второе: О. М. Бодянский пользовался бумагой размером $18,5 \times 22,5$ см с фабричными водяными знаками *Б. Б. У. 1830*. На такой бумаге, в частности, сделаны им в 30-х годах XIX в. некоторые фольклорные записи, хранящиеся в Отделе рукописей Института литературы

⁵ «Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка», т. 150. 1929, с. 434.

⁶ Там же.

⁷ Я. Ф. Головацкий в своей статье «К истории галицко-русской письменности (Несколько замечаний на письмо И. Вагилевича к М. П. Погодину)» («Киевская старина», 1883, август) вкратце охарактеризовал этот словарь, виденный им в 30-х годах XIX в. и после смерти И. Н. Вагилевича. Я. Ф. Головацкий, в частности, писал: «Я имел случай рассматривать, по смерти Вагилевича в 1866 г. (Naučny slovn., X, с. 10), его бумаги и нашел задуманный им словарь в том же неоконченном виде, хотя в продолжении 30 лет у него накопилось много словарного материала» (с. 650). Этот незаконченный украинско-польско-немецко-латинский словарь И. Н. Вагилевича вместе с другими рукописями различных авторов был прислан Отделению русского языка и словесности императорской Академии наук А. С. Петрушевичем. Сжатое описание этой рукописи имеется в статье А. Л. Петрова «Рукописные материалы О. А. Петрушевича (Представлено в заседании Общего собрания 6 февраля 1910 г.)» (Известия императорской Академии наук, VI серия, № 7, СПб., 1910, с. 503). Сейчас словарь И. Н. Вагилевича хранится в Отделе рукописной и редкой книги БАН СССР в Ленинграде в фонде А. С. Петрушевича под номером 20г (по А. Л. Петрову), или под номером 23 (по новой шифровке хранилища). В 1963 г. Н. Н. Пилинский, обращая внимание научной общественности на имеющиеся в библиотеках и архивах Ленинграда украинские лексикографические памятники, назвал и этот словарь, однако без указания автора, в результате чего словарь И. Н. Вагилевича представлен как анонимный (см. М. М. П и л и н с ь к и й. Українські рукописні словникові матеріали в бібліотеках і архівах Ленінграда. В кн. «Лексикографічний бюлетень», вып. IX, Київ, 1963, с. 84).

Балка, Баласуха, Баласу-
ва - балушка в чинюкель.
Баласува - тасканиа.
Баласува - ланжен ланара,
 переносно постома.
Баласува, кама - облокурѣ,
 чинюкель, раскраски ватв, бѣн-
 бѣн.
Баласува - урѣзтѣ облокурѣ или
 урѣзѣ; перекладина или брѣз
 (балкен - нем.)
Баласува - вати - лароватв.
Баласува - сирѣ; Баласува - уш.
Баласува - ремонтатворѣ,
 чинюкель; Баласува - мочитѣ
 чинюкель, облокуритв.
Баласува - ремонтатв. - чиню-
 мочитв.
Баласува - дволь, истукамь.
Баласува - идемо локном.
Баласува - идемо локном - идемо локном
 чинюкель.
Баласува - шубѣтѣ рѣш, врани,
 чинюкель.
Баласува (Радина - Лат) родѣ
 чинюкель.

Л. 1. рукописного украинско-русского словаря О. М. Бодянского (ЦНБ АН УССР, Киев, № 1, 1637)

им. Т. Г. Шевченко АН УССР⁸. Они, кстати, написаны такими же чернилами, как и анализируемый рукописный словарь. Третье: вывод о том, что именно О. М. Бодянский является автором рассматриваемой рукописи, вполне согласуется с имеющимися сведениями о лексикографических занятиях О. М. Бодянского в 30-е годы XIX в.

Следовательно, есть серьезные основания считать, что рукописный украинско-русский словарь, хранящийся в Отделе рукописей ЦНБ АН

⁸ См. ф. 99, № 189/4314, л. 148—155. Водяные знаки Б.Б.У. 1830 имеются здесь на л. 149 и 153.

УССР в Киеве под номером 1, 1637, принадлежит О. М. Бодянскому. По всей вероятности, это только часть словаря, в котором во всяком случае были и предшествующие страницы со словами на букву А и на букву Б до слова *балабуха*. Примечательно, что под словом *балабуха* нет заглавной буквы Б, в то время как в других случаях перед словами на ту или иную букву имеются заглавные буквы.

О. М. Бодянский ставил перед собой задачу составить полный словарь: в ряде случаев он отсылает читателя к материалам по буквам О, Р, С, Ш, Э. Но существовала ли последующая часть словаря (материалы на буквы Й, К и дальше) в действительности или только в проекте, остается загадкой. Как явствует из цитируемого выше письма М. П. Погодина, к июню 1836 г. О. М. Бодянский собрал несколько тысяч украинских слов и намеревался продолжать работу по составлению словаря. Возможно, доведя словарь до буквы И, он прервал работу и по каким-то причинам больше к ней не возвращался. Если учесть все имеющиеся в рассматриваемой части рукописного словаря О. М. Бодянского украинские лексические и фразеологические (в широком смысле) единицы, то в общей сложности их немногим более 3000 (количество, по существу совпадающее с указанным в письме М. П. Погодина). Если же О. М. Бодянский составил словарь до конца (что не исключено), то в этом словаре, надо полагать, содержалось не менее 10 000 слов и фразеологических единиц.

В анализируемой рукописи О. М. Бодянского словарные материалы размещены в один столбец так, чтобы оставалось поле для возможных дополнений: на правых страницах — справа, на левых — слева. Места, предназначавшиеся для дополнений, остались, за редкими исключениями, пустыми. Словарные статьи в большинстве случаев построены так: вначале с большой буквы приводится украинское слово, как правило, без обозначения ударения; после него следует тире и перевод на русский язык, зачастую с толкованием, иногда с краткими энциклопедическими пояснениями. Нередко тут же приводятся производные, однокоренные, семантически близкие слова с указанием их отношения к заглавному слову, стоящему в начале словарной статьи. При этом используются различные стилистические и грамматические пометы. Такие пометы изредка встречаются и непосредственно после заглавного слова.

Помета «уменьшительное» встречается, по нашим наблюдениям, 178 раз, «увеличительное» — 29, «уравнительная степень» — 25, «имя мпозжественное»⁹ — 14, «имя собирательное» — 2, «имя прилагательное» — 9 «наречие» — 8, «междометие» — 5 раз. В некоторых словарных статьях имеются краткие грамматические комментарии относительно функционирования глаголов (приводятся пометы «употребляется в 3-м лице», «глагол недостаточный» или отдельные глагольные формы). В нескольких местах имеются пометы, указывающие род имен существительных, приводятся отдельные падежные формы. По одному разу встречаются в словаре пометы «в переносном смысле» и «слово ироническое».

Рукописный словарь О. М. Бодянского содержит пометы и иного типа: они фигурируют в ряде словарных статей, в которых приводятся к украинским словам параллели на различных славянских и неславянских языках или просто указывается язык, имеющий родственное слово с приводимым украинским. Лексических параллелей на латинском языке приведено 17, на польском — 9, на сербском — 7, на немецком — 4, на славянском (церковнославянском) — 4, на итальянском — 2. Помет о происхождении или родстве украинских слов со словами других языков всего 62: 42 — польский язык, 8 — славянский (церковнославянский),

⁹ Эта помета приводится и при именах существительных собирательных (например, *гильяля, гайеоронья*).

6 — сербский, 2 — немецкий и по одному разу — французский, богемский (чешский), венгерский, татарский и латинский языки.

Собранный О. М. Бодянским материал в абсолютном своем большинстве характерен для юго-восточных украинских говоров. Слова карпатского, как считал О. М. Бодянский, ареала снабжены пометой *К.Р.* или *Карп.* («Карпато-Российское»). Эти пометы отмечены в 38 случаях. Кроме того, в одной из словарных статей О. М. Бодянский указывает, что слово в приводимой им форме употребительно в Рославском уезде. В одном случае имеется ссылка на произношение живущих на Украине цыган. Абсолютное большинство украинских материалов, в отличие от русских, О. М. Бодянский подчеркнул, очевидно, для большего удобства пользования словарем. Принципы правописания, принятые О. М. Бодянским в украинской части словаря, неоднородны: наряду с написаниями сугубо фонетического характера (например: *верховодья*, *заспѣвацьця*) встречаются написания в духе этимологического правописания М. А. Максимовича (например: *вовкбвня*, *дзѣбаю*), а также в духе правописания первых изданий «Энеиды» И. П. Котляревского (например: *зашлѣпаты*, *дулѣчка*). В рукописном словаре О. М. Бодянского есть и иллюстративный материал — как из живой речи, так и из печатных источников. Всего тут около 50 иллюстраций. Две из них, из «Духовной Владимира Мономаха», имеют паспортизацию с указанием страницы издания.

К тому времени, когда О. М. Бодянский начинал работу над своим словарем, были уже известны: словари, приложенные к изданиям «Энеиды» И. П. Котляревского (1798, 1808, 1809); «Краткий малороссийский словарь» А. П. Павловского, помещенный в его «Грамматике малороссийского наречия» (1818); «Собрание слов малороссийского наречия» И. Войцеховича (1823); украинско-русский словарь, прибавленный М. А. Максимовичем к «Малороссийским песням» (1827); некоторые другие, менее значительные словари¹⁰. Использованы ли О. М. Бодянским эти опубликованные словари и повлияли ли они на характер его лексикографической работы?

Сравнение рассматриваемого рукописного словаря с изданными к 1830 г. словарями показывает, что каждый из них в этой или иной мере использован О. М. Бодянским. Особенно часто наблюдается совпадение материалов словаря О. М. Бодянского с материалами словаря М. А. Максимовича. Многие буквально дословно взято у М. А. Максимовича, а кое-что — с несущественными изменениями. В ряде случаев О. М. Бодянский переработал, дополнил взятые из словаря М. А. Максимовича материалы. Вот некоторые из наиболее ярких примеров:

Словарь М. А. Максимовича

Барыло — бочка. *Барыльце* — боченокъ (Польск., Сербск., Франц.)
Быльионька — былинка. *Былина* (Карпато-Росск.) — быть, происшевіе.

Едамашка (Польск. *adamaszek*) — матерія весьма плотная съ узорами того же цвѣта — Дамаская, тогда въ великомъ уваженіи бывшая.

Зѣбрье — (имя собирательное) — звѣри.
Зозуля, *зозуленька*, *зозулька* (*zozhuliska* Богемск.) — кукушка; въ Игоревой пѣсн — *зегзица*.

Словарь О. М. Бодянского

Барило (Польск., Серб., Франц.) — боченокъ; *барыльце* — ум.
Былина, *былинка*, *былионька*, *былиночка* — тожь и въ Русск.

Былина — у Карпато-Россовъ быть; по-сему не должно ли и въ Игор. пѣсни произносить: *по былинамъ*.

Едамашка — (По-польск. *adamaszek*) — матерія весьма плотная съ узорами того же цвѣта, бывшая прежде въ великомъ уваженіи.

Зѣбрье (имя соб.) — звѣри.
Зозуля, *зузуля* — кукушка (Въ Игор. пѣсни *зегзица*); *зузулька*, *зузуленька*, *зузулька* — ум.

¹⁰ См. П. И. Горещкий. Там же, с. 39—53.

В словаре М. А. Максимовича имеется, по нашим подсчетам, 227 украинских слов в пределах от *балабуха* до *ище*. Из них в рукописном словаре О. М. Бодянского отсутствует 17 (в том числе 6 личных имен, включение которых в словарь О. М. Бодянского не планировалось).

Довольно часто фиксируются рукописным словарем О. М. Бодянского материалы, заимствованные из «Собрания малороссийских слов» И. Войцеховича (1823). Так, из 335 украинских лексем в пределах *балабуха* — *ище*, имеющих в словаре И. Войцеховича, только 29 отсутствует в словаре О. М. Бодянского. Остальные представлены здесь, как правило, вместе со всеми сообщаемыми И. Войцеховичем значениями. Вот характерные примеры:

Словарь И. Войцеховича

Балясы — Ръшетчатый заборъ. — *Балясы точить* — пустое говорить.

Басовать — Гордо выступать (говорится о лошадяхъ).

Выбжи — Оглобли у сохи для впряжки лошади.

Е (выговар. какъ Э) — Да, такъ.

Гельмовать — Привязывать къ повозкѣ колесо такъ, чтобы оно не могло вертѣться въ то время, когда надобно съѣзжать съ горы.

Словарь О. М. Бодянского

Балясы — решетчат. заборъ; пустяки; *балясы точить* — пустословить, балагурить.

Басую, совати — гордо выступать (говорится о лошадяхъ).

Выбжи — оглобли у сохи для впряжки лошади.

Е! (выгов. э!) — да, такъ! подлинно.

Гельмую, вати — привязывать къ экипажу колесо, чтобы оно не вертѣлось: сіе дѣлають, напр., спускаясь съ крутой горы.

О. М. Бодянский заимствовал также часть словарного материала из «Краткого малороссийского словаря» А. П. Павловского (1818). В последнем насчитывается 291 украинское слово в пределах *балабуха* — *ище* (не считая слов, имеющих в части «Имена, даемые при крещении» и «Фразы, пословицы и приговорки малороссийские»). Из них 53 не имеют соответствий в рукописном словаре О. М. Бодянского. Остальные приводятся О. М. Бодянским в абсолютном большинстве случаев со значениями, сообщенными А. П. Павловским. Ср., например:

Словарь А. П. Павловского

Балабухи — галушки съ чеснокомъ.

Бубнявію, вівъ, віть — бухну (какъ горохъ).

Беревенб — бревно.

Буддень — простой рабочій день.

Вельхбдний, ая, еб — свѣтлопраздничный.

Словарь О. М. Бодянского

Балабуха, балабухи, балабушки — галушки съ чеснокомъ.

Бубнявлю, ти — бухну (какъ горохъ).

Беревено — бревно.

Буддень — будни, рабочій, простой день.

Великодній — свѣтлопраздничный.

Есть основания полагать, что О. М. Бодянский использовал некоторые материалы и из последней части словаря А. П. Павловского «Фразы, пословицы и приговорки малороссийские». Ср.:

Словарь А. П. Павловского

Не вмерть, болячка вдавила. Не все будто равно!

Прить въ глуздъ. Образумиться; очувствоваться.

Словарь О. М. Бодянского

Болячка — большой чирей: *не вмерть, болячка вдавила* — какъ будто не все равно (въ отвѣтъ).

Глуздъ — напр., *ссунуться зъ глузду* — одряхлѣть, потерять духъ, обескуражиться; *прйти въ глуздъ* — образумиться.

В меньшей степени О. М. Бодянским учтены материалы словаря к «Энеиде» (1798, 1808). Так, из 197 лексем в интервале *балабуха* — *ище*, имеющих в этом словаре, 73 не представлены в рукописном словаре

О. М. Бодянского. Остальные фиксируются в последнем, как правило, с теми значениями, которые имеются в словаре к «Энеиде». Надо заметить, что совпадение материалов словаря О. М. Бодянского с материалами словаря, приложенного к «Энеиде», не всегда результат непосредственного заимствования. Словарем к «Энеиде» пользовались при составлении своих лексикографических трудов и А. П. Павловский, и И. Войцехович, и М. А. Максимович. Следовательно, материалы словаря к «Энеиде» могли попасть в словарь О. М. Бодянского и косвенно, т. е. через посредство словарей А. П. Павловского, И. Войцеховича и М. А. Максимовича. Приводимые ниже сопоставления убеждают, что некоторые материалы из словаря к «Энеиде» О. М. Бодянским были заимствованы непосредственно (ибо не имеют соответствий в других вышеупомянутых опубликованных словарях). Ср.:

Словарь к «Энеиде» (1808)

Глестьякъ, мякишь невыпеченнаго хлѣба.

Брикатъ, легать.

Дукатъ, большая медаль, которую на шеяхъ носятъ Малороссіянки.

Возбѣ или *визокъ*, родъ карточной игры.

Словарь О. М. Бодянского

Глестьякъ — мякишь невыпеченнаго хлѣба.

Брикаю, *кати* (у К. Р. *рѣгати*) — лгать (говор. о лошадяхъ).

Дукатъ — монета, родъ медали, которую Мало-Россіянки и жидовки носятъ на шеѣ.

Визъ — возъ; *возыще* — ув.; *возокъ* — ум.; *пидвезты возка* — обмануть, подшутить; также *возокъ* есть особенная карточная игра.

Таким образом, О. М. Бодянский учел уже имевшийся опыт украинской лексикографии. Пользовался ли он другими источниками, кроме названных? Вероятно, да. Однако нет признаков того, что О. М. Бодянским были использованы словарные материалы М. А. Максимовича из книги «Украинские народные песни» (1834)¹¹, а также материалы словаря А. Л. Метлинского, помещенного под названием «Объяснение непонятных для великороссіян южнорусских слов и выражений» в его книге «Думки і пісні та ще дещо Амвросія Могили» (1839). Из этого следовало бы, что словарь О. М. Бодянского составлялся в начале 30-х годов XIX в.

Все изданные в первой половине XIX в. украинские словари содержали в основном непроизводную лексику. Словарь же О. М. Бодянского, в отличие от них, фиксирует значительное количество производных слов. Одних деминутивов тут около 300. Инфинитивы представлены зачастую в обеих видовых формах. Довольно значителен процент возвратных глаголов, приводимых преимущественно в фонетическом написании (типа *задырацьця*, *засовацьця* и т. п.). Вообще в словаре О. М. Бодянского чаще встречаются глаголы (40,6% от общего количества материала), далее имена существительные (35,2%), причастия (6,9%), имена прилагательные (6,7%), наречия (6,3%), междометия и звукоподражательные слова (1,7%), другие части речи (1,7%), фразеологические единицы (0,9%). Фразеологический материал выступает преимущественно в качестве иллюстраций.

Во всей работе О. М. Бодянского обнаруживается стремление представить как можно полнее семантически и функционально-грамматически связанные лексемы. Поэтому содержащийся в словаре О. М. Бодянского материал дает довольно хорошее представление о системе украинской лексики (эта черта присуща опубликованным в первой половине XIX в. украинским словарям в значительно меньшей степени).

¹¹ Здесь в ссылках к тексту песен объяснено свыше 250 слов и выражений.

Несмотря на то что анализируемый рукописный словарь О. М. Бодянского охватывает материал на сравнительно небольшом алфавитном интервале (*балабуха — ище*), он представляет значительную научную ценность. Не говоря уже о том, что он в два с лишним раза больше составленных на все буквы алфавита наиболее обширных изданных украинских словарей первой половины XIX в., он имеет ряд немаловажных преимуществ по сравнению со «Словарем украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко, высшим достижением украинской лексикографии дооктябрьского периода. Так, рукописный словарь О. М. Бодянского фиксирует свыше 800 лексем, отсутствующих в «Словаре украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко, и почти 270 имеющих в последнем, но без тех значений, которые приводит О. М. Бодянский. Около 150 слов из словаря О. М. Бодянского можно рассматривать как различные варианты по отношению к соответствующим словам из словаря под ред. Б. Д. Гринченко.

Среди слов, фиксируемых О. М. Бодянским, но не представленных в «Словаре украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко, — 190 причастий (причастия, в соответствии с составительским планом Б. Д. Гринченко, в словарь не были, за редким исключением, внесены). Интересно, что О. М. Бодянский квалифицировал причастия как отглагольные имена прилагательные. Ср.: *зажурений* 'прилаг. отъ *зажурить, ты*'; *зальганий* 'прилаг. отъ *зальгати, ты*'; *залоскотаний* 'прилаг. отъ *залоскотати, ты*'; *замалёваний* 'прилаг. отъ *замалёвати, ты*'.

«Словарь украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко не фиксирует, как правило, и степеней сравнения прилагательных и наречий. Поэтому неудивительно, что 32 слова этого типа из словаря О. М. Бодянского не имеют соответствий у Б. Д. Гринченко. Однако включение слов с суффиксами субъективной оценки входило в задачу Б. Д. Гринченко, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из «Словаря украинского языка». И показательно то, что в этом словаре в интервале *балабуха — ище* недостает более 130 лексем с суффиксами субъективной оценки, которые фиксируются О. М. Бодянским. Кроме того, в «Словаре украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко отсутствуют сотни других лексем, имеющих в рукописном словаре О. М. Бодянского.

Если привлечь для сравнения еще и словарь украинского языка П. П. Белецкого-Носенко (наиболее обширный украинский словарь первой половины XIX в., пролежавший в рукописи более 100 лет и изданный в 1966 г.) и академической «Словник української мови» (последнее достижение украинской советской лексикографии), то количество материала, не зафиксированного в них, но имеющегося в словаре О. М. Бодянского, все равно будет исчисляться сотнями единиц.

Вот, например, слова на одну только букву Б из словаря О. М. Бодянского, отсутствующие в упомянутых словарях: *барахтанье* 'усилие, употребляемое нами при освобождении себя изъ чего-нибудь, напр., въ водѣ из поросту, на сушѣ изъ тины'; *барахтацьця* 'вылазить, освобождаться изъ тины и под.'; *барацки* [в статье: *брусковина (брѣскава — серб.; барацки — кар.-р., венг.)*; 'персикъ']; *бархаточка* — ум. (к *бархатка* 'бархатная лента, повязка'); *безворотный* 'невозвратный'; *безпутья* 'безъ разуму, неразумно, безъ толку, глупо'; *бельзь* 'звонъ колокола'; *быстрые*; 'быстрѣе', *быстрыий* — уравни.; *бѣгъ — звѣръ* 'движение свѣтомъ'; *бѣглый* 'скорой'; *бѣлые* 'бѣлые'; *близьтѣй* 'поближе'; *близьтше* 'ближе'; *блудни* 'блудодѣяние; обманъ'; *бобовыкъ* 'стебли и листья боба'; *бовтись и бовть* 'бухъ!'; *боры* 'уборы, збуруя (конская)'; *боровыкъ* 'боровъ'; *братеня* и *братяга* (в статье: *братыще* — ув. отъ *братъ*; *братяга* — тоже; *братикъ, братеня* — ум.; *бря* — сокращенное изъ *братъ*); *брыдковати, ты* 'мерзить, презирать'; *брыдче* 'мерзостнѣе'; *брыдчиий* 'мерзостнѣйший'.

брылице — ув. (к *брыль* 'круглая шляпа съ краями'); *бува-тамъ* 'въ случаѣ, ежели; на всякій случай'; *бузументъ* 'серебр., золотыя петлички на воротникахъ и под.'; *бульбѣкъ* [в статье: *бульбашка* (*бульбѣкъ* — к. р.) 'пузырь водяной']; *бундякы* 'обумъ; догадка'; *буркотнява* 'ворчанье'; *бурлаковатый* 'забіячливый'; *бурханъ* 'вѣтеръ сильный, ураганъ'; *бурянникъ* (в статье: *бурьянъ/бурьянъ*, *бурянникъ* — к. р.) 'сорная трава, трава на пустырь'; *бутылочныкъ* 'продающій что бутылками'; *буханыще* — ув. (к *буханецъ* 'небольшой пшеничной хлѣбъ'); *бучыцьця* 'важничать, принимать гордый видъ, осанку'; *бучнѣше* 'пышнѣе'; *бучнѣшій* 'самой пышной'.

Приводим также из словаря О. М. Бодянского слова на букву Б, имеющиеся и в упомянутых выше словарях, но без значений, приводимых О. М. Бодянским. Слова эти следующие: *баня* 'кубъ, винокурня, рудоконя — к. р.'; *балка* 'грязная выбоина или ухабъ'; *бардакъ* 'трубка, въ которую вкладываютъ нѣсколько чубуковъ'; *бацнуть, ты* 'выстрѣлить, убить; оттуда: баць!'; *бездѣльныця* 'худая, непотребная женщина'; *безпутныця* 'засорная женщина'; *бурлака* 'забіяка'; *бурлаковать, ти* 'забіячить'; *буцькъ, — кы* 'также комокъ чего-либо'.

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что рукописный украинско-русский словарь О. М. Бодянского, фиксирующий немало единиц диалектной и литературной (нормативной и сегодня) украинской лексики первой половины XIX в., несомненно, является весьма ценным источником для лексикологических исследований. Кроме того, рассмотренная рукопись интересна как памятник украинской лексикографии первой половины XIX в. и как документ, открывающий для нас новые страницы научной биографии выдающегося отечественного ученого-слависта О. М. Бодянского, со дня рождения которого в 1978 году исполнилось 170 лет.

Из истории славяноведения

А. МАТКОВСКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ЯЦИМИРСКОГО (1873—1925)

Имя А. И. Яцимирского широко известно ученому миру, а его научные труды по достоинству оценены славистами и романистами. Тем не менее его частная жизнь, его окружение и условия труда почти не изучены, что, безусловно, сказывается на общей характеристике Яцимирского-ученого, его многосторонней деятельности и творчества. Как филолог Яцимирский особенно ярко проявил себя в последнем десятилетии прошлого века и в начале двадцатого века. Именно в этот период появляются лучшие исследования Яцимирского, выдвинувшие его в ряд крупнейших славистов времени. Своими трудами он способствовал процветанию русской филологической науки, особое внимание уделял изучению эпохи славнизма в древнемолдавской литературе и культуре. В этом смысле он — страстный продолжатель изысканий другого слависта, молдаванина — Полихрония Сырку¹. С этими двумя крупными фигурами российской филологии связаны прекрасные страницы истории молдавско-русских культурных связей.

Задачей данной статьи является раскрытие нескольких аспектов плодотворной научной, культурной и педагогической деятельности А. Яцимирского с учетом до сих пор не изученных архивных материалов.

В рамках одной статьи невозможно дать полную характеристику всех научных работ этого плодовитого ученого, число которых превышает тысячу наименований (исследования, статьи, рецензии, монографии и т. п.). Мы остановимся в основном на его монографии «Григоре Цамблак», появление которой связано со значительным событием в жизни автора — присвоением ему докторской степени по славянской филологии.

¹ Библиографию работ П. Сырку, которым предпослан краткий биографический очерк, см. А. М а т к о в с к и. Полихроние Сырку. Кишинэу, 1967, 46 с.

Но вначале приведем некоторые биографические данные. А. Яцимирский родился 30 августа 1873 г. в деревне Байрамча Аккерманского уезда, в семье учителя Ивана Григорьевича Яцимирского². В Бессарабии же прошли его детство³ и первые школьные годы⁴.

По окончании Кишиневской гимназии Яцимирский записывается на историко-филологический факультет Московского университета, где слушает курсы знаменитых русских филологов А. И. Соболевского, Р. Ф. Брандта, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова и др. Благоприятная научная среда, в которую попал молодой Яцимирский, положительно сказалась на его формировании как ученого и страстного исследователя древнеславянских рукописей. В качестве активного члена научных кружков университета он неоднократно выступал с докладами и сообщениями, в которых обнаружил подлинный талант исследователя⁵. В студенческие годы Яцимирским был создан двухтомный труд, в котором дано описание старославянских и древнерусских рукописей из коллекции П. И. Щукина⁶, написано более 30-ти исследований, статей и рецензий, опубликованных в различных научных журналах⁷.

Молодой студент коллекционирует грамоты, записи и другие памятники древнемолдавской литературы, продолжая семейную традицию, положившую начало великолепной коллекции рукописей, которая была уже пополнена и описана затем Яцимирским-ученым⁸. В 1899 г. А. Яцимирский с отличием заканчивает университет и к концу 90-х годов становится сотрудником Российской Академии наук. Он поддерживает связи, с известными учеными России и других стран⁹.

² См. Дело студента А. Яцимирского. ЦГА, М., ф. 413, оп. 307, ед. хр. 972, л. 42—43.

³ В молдавском селе Хынчешты, куда был переведен на работу его отец.

⁴ В 1882 г. Александр поступил в Кишиневскую гимназию, преподавателями которой были Е. Ф. Будде и украинский писатель И. С. Нечуй-Левицкий. Он окончил гимназию в 1893 г., показав «удовлетворительные» знания по всем дисциплинам (см. Копию аттестата зрелости, представленного А. Яцимирским на историко-филологический факультет Московского университета. ЦГА, М., ф. 418, оп. 307, ед. хр. 972, л. 42).

⁵ В это время Яцимирский был уже известен как автор ряда статей историко-этнографического характера, опубликованных в «Бессарабском вестнике» за 1892—1893 гг.

⁶ Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Составил А. И. Яцимирский, вып. 1, 1896, 367 с.; вып. II, 1897, 276 с.

⁷ Неполную библиографию этих работ А. Яцимирского см. А. С. Кидель. Александр Иванович Яцимирский. Библиография. Кишинев, 1967, с. 14—17.

⁸ Эта коллекция частями была подарена А. Яцимирским библиотеке Академии наук. Первая часть (80 славянских и русских рукописей) была принесена в дар в 1901 г. и сопровождается пояснительной записью Яцимирского об истории приобретения каждой рукописи. Несколько из них принадлежали еще его деду — Григорию Даниловичу Яцимирскому, обедневшему помещику из Старой Ушицы Подольской губернии. Другие были приобретены отцом Яцимирского. Большинство рукописей — на старославянском, русском, болгарском языках, а две — на молдавском. Хронологически они относятся к XV—XIX вв., некоторые — к XIII—XIV вв. Спустя два года Яцимирский дарит Академии наук новую коллекцию рукописей и редкие книги. В связи с этим 1 ноября 1903 г. на заседании Общего собрания Академии А. А. Шахматов огласил письмо и записку А. И. Яцимирского о передаваемых им в дар материалах, касающихся «русских самородков», и о желании дарителя сохранить за этой коллекцией название «Музей русских самородков». Ученые России не раз обращались к богатой коллекции рукописей, подаренной А. Яцимирским библиотеке Академии наук (См. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки АН, Ленинград, 1965, с. 106).

⁹ В архивных фондах Москвы, Киева, Ленинграда хранится богатая коллекция переписки А. Яцимирского с русскими и иностранными филологами, деятелями культуры. Большинство этого исключительно ценного материала еще не исследовано. Статья В. В. Витт «О связях А. И. Яцимирского с культурными деятелями славянских стран» в кн. Из истории связей славянских литератур, М., 1959, с. 150—158, отнюдь не восполняет пробел.

В 1899 г. Академия наук командирует Яцимирского в Румынию, Болгарию, Сербию и другие страны Балканского полуострова с целью исследования и возможного коллекционирования славянских грамот и рукописей, написанных в этих странах. Во время этой поездки им был собран богатый материал, легший затем в основу ряда его исследований и статей, опубликованных в научных журналах. Среди них особенно выделяется материал «Из славянских рукописей. Тексты и заметки», содержащий большое количество древних славянских текстов с научным комментарием молодого ученого¹⁰. Эта работа обратила на себя внимание ученых, давших ей высокую оценку¹¹.

Заметим, что тогда же у А. Яцимирского появилось намерение написать большую монографию о жизни и деятельности Григория Цамблака. Среди сохранившейся корреспонденции А. Яцимирского нами обнаружено несколько писем, посланных ему в 1899 г. буковинским историком Е. И. Калужняцким, который подсказал молодому исследователю идею создания монографического труда о Цамблаке¹².

А. Яцимирский принял предложение Е. Калужняцкого и в течение нескольких лет подготовил одну из крупнейших монографий, посвященных этому известному культурному деятелю XIV в. Свою работу А. Яцимирский представил в качестве магистерской диссертации ученому совету Казанского университета и блестяще защитил ее, получив ученую степень доктора славянской филологии.

Следует отметить, что монография Яцимирского вызвала в ученом мире широкую дискуссию и противоречивые оценки. Русская пресса поместила на своих страницах многочисленные рецензии и отзывы, среди авторов которых были и видные филологи: П. А. Лавров, В. Н. Перетц, К. Ф. Радченко, А. И. Александров, Е. Ф. Карский и др. Полемику, в частности, вызвало утверждение Яцимирского о том, что после 1419 г. Гр. Цамблук, приняв имя Гавриил, жил отшельником в Нямецком монастыре. Это утверждение отвергалось на том основании, что после этого года в русских летописях не встречается никаких упоминаний о Цамблаке.

Против идентификации переписчика из Нямецкого монастыря Гавриила с Григорием Цамблаком выступили многие ученые не только того времени (К. Ф. Радченко¹³, М. С. Грушевский¹⁴, П. А. Лавров¹⁵, Е. Ф. Карский¹⁶), но и последующего периода¹⁷. Ошибочное мнение Яцимирского привело в недоумение даже его постоянного консультанта, историка Е. Калужняцкого, обеспечившего молодого автора монографии ценным историческим материалом о деятельности Гр. Цамблака¹⁸.

Несмотря на это, изданная в 1904 г. монография А. Яцимирского была расценена как наиболее документированная работа в России о Григории

¹⁰ См. Уч. зап. имп. Московского университета, отд. историко-филолог. М., 1899 т. 24.

¹¹ См. письмо А. Кочубинского А. Яцимирскому от 5 февраля 1899 г. (ЦГАЛИ, ф. 584, ед. хр. 121, оп. 1).

¹² ЦГАЛИ, ф. 584, ед. хр. 100, оп. 1.

¹³ ЖМНП, 1904, ч. 355, вып. 10, с. 419—435.

¹⁴ «Записки наукового товариства імені Шевченка», 1905, XVIII, № 6, с. 14—15.

¹⁵ Сборник отд. рус. языка и слов. имп. АН, 1906, т. 81, кн. 1, с. 23—40.

¹⁶ «Русский филологический вестник», 1904, т. 51, № 1—2, с. 329—332.

¹⁷ м. Д. Р. В о г д а н. *Jarâsi despre identitatea Grigorie Țamblac — Gavriil de la Neamt preconizată de A. J. Jațimîrski*. «Hrisovul», 1941, v. I, p. 465; E. T u r d e a n u. *Les lettres slaves en Moldavie: Le moine Gabriel du monastère de Neamt (1424—1447)*. «Revue des études slaves», 1951, t. 27, p. 267—278.

¹⁸ Е. К а л у ж н я ц к и й. Сборники Нямецкого монастыря. Сборник отд. рус. языка и слов. имп. АН, 1907, т. 83, № 2, с. 3.

Цамблаке, за которую ее автору была присуждена Ломоносовская премия. Монография и поныне не потеряла своей исторической и документальной значимости. Современные молдавские историки подчеркнули большую работу А. Яцимирского по изучению жизни и деятельности Цамблака, одного из выдающихся представителей молдавской культуры начала XV в., а также использованный им богатый архивный материал по истории Молдавии, который до появления монографии был неизвестен¹⁹.

В 1903 г. А. И. Яцимирский переезжает в Петербург, где полностью отдается науке. Он активно сотрудничает в журналах «Русская мысль», «Исторический вестник», «Славянские известия», «Вестник иностранной литературы», «Русская старина», «Русский филологический вестник», где печатает многочисленные статьи и рецензии по проблемам исторической, художественной, критической и фольклористской литературы, изданной в разное время в странах Балканского полуострова.

А. И. Яцимирский, так же как и его предшественники — А. Хыждеу, Я. Гинкулов, П. Сырку, был активным пропагандистом молдавской литературы и культуры в России. Изучение древней литературы южных славян позволило ему обнаружить и подчеркнуть то огромное влияние, которое оказала славянская культура на средневековую молдавскую. Именно эпохе славянизма в литературе и культуре Молдавии и Валахии он посвятил ряд исследований²⁰, в которых был использован богатый, частично неизвестный документальный материал.

А. Яцимирского интересовал не только древний период культуры и литературы Молдавии и Валахии, но и богатое народное творчество. Еще в студенческие годы он опубликовал большую статью о бессарабских гайдуках²¹, в которой поместил многочисленные песни и легенды о Бужоре, Кадряну, Тобултоке и др., записанные им у молдавских крестьян. В те годы неопытность молодого ученого помешала ему дать полную оценку гайдуцкого движения в Молдавии, выявить причины его возникновения и развития. Однако для фольклористов данная работа сохранила свое значение благодаря богатому документальному материалу. А. И. Яцимирский издал на русском языке в собственных, довольно удачных переводах сборник наиболее интересных румынских и молдавских сказок²², извле-

¹⁹ См. Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историография Молдавии. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 3, М., с. 658.

²⁰ Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. Введение к изучению славянской литературы у румын. Тырновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним. СПб., 1906, 176 с.; Румыно-славянские очерки, ч. I. Язык и этнография, 1903; т. II. Румынская история и культура, 1905; Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905, 965 с. Этот капитальный труд был высоко оценен русскими славистами. См. рецензию Х. Лопарева. О книге А. И. Яцимирского. Сборник рус. яз. и слов. имп. АН, 1907, т. 82, вып. 3, с. 38—53; Значение румынской филологии для славистики и романских изучений. ЖМНП, ч. 17, сентябрь, отд. 2, 1908, с. 124—142; Шестнадцать рукописей молдавского письма XV—XVII вв. Известия отд. рус. яз. и слов. имп. АН, т. 13, кн. 2, 1908, с. 194—201; Славяно-молдавская летопись монаха Азария. Известия отд. рус. яз. и слов. имп. АН, т. 13, кн. 4, 1908, с. 23—80; Славянские заимствования в румынском языке, как данные для вопроса о родине румынского племени. В кн. Сборник статей, посвященных почитателями акад. и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. 1908; Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1904; Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1555 гг. ЖМНП, 1909, ч. 21, май, отд. 2, с. 134—166.

²¹ А. И. Яцимирский. Разбойники Бессарабии и рассказы о них. «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, с. 54—90.

²² Сказочные сокровища забытого уголка. Пер. А. И. Яцимирского. Со множества рисунков и фотографий переводчика. М., 1902, изд. II. М., 1908.

ченных им из различных фольклорных книг или же записанных лично в селах Молдавии.

В Петербурге Яцимирский преподавал русский язык вначале в одной из гимназий, а затем в реальном училище²³. Он был активным членом Лингвистической секции при Академии наук: здесь 5 ноября 1903 г. им был прочитан доклад о славянизмах в румынском языке на материале древних рукописей XIV — XVII вв., равно как и богатом фольклорном материале²⁴.

Яцимирский часто информировал членов Лингвистической секции о последних научных новшествах в области романистики, настаивая на параллельной разработке проблем романско-славянской филологии²⁵. На заседании 27 октября 1904 г. он подверг детальнейшему анализу язык славянских грамот молдавского происхождения, представляющий собой, по мнению докладчика, конгломерат особенностей, характерных для русского, белорусского, польского, болгарского, украинского и других языков.

Энтузиазм истинного ученого нередко звал Яцимирского в чужие страны даже тогда, когда государственная казна никаких средств не выделяла. За свой счет он ездил в Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию, Германию и Румынию с тем, чтобы изучать фонды библиотек и архивов и собрать все, что касалось средневековой славянской культуры. В «Известиях отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» Яцимирский открыл рубрику «Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам», в которой на протяжении всей своей жизни напечатал множество проблемных статей о болгарской, сербской, польской, румынской и молдавской литературах и культурах древнего периода.

Здесь же он опубликовал апокрифические, фольклорные, религиозные, исторические и литературные тексты с библиографическими комментариями. Всего в этой рубрике им было напечатано около ста названий (исследования, статьи, информации, тексты).

Осенью 1906 г. А. Яцимирский начал читать «курс румынского языка в сравнении с славянскими и романскими языками» для студентов-филологов Петербургского университета²⁶. Эрудиция молодого слависта, необычайная страсть, проявленные при чтении лекций, привлекали не только студентов, но и признанных филологов, среди которых был и академик Ф. Е. Корш²⁷, бывший профессор Яцимирского в годы его учебы в Московском университете. Одновременно А. Яцимирский редактирует и завершает отдельные рукописные труды П. А. Сырку²⁸. Яцимирский был единственным ученым, способным справиться со столь сложной и ответственной задачей. Он прекрасно знал научные интересы покойного Сырку, источники, использованные последним в своих трудах. Яцимирский не ограничивался простым редактированием рукописей, а стремился в слу-

²³ См. Формулярный список преподавателя А. Яцимирского. Исторический архив, Ленинград, ф. 740, оп. 12, д. 44, л. 42—43.

²⁴ См. протоколы заседаний Лингвистической секции (Архив Академии наук СССР, Ленинград), ф. IV, оп. 24, ед. хр. 5, л. 67—69.

²⁵ Там же, л. 49—71.

²⁶ См. О допущении к чтению лекций Яцимирского в С.-Петербур. университете по истории новой польской литературы и румынского языка (Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 1, д. 10017, 1906 г.).

²⁷ А. Д. С и л и н. Профессор Александр Иванович Яцимирский. «Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии», т. II, кн. 1, вып. 3—4, Ростов-на-Дону, 1928, с. 55.

²⁸ См. Отдел рукописей Государственной публичной б-ки АН Украинской ССР, ф. 111, № 21688

чае необходимости дописывать, развивать идею, завершать недоконченное предшественником²⁹, благодаря чему увидели свет многие статьи П. Сырку.

Несмотря на свою широкую известность в качестве крупного ученого, А. Яцимирский в начале 1908 г. был уволен с должности приват-доцента Петербургского университета за политическую неблагонадежность. Причину своего увольнения Яцимирский видел в боязни руководства министерства народного просвещения во главе с Л. Кассо, как бы он не «заразил» студентов социалистическими идеями³⁰. Яцимирский был вынужден устроиться простым преподавателем реального училища, продолжая, несмотря на все трудности, ученую деятельность.

С появлением монографии «Новейшая польская литература от восстания 1863 года до наших дней», а также юбилейной статьи о русском поэте А. В. Кольцове, написанных с передовых позиций, преследования против Яцимирского возобновились. Реакционная газета «Новое время» развернула на своих страницах настоящую кампанию против ученого, обвиняя его в том, что он свои лекции превращает в революционные манифестации, пропагандирует идеи социализма, подстрекает молодежь³¹. В адрес Яцимирского приходят оскорбительные письма от родителей учеников реального училища, которые обвиняют его в том, что он вдальблывает детям чуждые школьной программе революционные идеи, и требуют от дирекции устранения «этого опасного элемента»³². А. Яцимирский оказался перед угрозой остаться без средств к существованию³³.

Царская цензура дошла до конфискации «Истории украинской литературы» Ивана Франко, выписанной Яцимирским из Львова³⁴. Даже интерес к творчеству украинского писателя не допускался. Кстати, Яцимирскому принадлежит исследование широкой литературной и научной деятельности этого писателя-демократа — «Иван Франко — певец труда и борьбы», опубликованное в журнале «Вестник знания».

Несмотря на крайне неудовлетворительные условия, А. Яцимирский продолжает «работать для науки», которую он любит «больше самой жизни»³⁵: он публикует множество исследований, посвященных истории, литературе и культуре молдаван и румын, статью «Пушкин в Бессарабии»³⁶ и богато документированное биографическое исследование о выдающемся культурном деятеле XVII в. Милеску-Спафарии³⁷.

Переписка А. Яцимирского с русскими и иностранными филологами и другие архивные материалы не только открывают перед нами новые, доселе неизвестные данные о его жизни и деятельности, но и свидетельствуют о том огромном авторитете, которым он пользовался в ученых кругах Болгарии, Венгрии, Чехии, Польши, Германии и Румынии.

Многочисленная корреспонденция Яцимирского, посвященная вопросам молдавско-русских культурных и литературных связей, — это ценнейший материал, который, несомненно, должен быть исследован и по возможности опубликован. В лице Яцимирского русские филологи имели

²⁹ См. Архив АН СССР, Ленинград, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 476, л. 169.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, ед. хр. 97, л. 30.

³¹ Там же.

³² ЦГАЛИ, ф. 544, оп. 1, ед. хр. 279.

³³ ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, ед. хр. 97, л. 29.

³⁴ Там же, л. 48.

³⁵ См. Письмо А. Яцимирского к В. И. Ламанскому. Архив АН СССР, Ленинград, ф. 35, оп. 1, № 1638.

³⁶ Пушкин в Бессарабии (20 сентября 1820 — 2 июля 1823). Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, с. 158—178.

³⁷ Николай Милеску-Спафарий. Оттиск из книги Н. Г. Спафария «Описание первой части вселенной, именуемой Азией...». Казань, 1910.

достойного преемника П. Сырку, «соединявшего в себе знание румынского со славянскими языками»³⁸. Именно Яцимирским было написано большинство работ о древней культуре и литературном процессе Молдавии и Валахии, вышедших в России в первой четверти XX в. Российские и иностранные ученые признавали в Яцимирском эрудита-консультанта по различным вопросам романистики, древнемолдавской и славянских литератур, а также по современной ему литературе и культуре³⁹.

А. И. Яцимирский, как ведущий ученый, всегда проявлял доброжелательность и заботливость по отношению к молодым начинающим исследователям, к иностранным ученым, приезжающим в Россию в научных целях.

Красноречива в этом отношении корреспонденция румынского историка С. Драгомира⁴⁰, который неоднократно выражал свою сердечную благодарность А. Яцимирскому за заботу и помощь, оказанные ему во время научной командировки в Россию⁴¹.

В 1910—1913 гг. А. Яцимирский предпринял ряд поездок в балканские страны для работы в библиотеках и архивах. В Сербии и Болгарии его встретили с большими почестями. Местные академии наук организовали в его честь торжественные заседания, газеты печатали его фотографии и обширные статьи о научной деятельности русского слависта⁴².

Несмотря на огромные заслуги в области науки, до 1913 г. Яцимирскому так и не удалось получить штатную должность на какой-нибудь кафедре славистики. Попытки предложить свою кандидатуру в университетах Казани, Киева и Одессы каждый раз терпели неудачу. Разочарованный и усталый от повседневной борьбы за существование, Яцимирский писал Т. Д. Флоринскому: «...мне надоело писать и писать без конца, чтобы существовать с семьей, давать 16 часов в реальном училище, читать бесплатные лекции в университете... Я устал от этой борьбы в течение 15 лет, устал каждое утро думать о заработке, хочу получить то, на что имею право, и посвятить всего себя науке. Годы мои далеко не юношеские и, повторяю, я устал в ожиданиях. До сих пор я сделал немало в области науки, еще больше у меня готовится и ждет очереди...»⁴³.

Летом 1913 г. вместе с тремя претендентами А. Яцимирский участвует в конкурсе на замещение вакансии в Варшавском университете и 26 августа того же года был назначен на должность профессора на кафедре славянской филологии, что было для него «почетной ссылкой»⁴⁴.

Жизнь и научная деятельность А. Яцимирского между 1913 и 1925 г. почти не изучена. Некоторые данные общего характера встречаются в отдельных работах немногочисленных исследователей. Это объясняется, в частности малодоступностью документации Варшавского русского университета, сохранившейся в государственных архивах Польши, а затем, в результате войны и революционных событий в России, разбросанной в разные города. В 1915 г. русский университет из Варшавы был эвакуиро-

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 584, ед. хр. 431, оп. 1.

³⁹ Об этом см. письма А. Шахматова, Г. Самурияну, В. Келтуяла, С. Драгомира к А. Яцимирскому в ЦГАЛИ.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, ед. хр. 70.

⁴¹ С. Драгомир намеревался изучать древние документы о связях румынской церкви с Россией в XVII в.

⁴² См. А. Д. С и л и н. Там же, с. 57.

⁴³ Фонд III, № 21689 (отдел рукописей Государственной публичной б-ки АН Украинской ССР).

⁴⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 46, оп. 3, ед. хр. 884, л. 65.

ван в Москву, а оттуда в Ростов. Здесь проходила педагогическая и научная деятельность А. Яцимирского в последние десять лет его жизни.

В Государственном архиве Ростовской области хранятся многочисленные документы об организации и деятельности Ростовского университета. Среди них есть немало интересных материалов, изучение и издание которых дает возможность дополнить картину жизни и деятельности А. Яцимирского.

1913 г. — это переворот в научной деятельности Яцимирского. В Варшаве он настойчиво пополняет и углубляет свои знания в области истории и литературы Польши, особое внимание уделяя новым достижениям польской художественной литературы и литературной критики. Он по-прежнему выступает с рецензиями и информацией о новых литературных изданиях. Его исследовательские интересы концентрируются в основном на истории южных славян. После переезда в Ростов он продолжает вдохновенную педагогическую и научную работу, включается в общественную жизнь, являясь одним из инициаторов организации краеведческого музея, членом общества истории и древностей. В тот же период под покровительством Академии наук вышел в свет его многолетний монографический труд «Апокрифы и легенды». Сохранилось несколько литографированных циклов его лекций об истории южных славян, прочитанных им в 1913—1917 гг. в качестве специальных курсов студентам историко-филологического факультета⁴⁵. Оккупация Ростова белогвардейскими войсками атамана Каледина оказала влияние на общественно-политические воззрения значительной части профессорско-преподавательского персонала и студенчества университета. В 1919 г. по приказу атамана Краснова был разработан новый устав Ростовского университета⁴⁶, предусматривавший жесткие меры против революционно настроенных студентов и преподавателей, а также удаление их всеми средствами и методами. Часть университетских профессоров заняла враждебную позицию по отношению к Советской власти, а другая часть проявляла полнейшую нейтральность в вопросах политики и политических событиях, всецело предаваясь науке. В их числе в 1917—1920 гг. мы видим А. Яцимирского. Правда, он не изменил своим взглядам. Как педагог, Яцимирский поддерживал студенческие манифестации, требуя улучшения учебных условий, их демократизации. Как ученый, он увлекался исследованием истории и древней культуры ростовского края. С этой целью начал изучать соответствующую литературу, углубляя в то же время свои теоретические и практические знания в области археологии — предмет его долголетних научных увлечений, не покидавших ученого до конца жизни.

1 мая 1918 г. в Ростове был основан Археологический институт⁴⁷, важная роль в создании и деятельности которого принадлежала Яцимир-

⁴⁵ Назовем лишь несколько из них: 1) Славянские древности. Курс, читанный в 1913—1914 acad. году. Варшава, 1914, 168 с.; 2) Славянские древности. История южных славян. Курс, читанный в 1914—1915 acad. году. Варшава, 1915, 138 с.; 3) Славянские древности. Курс, читанный в 1916—1917 acad. году. Ростов-на-Дону, 1917, 94 с.; 4) История новой сербской литературы. Курс лекций, читанных в Варшавском университете в 1915—1916 acad. году. М., 1916, 125 с.; 5) Хрестоматия по славянским древностям. Ростов-на-Дону, 1916, 96 с.; 6) История южнославянской литературы. Студенческие записки (Методология изучения памятников древней письменности). Курс, читанный в Варшавском университете в 1916—1917 acad. году. Ростов-на-Дону, 1917, 404 с.

⁴⁶ Подробнее об этом уставе см. С. Е. Б е л о з е р о в. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1959, с. 56.

⁴⁷ ГАРО. Отчет Донского археологического института за 1918—1922 гг., ф. 49, оп. 1, л. 255.

скому, работавшему здесь на протяжении ряда лет вначале преподавателем и ученым секретарем, а затем с октября 1920 г. ректором⁴⁸. В 1918—1920 гг. он прочел студентам-археологам специальные курсы по славяно-русской палеографии, происхождению письменности; эволюции первобытных верований; исторической этнографии Юга России; истории славян; античной этнографии и археологии Донского края; методологии и критике текстов и др.

Сохранившиеся протоколы и другие материалы о деятельности Археологического института свидетельствуют и о напряженной научно-организационной работе А. Яцимирского. Уже в первые дни работы по созданию института он выступил перед будущими студентами с лекцией «Значение истории и археологии в социально-культурном строительстве»⁴⁹, призывая слушателей к тщательнейшему изучению этих предметов.

Под руководством и при непосредственном участии А. Яцимирского были разработаны и опубликованы специальные программы для студентов Археологического института⁵⁰. Включенные в них тематические вопросы, на которые должны отвечать студенты, были составлены с таким расчетом, чтобы при ответах выявить картину развития истории и культуры различных областей Юга России с древнейших времен.

А. И. Яцимирский постоянно выступал на страницах печатных органов многих обществ истории, археологии и древностей в России и других славянских странах. Чтобы ознакомиться хотя бы частично с той огромной педагогической, научно-организационной и общественной деятельностью А. Яцимирского в 1918—1922 гг., достаточно перелистать лишь несколько отчетов о работе Археологического института в Ростове⁵¹.

В 1920 г. Яцимирский был и деканом Новочеркасского педагогического института, где читал историю славян студентам-филологам, одновременно преподавал слушателям рабфака при Ростовском университете, возглавляя общество истории и древностей в Ростове-на-Дону. Продолжалась и научно-исследовательская работа: в 1921 г. была издана монография об апокрифах и легендах⁵² и объемистая книга описаний южнославянских и русских рукописей⁵³, обнаруженных в библиотеках Берлина, Дрездена, Лейпцига, Мюнхена, Праги и Люблина.

Среди прочитанных А. И. Яцимирским учебных курсов на историко-филологическом факультете Ростовского университета следует упомянуть историю Византии, историю новой польской литературы, общественный строй славянских народов, методологию изучения текстов литературных памятников, историю славянских литератур, а также курс румынского языка для студентов романо-германского отделения⁵⁴.

Согласно директивам специальной комиссии по делам реорганизации высших учебных учреждений, расположенных на юго-восточной территории Российской Федерации, Ростовский археологический институт, наря-

⁴⁸ ГАРО, ф. 49, оп. 1, д. 21, л. 42.

⁴⁹ ГАРО, ф. 49, оп. 1, д. 19 от 13/36 мая 1918 г.

⁵⁰ См. К изучению быта, нравов и общего культурного уровня населения Донского края. Сост. под руководством А. И. Яцимирского. Сборник программ и инструкций для изучения Донской области. Ростов-на-Дону, 1919.

⁵¹ ГАРО. Отчеты Донского археологического института за 1918—1922 гг., ф. 49, оп. 1, д. 21.

⁵² А. И. Яцимирский. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности, вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921, 273 с.

⁵³ А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. I. Пг., 1921, 912 с.

⁵⁴ ГАРО. Курсы, читанные в отчетном триместре 1920—1921 гг., ф. 46, оп. 1, ед. хр. 65, л. 43.

ду с другими археологическими институтами России, подлежал ликвидации⁵⁵. А. Яцимирский ходатайствует перед соответствующими инстанциями о включении Археологического института в состав университета как специального отделения при недавно созданном здесь педагогическом факультете. В это же время в октябре 1922 г. по инициативе бывших преподавателей института в Ростове было создано Общество археологии и истории искусства. Здесь А. Яцимирский как активный член общества на протяжении только двух месяцев представил 6 из всех 14 заслушанных докладов в 1922 г.⁵⁶ Даже в 1924 г., когда состояние его здоровья было весьма тяжелым, Яцимирский участвовал во всех заседаниях общества, и, как всегда, с докладами и сообщениями, чаще всего основанными на новом или малоизвестном материале.

Следует особо подчеркнуть, что А. И. Яцимирский умел покорять аудиторию не только своей богатой эрудицией и свежестью рассказанного, но и формой подачи материала. Многие его специальные курсы посещались и студентами других, негуманитарных факультетов. Большое уважение и любовь со стороны студентов заслужил он не только широкими, глубокими знаниями, но и большой простотой и скромностью.

А. Д. Силин, работавший немало лет вместе с Яцимирским (в Археологическом институте, Ростовском музее искусств и древностей, университете), отзывался о нем с сердечной теплотой: «Для нас, имевших счастье лично знать А. И., — писал А. Д. Силин, — он останется навсегда таким, каким мы его встречали — одетым в старое и рваное платье, курящим махорку в своем кабинете, где полки книг доходят до самого потолка, а рядом ящик с черными сухарями и постель, разостланная прямо на полу. Припоминаются и другие стороны этой замечательной личности: его интерес к простым, незаметным людям, его умение говорить и обращаться с такими людьми, его способность не гнушаться никакой, самой черной работы. Помним, например, как он — заведующий музеем, сам красит в музее дверь, или, при переезде Археологического института в другое помещение, на улице, без шапки, таскает на руках груды тяжелых книг и складывает их на подводы»⁵⁷.

Организованный благодаря усилиям А. И. Яцимирского Музей искусств и древностей в Ростове становится одним из самых богатых краеведческих музеев Юга России. Этот музей располагал не только библиотекой редких изданий, но и секцией древних рукописей и документов, найденных у местных жителей. К сожалению, из всего этого почти ничего не осталось в результате последней разрушительной войны.

Многогранная педагогическая, культурная и организационная деятельность не помешала А. И. Яцимирскому вести постоянную исследовательскую работу. Он намеревался написать большой труд о русском народном эпосе, о происхождении русских былин. Однако преждевременная смерть помешала осуществлению его планов. Сохранились лишь отдельные, несистематизированные черновые записи, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР (г. Ленинград), а также изданных после смерти автора в тезисах⁵⁸.

⁵⁵ ГАРО. Дело по ликвидации Донского археологического института, ф. 49, оп. 1, д. 42, л. 2, 5, 8.

⁵⁶ См. Донское общество археологии и искусств. «Борьба классов». Л., 1924, № 1—2, с. 384—386.

⁵⁷ А. Д. С и л и н. Профессор Александр Иванович Яцимирский. Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, т. III, кн. 1, вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1928, с. 60.

⁵⁸ А. И. Я ц и м и р с к и й. Тезисы о былинах. Известия Северо-Кавказского государственного университета. т. I (XIX). Ростов-на-Дону, 1930, с. 209.

В рабочем столе А. И. Яцимирского остались десятки рукописей по лингвистике, истории, фольклору и литературе, часть из которых, безусловно, заслуживает быть опубликованными как неоценимый для специалистов материал. Такого же внимания требует и его обширная переписка с видными учеными России и других стран, так как в ней содержится множество оригинальных мыслей.

Многочисленные опубликованные и неопубликованные труды А. И. Яцимирского, кетати давно ожидающие полной библиографии, способствовали развитию филологической и исторической науки. Своей многогранной деятельностью, своими ценными трудами А. И. Яцимирский по праву занимает место в ряду видных ученых-филологов конца XIX — начала XX в.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ANTONI PRZYGOŃSKI. *Alfred Lampe*. Warszawa, «Iskry», 1976, s. 91.

АНТОНИ ПШИГОНЬСКИЙ. *Альфред Лямпе*

История второй мировой войны, участие в ней Польши, польское революционное и рабочее движение в этот период уже в течение многих лет привлекают пристальное внимание польских историков.

В 1976 г. польское издательство «Iskry», специализирующееся на публикации литературы героико-революционного направления, выпустило книгу А. Пшигоньского «Альфред Лямпе». Интерес к человеку, чья судьба оказалась неразрывно связанной с важнейшими событиями в коммунистическом движении в довоенной Польше, с созданием Польской рабочей партии и разработкой основных принципов построения нового польского государства, обусловил появление целого ряда статей, написанных А. Пшигоньским в течение последнего 15-летия¹. Рецензируемую книгу можно рассматривать как своеобразный итог целенаправленных и длительных изысканий. Это первая научная монография, посвященная А. Лямпе или его трудам.

Хронологические рамки исследования охватывают годы жизни А. Лямпе — 1900—1943 гг. Соотношение частей книги по объему ясно указывает на то, что из творческого наследия публициста представлялось историком наиболее ценным и актуальным. И хотя две первые части работы весьма важны в познавательном отношении, поскольку в них затрагиваются вопросы формирования идейно-политического мировоззрения А. Лямпе, они служат скорее введением к третьему и четвертому разделам, в которых А. Лямпе предстает перед читателем в качестве талантливой теоретика-марксиста, обла-

давшего незаурядной политической интуицией. Именно эти части, на наш взгляд, особенно удалась автору: они почти лишены описательности и содержат много ценного, ранее не встречавшегося в исторической литературе фактического материала.

После нападения гитлеровской Германии на Польшу А. Лямпе, как и многие другие польские коммунисты, оказался на территории Советского Союза. Его жизни и деятельности в СССР с осени 1939 г. до конца 1943 г. посвящает А. Пшигоньский третий раздел своей книги. Вводя в научный оборот новый фактический материал, А. Пшигоньский показал самоотверженную работу А. Лямпе по собиранию сил польской левицы в этот период. Особенно интересными и ценными здесь являются сведения о контактах выдающегося революционера с советскими государственными деятелями, с руководством Коминтерна, с известной писательницей В. Василевской. Не ускользнули от внимания историка и отношения А. Лямпе с членами Инициативной группы. В литературе, посвященной созданию Польской рабочей партии и роли в этом коммунистов-эмигрантов, имя Альфреда Лямпе в прямой связи с деятельностью Инициативной группы не упоминается; А. Пшигоньский, пожалуй, первый из занимающихся названной проблематикой авторов говорит о том, что, хотя в дискуссиях, связанных с образованием ППР, А. Лямпе непосредственного участия не принимал, будущие руководители ППР — М. Новотко и П. Финдер — встречались с ним и обсуждали важнейшие вопросы. Этот сообщаемый историком факт весьма важен для понимания деятельности Инициативной группы и тех явлений, которые существенно влияли на характер создаваемой в оккупированной Польше марксистско-ленинской организации.

Следует еще раз подчеркнуть, что несомненным достоинством рассматриваемого исследования является его умение очень немногословно и, в то же время достаточно глубоко, дать исторический фон событий, одним из главных действующих

¹ A. P r z y g o Ń s k i. Alfred Lampe. W 20 rocznicę śmierci. «Trybuna Ludu», 1963, № 340, s. 3; его же. Alfred Lampe. «Zagadnienia i materiały», 1963, № 23, s. 44—46; его же. W 30-lecie śmierci Alfreda Lampe. «Za wolność i lud», 1973, № 49, s. 8; его же. Wielka rekonstrukcja. «Polityka», 1973, № 49, s. 15; его же. Z rozważań Alfreda Lampe o nowej Polsce. «Z pola walki», 1964, № 2, s. 98—115.

щих лиц которых был А. Лямпе. Поэтому, например, нет впечатления, что польская левизна в СССР работала, опираясь лишь на абстрактные теоретические построения, напротив, — идея каждого проводимого ею мероприятия вытекала из постоянно меняющейся конкретной ситуации, что свидетельствовало о тесной связи польской коммунистической эмиграции с жизнью соотечественников на территории Советского Союза и за его пределами. Размышляя о проблемах консолидации польской левизны в СССР, о роли А. Лямпе в этом процессе, А. Пшигоньский справедливо уделил особое внимание журналу «Nowe Widnokregi»; не вызывает сомнений и оценка А. Пшигоньским деятельности в журнале А. Лямпе, который являлся его организатором и редактором, формально занимая скромный пост заместителя секретаря редакции. Автор рецензируемой работы доказал, что на страницах «Nowych Widnokregów» и газеты «Wolna Polska» в 1942—1943 гг. под влиянием А. Лямпе формировалась идеологическая платформа польских левых сил в СССР, идентичная той, на которой в это время развивалась ППР. Редакции названных изданий стали, по мнению А. Пшигоньского, местом, где вырабатывались идейно-политические основы Союза польских патриотов. Чрез-

вычайно важную роль в разработке основных документов СПП, считает автор книги, сыграла статья, опубликованная в газете «Wolna Polska» под названием «Место Польши в Европе». Рассматривая деятельность СПП, А. Пшигоньский не обходит вниманием вопрос формирования на земле Советского Союза новой демократической польской армии. Понимая политическую и познавательную важность сюжета, историк четко определяет отличительные особенности и задачи этой армии, а также роль левых сил и лично А. Лямпе в указанном процессе.

Первым среди историков А. Пшигоньский, насколько позволял характер исследования, дал научный анализ участия Лямпе-теоретика в создании стратегии и тактики национального фронта как линии действия польской левизны, стремящейся к национальному и социальному возрождению родины.

Эта проблема раскрывается в последнем, четвертом, разделе книги. В нем же исследуются взгляды А. Лямпе на будущее польское государство, на его характер и политическое устройство. Анализируя работы выдающегося ученого и публициста, А. Пшигоньский дает им высокую оценку.

Т. И. Сизова

А. ВЕЛЕВ. Главни реформи на земеделското правителство. «Наука и изкуство», София, 1977, 181 с.

А. ВЕЛЕВ. Основные реформы правительства БЗНС

Нет сомнения в том, что у советских историков-славистов вызовет интерес монографическое исследование болгарского ученого А. Велева, поставившего перед собой цель выделить наиболее существенные аспекты деятельности правительства БЗНС, что чрезвычайно важно для уточнения истинного места и роли этой партии в социально-политической жизни Болгарии в период после первой мировой войны.

На наш взгляд, рецензируемая монография, а также предыдущие публикации А. Велева по данной проблематике¹,

стоят в ряду наиболее обстоятельных и аргументированных работ.

Исследование строится на архивных материалах ЦДИА, стенографических протоколах заседаний Народного собрания, различного рода статистических сборниках, материалах прессы основных политических сил Болгарии того периода, научной и мемуарной литературе, работах лидеров БЗНС, других политических партий и т. д. Методологической основой для работы послужили труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Д. Благоева, Г. Дамитрова, В. Коларова, Т. Живкова.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении автор определяет задачу исследования: рассмотреть условия, в которых формировались программные требования БЗНС — осуществить радикальные реформы, а также показать деятельность «земледельцев» по их реализации важнейших из них (с. 6). А. Велев рассматривает три реформы: законы о трудовой повинности, об аграрной реформе, о народном

¹ А. Велев. Реформаторската дейност на земеделското правителство. Известия на ВПШ, кн. 10. София, 1961; е го же. Аграрна реформа на правителството на Земледельческия союз. Aktes du premier congrès international des Études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1970; е го же. Трудовата повинност на земеделското правителство и политическите партии. «Исторически преглед», 1974, № 1.

просвещении. На наш взгляд, такая ориентация очень удачна, хотя автор слабо ее аргументирует. Сюжеты, раскрывающие борьбу крестьянской партии с оппозицией справа и слева в области экономики и идеологии, позволяют читателю представить пусть не полную, но достаточно объективную картину сложного внутриполитического положения в стране.

В первой главе рассматривается политика БЗНС в период послевоенного революционного кризиса, который, как подчеркивает автор, имел тенденцию к углублению и расширению (с. 13). Своеобразие этого кризиса состояло в том, что в один из самых напряженных его моментов во главе взбунтовавшихся масс встали не социалисты в лице болгарских «тесняков», еще не готовых к практическому решению вопроса о смене власти, а БЗНС — крестьянская партия с ярко выраженными демократическими тенденциями. А. Велев очень лаконично очерчивает этапы продвижения «земледельцев» к власти, формальным закреплением серьезного успеха на этом пути было создание 6 октября 1919 г. коалиционного кабинета во главе с лидером БЗНС А. Стамболийским.

Раздел, посвященный программной декларации этого кабинета (оглашена в Народном собрании 10 октября 1919 г.), занимает одно из центральных мест в монографии. Автор утверждает, что по своей классовой сути декларация — демократическая программа, рассчитанная на мелких сельских собственников и выражающая идеологические взгляды БЗНС (с. 24).

На наш взгляд, подобная оценка этого документа нуждается в некотором уточнении: применительно к периоду существования кабинетов «широкой коалиции»² можно говорить о доктринах большинства наиболее значительных болгарских партий, где, как никогда ранее, остро стоит вопрос о состоянии массовой базы этих партий. Подобный факт можно объяснить революционным подъемом масс, невиданной до тех пор политизацией населения, что было вызвано острой экономической нестабильностью

вследствие трех почти непрерывных войн, приведших к двум национальным катастрофам, а также огромным воздействием Октябрьской революции в России.

Мы полагаем, что программная декларация коалиционного правительства А. Стамболийского, пришедшего на смену кабинетам «широкой коалиции», является концентрацией основных положений доктрин значительно усилившегося левого политического лагеря. В них одним из определяющих были требования широких масс стабилизировать экономику, ликвидировать последствия национальной катастрофы, реформировать, обновить общество. От этого, в силу необычной политизации населения, не могла, пусть внешне, отмежеваться ни одна даже самая правая партия Болгарии.

Если прибегнуть к сравнению положений программной декларации с основными требованиями БЗНС, зафиксированных в решениях его XV конгресса (София, 1—5 июня 1919 г.)³, декларация — более емкий документ. Чисто «земледельческие» требования составляли в ней важную часть, но некоторые положения, касавшиеся, в частности, болгарского села, были отражены в важнейших документах и других политических партий, левых прежде всего. Теоретически она распространялась на все категории населения страны, а не только на крестьянство.

Мы поддерживаем в тезисе А. Велева лишь ту часть, которая характеризует декларацию как демократическую программу, рассчитанную (в том числе. — Т. М.) и на мелких сельских собственников. В столь сложной обстановке политическая ориентация мелкой буржуазии определяла практические возможности политических партий, которые прежде всего поэтому стремились привлечь на свою сторону различные категории населения мелкобуржуазной Болгарии, убедить его от влияния идей Октября, пропагандистом которых являлась БКП.

Главы вторая и третья посвящены рассмотрению двух важнейших реформ в области экономики. Исследуя закон о трудовой повинности (принят Народным собранием 28 V 1920 г.), А. Велев обращает внимание на то, что лидеры БЗНС видели в нем основу своей реформаторской деятельности и обновительской политики (с. 35). Применение закона о трудовой повинности давало возможности правительству БЗНС в условиях чрезвычайных экономических трудностей осуществлять серию запланированных им реформ. При рассмотрении этого закона, как и двух последующих, автор стремится осветить их прохождение через парламент. Очевиден накал страстей в Народном собрании, усиливавшийся от реформы к ре-

³ «Земеделско знаме», № 77, 8 юни 1919.

² 17 октября 1918 г. было составлено первое такое правительство, в него вошли представители демократической, народной, радикальной партий, а также БЗНС и БРСДП(о). Возглавил его демократ А. Малинов; 27 ноября 1918 г. было сформировано второе правительство «широкой коалиции» из числа народняков, демократов, прогрессистов, радикалов, представителей БЗНС и БРСДП(о), его премьером стал народняк Т. Теодоров; правительственный кризис, начавшийся 25 апреля 1919 г., привел к формированию 7 мая 1919 г. Т. Теодоровым нового кабинета с прежним партийным представительством, исключая демократов.

форме. Это можно объяснить тем, что характер реформаторской деятельности правительства стал все определеннее, а возможности оппозиционных партий влиять на государственную политику все более ограничивались. На наш взгляд, очень удачным является раздел о деятельности в Болгарии Межсоюзнической военно-контрольной комиссии, а также репарационной комиссии Антанты, которую автор расценивает как враждебную по отношению к «земледельческому» правительству. Материалы об этом, хранящиеся в архивных фондах ЦДИА, позволяют ставить вопрос о необходимости более гибкого подхода к оценке деятельности «земледельческого» правительства, функционировавшего в условиях полуоккупационного режима, как определявшейся лишь положениями мелкобуржуазной идеологии и развитием внутриполитической борьбы. Вероятно, уместно делать больший акцент на ее демократических тенденциях, которые постоянно ограничивались иностранным вмешательством. Мы считаем, что государства Антанты и постоянно прибегая к ущемлению правительства БЗНС на международной арене, объективно подталкивали, в известной мере, неугодный им «земледельческий» режим вправо.

Характер закона об аграрной реформе (о нем речь идет в третьей главе) в значительной мере определяет перспективы социально-экономического развития страны, 80% населения которой было занято в сельском хозяйстве. Автору удалось показать, что на положения закона об аграрной реформе, на характер документа в целом известное влияние оказал ленинский Декрет о земле, а также решение аграрной проблемы в Советской России (с. 70—71).

Раскрывая сложности борьбы вокруг законопроекта об аграрной реформе, автор подчеркивает стремление правительства к демократизации общественной жизни страны, к уравниванию в имущественном отношении большинства населения в лице болгарского крестьянства. Мы разделяем эту точку зрения автора и хотим добавить, что «земледельцы» при этом опирались на теоретические положения, сформулированные А. Стамболийским, что «общественная сила, представляющая собой истинную демократию», а таковой они себя считали, не могла уйти от решения вопроса о перераспределении материальных благ в обществе, поскольку отсутствие материального равенства членов общества, по их мнению, являлось причиной материальной, духовной и нравственной нищеты⁴.

Обращает на себя внимание вывод автора

о том, что при осуществлении аграрных мероприятий, наступаая на крупную частную собственность в селе, БЗНС, по существу, отступал от положений своей сословной идеологии, что село — это неделимое целое (с. 80).

Реформе правительства БЗНС в области народного просвещения (закон от 6 июля 1921 г.) посвящена четвертая глава монографии. Это один из наименее исследованных аспектов деятельности «земледельческого» правительства. В этой главе автору удалось показать известную противоречивость в деятельности «земледельцев»: с одной стороны — демократичность, отразившаяся в тех положениях закона, которые касались начальной и средней школы, и в их применении — сделать школу доступной всем слоям общества, независимо от национальной принадлежности, имущественного положения и пола, дать профессиональную подготовку широким массам трудящихся (с. 117—127); а с другой стороны — в отношении учительства — сохранение изменений ранее существовавшего закона, принятых в феврале 1920 г. коалиционным правительством А. Стамболийского. В соответствии с этим вариантом учителям, по существу, запрещалось участие в политической жизни. В этом же духе было выдержано и второе постановление уже чисто «земледельческого» правительства от 23 VI 1920 г. о необходимости ревизии деятельности учителей в школе и вне ее со стороны министра просвещения. Если деятельность учителя признавалась выходящей за рамки только преподавательской, а имела место какая-либо политическая ориентация, он подлежал увольнению (с. 115). Этому можно найти объяснение: на учительство сильное влияние оказывали коммунисты и «широкие» социалисты, кроме того, оно принимало активное участие в политических событиях декабря 1919 — февраля 1920 г., центром которых была всеобщая стачка железнодорожников.

Сложные вопросы поднимает автор во втором разделе этой главы — ему удалось сфокусировать острую политическую борьбу в стране. Элита интеллигенции, сосредоточившаяся в Софийском университете, не скрывала своих «антиземледельческих» взглядов и настроений, правительству постоянно приходилось прибегать к мерам давления, ограничения, контроля. Характеризуя ту часть закона, которая относится к университету, автор квалифицирует как недемократические его положения, запрещавшие преподавателям занимать ответственные посты в политических организациях, а студентам не только вступать в них, но и создавать студенческие группы, активно участвовать в политических собраниях и организациях (с. 128). В связи с этим мы хотели бы заметить следующее: эти

⁴ А. Стамболийски. Принципи на Българският земеделски народен съюз. София, 1919, с. 35—37.

вопросы, на наш взгляд, сложнее, они требуют более пристального внимания и всестороннего подхода. Еще предстоит определить истинное место университета в лагере оппозиции режиму, что, вероятно, определяло политику режима в отношении университета.

Несомненно, заинтересованный читатель найдет много достоинств, много ин-

тересного в работе А. Велева. Мы специально сделали акцент на наиболее полемических ее местах. Можно дискутировать по поводу отдельных выводов, содержащихся в монографии, но большой научный вклад автора в разработку проблемы «земледельческого» режима в Болгарии — бесспорен.

Т. Маковецкая

ИЗ ИСТОРИИ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ В X—XII вв.

Монография болгарской исследовательницы В. К. Тыпковой-Заимовой¹ посвящена истории Нижнего Подунавья в период византийского господства с конца X по XII в. Источников по этой теме сохранилось мало. Поэтому по отрывочным свидетельствам, кратким упоминаниям приходится восстанавливать широкую картину исторического развития целого региона. Еще более усложняет дело обилие историографии: практически нет вопросов, затронутых в книге, которые когда-либо не вызывали бы в науке острых споров. Поэтому, естественно, историографии отведено важное место в работе. Наконец, пришлось считаться с наличием большого числа частных, относительно мелких, но трудных, требующих историко-лингвистической тонкости сюжетов, из которых как бы формируется общая тема истории нижнедунайских областей. Все это в немалой степени определило структуру книги.

Работа имеет сводный, обобщающий характер; она подводит итог многолетним исследованиям историка. Исторические судьбы избранного региона рассматриваются в политическом, этническом и историко-географическом аспектах. Автором вскрыто многообразие, сложность, подчас нестабильность отношений в Нижнем Подунавье — пограничной зоне Византийской империи, специфика развития которой в значительной мере была определена нашествиями кочевников с севера, инфильтрацией пришельцев в местную среду, административными мерами Византии по укреплению провинциального управления, соотношением центральных и центробежных сил в рамках империи. Исследовательницей показана роль «задунайской Болгарии» в период Первого болгарского царства как пограничного барьера, ограждающего Балканы от нашествий с севера. Территория этой зоны распространена, как осторожно за-

мечает автор, на восток до Днестра и на север — с включением части Бессарабии, Влахи и Трансильвании (с. 20). В. К. Тыпкова-Заимова подчеркивает отличие уже в этот период политического статуса и этнического состава данной области от основной территории Болгарского государства. Привлечение материалов недавно изданного тактика Икономидиса позволило полнее раскрыть проблемы византийской военно-административной организации нижнедунайских провинций с конца X в., проследить эволюцию административно-политической номенклатуры, уточнить границы нижнедунайских административно-территориальных единиц. По мнению исследовательницы, византийская власть в Северной Болгарии утверждается лишь во втором десятилетии XI в. Автором подчеркнута сложность взаимоотношений между центральной византийской властью и местным населением в этот период, что, в частности, проявлялось в стремлении Константинополя к организации провинциального управления, к созданию регулярного пограничного войска и — одновременно — в проникновении иноземцев, в том числе выходцев из нижнедунайских областей, печенегов, куманов, в состав господствующего класса Византии (предмущественно в его средние слои). Отмечая специфику развития нижнедунайских территорий в последней трети XI в. в условиях ослабления византийского контроля, исследовательница возражает против концепции единства всей болгарской территории в составе Византийской империи, а также независимого Паристриона — византийской пограничной зоны — наличия там особых государственных образований. Укрепление византийской власти в Нижнем Подунавье в конце XI — XII вв. автор в значительной степени связывает с распространением в указанных областях института пронии (подчеркивая военный характер последней). В книге подробно освещены и этнические проблемы истории нижнедунайского населения в XII в., в связи с чем рассматриваются различные толкования архаических этниконов ви-

¹ В. Тыпкова-Заимова. Долина Дунав — граничная зона на Византийский Запад. Към историята на северните и североизточните български земи края на X—XII в. София, 1976.

зантийских источников, привлекаются материалы топонимики, и на этой основе делается заключение о преобладании в Паристрионе болгарского населения, ставшего «субстратом» в процессе симбиоза с пришлыми кочевниками, влахами, отчасти русскими и даже англосаксонскими поселенцами. Этот интенсивный процесс смешения и определил, по мысли исследовательницы, сложность этнической структуры Нижнего Подунавья. Итогом изучения событий истории Подунавья в X—XII вв. является вывод, что восстание Петра и Асеня, приведшее к образованию Второго болгарского царства, оказалось логическим завершением процесса развития политических и этнических отношений в Нижнем Подунавье в X—XII вв. Судьба Паристриона рассматривается как показатель стойкости традиции болгарской государственности.

То, что общая проблематика книги складывается из обилия частных сложных проблем толкования социально-политической терминологии источников, уточнения территориальных и этнонимических определений, вызвало подчас и неравномерное освещение затронутых в монографии вопросов. Вскользь сказано в самом конце книги о проблемах феодального развития в Паристрионе (с. 138); скорее декларативным, чем конструктивным представляется постулат

о связи событий 70-х годов XI в. в Паристрионе с борьбой столичной византийской аристократии и военно-феодальных провинциальных родов (с. 89); вряд ли следовало бы так последовательно исключать возможность «владшских» отожествлений отдельных византийских этниконов (с. 124), да и четкое деление пронариов XII в. на болгар-земледельцев и влахов-скотоводов (с. 113) выглядит нарочитым. Интересно было бы привлечь и данные некоторых не использованных источников, в частности, для решения этнических и этнонимических вопросов — сочинений Иоанна Цеца, Феодора Продрома, Никифора Василяки, других речей Евстафия Солунского и др.; важнейшие источники (речи и письма Никиты Хониата, типик монастыря Пантократора, хроника Иоанна Скилицы, цитируемая не раз по Кедрину) к моменту сдачи книги в набор уже имелись в новейших изданиях.

В целом же монография В. К. Тыпковой-Заимовой (выпущенная, к сожалению, тиражом всего в 900 экземпляров) необходима каждому слависту и балканисту. Эта книга — важный этап на пути к целостному фундаментальному освещению всей сложной системы многосторонних отношений народов и государств юго-восточного региона Европы в средние века.

М. В. Бибиков

ALOIS PRIBYL, KAREL LISKA. Znaky a pečetě střeđočekyškých měst. Praha, 1975, 275 s.

АЛОИЗ ПРЖИБЫЛ, КАРЕЛ ЛИШКА. Гербы и печати среднечешских городов

Рецензируемая книга посвящена геральдике и сфрагистике городов и местечек Среднечешской области и охватывает время от XIII в. до наших дней. Материал дан по алфавиту названий городов в виде отдельных статей, включающих описание герба и, когда это известно, обстоятельства его появления, перечень и описание городских печатей, а также краткий очерк истории данного города. Все это сопровождается цветными таблицами гербов (179 рисунков для 145 городов) и прорисовками печатей (188 рисунков для 127 городов). Работа снабжена богатым научным аппаратом, списком литературы (59 позиций) и перечнем городов и местечек Среднечешской области, которые до сих пор не имеют гербов. Кроме того, даны краткие резюме на немецком и русском языках. К сожалению, в последнем вместо русского термина «печать»

употреблено слово «знак», что по созвучию с чешским словом «знак» (герб) может ввести читателя в заблуждение. Для удобства ориентировки в конце книги помещена карта Среднечешской области.

Городская геральдика в Чехии, как и вообще в Западной Европе, возникла по мере достижения городами известной самостоятельности, при этом герб, как и печать, являлся символом самоуправления города. (В России, в силу исторически сложившихся условий, городская геральдика складывается позднее чем в Европе и не носит ярко выраженного характера подчеркнутой самостоятельности городов, которые в централизованном русском государстве XVII—XVIII вв. ее и не имели.) В регионе, охваченном рамками рецензируемой работы, процесс становления городского самоуправления

зафиксирован авторами на основе известных муниципальных печатей с XIII в. Что же касается непосредственно геральдики, то наиболее ранняя, документально зафиксированная дата получения герба — 1437 г. (город Чески Брод). Исходя из того, что около $\frac{2}{3}$ городов не имеет документального подтверждения времени возникновения своих гербов, авторы, опираясь на сфрагистический материал, считают, что ряд городских гербов был введен в употребление раньше этой даты. С этим положением можно согласиться, тем более что в подтверждение своего тезиса они привлекают известные изображения гербов Пражского Старого Места и Кутной Горы, изготовленные около 1360 г. (стр. 20, 86). Можно к этому добавить еще и герб города Нимбурка, изображение которого имеется на портале костела, построенного в 80-х годах XIV столетия¹. Следует также учитывать, что если даже еще в XV—XVI вв. в документах, удостоверяющих городские привилегии, не делалось принципиального различия между правом иметь герб и правом пользоваться муниципальной печатью, а подразумевалось, что это одно и то же (стр. 193, прим. 478), то такое положение явно уходит корнями в более ранний период (вторая половина XIV в.). Более значительным в то время представлялось право употреблять для печатей воск того или иного цвета (особенно красного), которое специально оговаривалось в актах, что каждый раз отмечается авторами книги (стр. 23 и др.).

Процесс достижения самостоятельности был трудным и длительным, связь с бывшим владельцем города рвалась не сразу, поэтому в ряде городских гербов сохранились следы родовых гербов бывших владельцев. Среди перечисленных в книге — более двух десятков таких гербов, причем четыре из них (Бенешов, Чески Штернберк, Дивижов и Углиржске Яновце) содержат в той или иной форме свидетельство принадлежности этих городов фамилии Штернберк, гербом которых была восьмиконечная звезда. Включение герба владельца в городской герб производилось в различной форме — и как составляющая герба (Нове Двори, Здиславице и др.), и на отдельном малом щитке (Добровице, Буштеград и др.). К сожалению, авторы не всегда дают атрибуцию гербов на малых щитках, что для читателя, не являющегося специалистом одновременно и в чешской дворянской геральдике, и в истории городов Среднечешской области, создаст известные затруднения.

Характерно, что традиция помещения в городском гербе символа бывшего владельца сохранилась и в изменившихся

социальных условиях, но уже приобретающий новый смысл. Так, при слиянии городов Седлец и Прчице 15 декабря 1967 г. был утвержден новый герб для объединенного города Седлец-Прчице с сохранением исторически входивших в гербы обоих городов владетельских гербов (стр. 134, 194, прим. 501). Более того, 1 января 1969 г. при преобразовании местечка Тынец над Сазавой в город для него был создан герб, включающий в себя два щитка с гербами: Ходейовских (владельцев местечка в XVI—XVII вв.) и графов Вртбу (один из которых в 1793 г. основал в этом городе мануфактуру). Но эти включения были сделаны только для того, чтобы отразить некоторые моменты из истории города в его гербе (стр. 145—146).

Как это часто встречается в городской геральдике (особенно в российской), среди приведенных в книге гербов имеются так называемые «гласные», когда фигура, изображенная в гербе, содержит более или менее ясный намек на название города (Бржезове Горы, Дубец, Ондржейов, Раковник, Сенوماتи, Совинки, Стршибрна Скалице). В гербе города Кралупы «гласность» выражена просто надписью на зубцах изображенной городской стены. (В русской геральдике подобный герб — у города Борисоглебска.) Поскольку в прошлом некоторые города Среднечешской области носили немецкие названия, то «гласность» городского герба может относиться к старому наименованию и ныне не всегда понятна. Авторы отмечают такой момент в гербе города Бороун (стр. 19). К этому можно добавить еще, что герб города Мшец с изображением снопа и двух колосов является «гласным», поскольку старое его название — Корнхауз (korn — зерно, хлеб, рожь); «гласный» и герб города Властейовице с изображением механического молота, так как старое наименование города — Хаммерштадт происходит от слова Hammer — молот. (Подобные примеры иноязычной «гласности» мы встречаем и в российской геральдике — Оранненбаум, Шлиссельбург, Мирноль, Пенджикент.)

Авторы прослеживают и все изменения городского герба (Прага, Бржезове Горы, Буштеград, Церговице, Кутна Гора), исключая при этом сомнительные, как, например, герб города Сазавы (стр. 193, прим. 488). Включены в исследование и городские гербы, созданные в военное и послевоенное время и утвержденные в документах Чехословацкой Социалистической Республики (Гвидоусы, Седлец, Розтоки, Ржевнице, Тынец над Сазавой, Радотин, Горни Почернице). Отметим при этом, что рисунок герба города Радотин был создан в 1971 г. одним из авторов книги — Карелом Липкой. Пять последних из перечисленных гербов созданы в период 1967—

¹ R. N o v ý. Počátky znaků českých měst. «Sborník archivních prací». Roč. XXVI. 2. Praha, 1976, s. 384.

1971 г., и сам факт введения их в употребление опровергает мнение словацкого исследователя Йозефа Новака, что после 1945 г. городские гербы утрачивают всякое значение и остаются только историческими памятниками². Кстати сказать, в нашей стране также продолжается создание новых (а иногда переработка старых) гербов для различных городов. Правда, в силу того, что утверждение этих новых городских гербов проводится на уровне местных Советов, для широкого читателя (а зачастую и для специалиста) они остаются малоизвестными.

Геральдическую часть текста сопровождают очень хорошо выполненные цветные таблицы с достаточно крупными для удобочитаемости рисунками гербов. Отметим это как несомненное достоинство книги, так как в последнее время появляется тенденция издавать исследования по геральдике практически без иллюстраций³. Однако по поводу иллюстраций следует сделать одно замечание. Авторы книги, на наш взгляд, неоправданно отказались от воспроизведения у некоторых гербов так называемой внешней части (украшения, щитодержатели и т. и.). Если на двух дополнительных таблицах повторены 11 гербов с их внешней частью, непонятно почему было не повторить

таким же образом оставшиеся десять городских гербов, имеющих внешнюю часть.

Подобного характера замечание отнесется и к сфрагистической части книги. Естественно, что не все печати могли быть помещены в таблицах в виде прорисей или достаточно четких фотографий, но, несомненно, в перечне надо было указать все известные городские печати. Авторы считают, что такое полное перечисление очень расширило бы рамки исследования, и надеются на дальнейшие работы региональных историков и сфрагистов (стр. 166). Нам кажется это неоправданным. Не говоря уже о том, что не так уж часто появляются новые работы по сфрагистике, за рамками данной книги осталось небольшое число печатей, известных авторам. Судя по тексту, не полностью опубликованы печати всего восьми городов (Бржезове Горы, Колин над Лабой, Мелник, Нимбург, Пршибрам, Раковник, Седлчаны, Сланы). При этом авторы для пяти из этих городов дают количество известных им печатей — 54, а приводят описание только 25 печатей. Судя по этим цифрам, в случае включения в публикацию всех известных авторам печатей, объем книги увеличился бы всего на несколько страниц.

Все эти замечания отнюдь не умаляют бесспорных достоинств рецензируемой книги, по тщательности и полноте (особенно это важно в иллюстративной части) заметно выделяющейся среди вышедшей в последние годы чешской и словацкой литературы по данному предмету. Следует отметить и общее оформление книги, которую украшают 33 вида городов Среднечешской области работы Павла Лиса.

Ю. И. Штакельберг

«Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века». М., «Наука», 1976, 372 с.

Качественные изменения реализма конца XIX — начала XX в. и его взаимоотношения с другими литературными течениями у южных и западных славян, у румын и греков — такова проблематика этого относительно небольшого, но емкого сборника, вместившего в себя введение и двенадцать статей. Важнейшее его достоинство в том, что авторский коллектив проводит в своих исследованиях диалектический принцип, согласно которому все явления признаются взаимосвязанными и обуславливающими друг друга, принцип, всем хорошо известный и тем не менее до недавнего времени заслонявшийся односторонним вниманием

наших ученых только к борьбе реализма против всех нереалистических течений, особенно конца XIX — начала XX в. Не игнорируя и этого аспекта и даже выделяя его в случаях освещения борьбы реалистов против реакционных и эстетически ущербных тенденций, авторы этого тематического сборника вместе с тем заостряют внимание и на другой стороне той же проблемы литературного развития — на взаимодействии реализма с другими течениями и на оценке конкретных, положительных и отрицательных, результатов этой всеобщей связи литературно-художественных явлений. Именно преодоление ранее наблюдавшейся одно-

Сторонности в подходе к освещению такой актуальной, но очень сложной, спорной и невероятно запутанной проблемы, как судьбы реализма на рубеже веков, и позволило участникам этого коллективного труда подняться на новую ступень научных исследований.

С некоторой долей условности статьи сборника можно разбить на две группы: одну составляют типологические исследования (Д. Ф. Марков, В. В. Витт, Р. Ф. Доронина, И. А. Богданова, Г. Я. Ильина); другую — историко-литературные (Л. Н. Будагова, Е. И. Рябова, М. В. Фридман, А. П. Соловьева, С. Б. Ильинская, Н. А. Богомолова и О. Р. Лапатухина). В известном смысле они дополняют друг друга. Если первая группа тяготеет к выявлению общехарактерного, показательного по крайней мере для нескольких писателей, и к классификации этого характерного по видам взаимодействия разных литературных тенденций, то вторая переносит акцент на своеобразное в творчестве отдельных писателей, где общехарактерное, или типичное для изучаемой эпохи, выступает в виде сочетания конкретных элементов.

Первая статья — «Реализм и другие течения в болгарской литературе конца XIX — начала XX в.» Д. Ф. Маркова — полемически ориентированная, побуждает к размышлениям и провоцирует на возражения по затронутым вопросам. Она явно выделяется своей выношенной, продуманной концепцией литературного развития рубежа веков и такой четкой постановкой проблемы, какой нет у других авторов. В последующих статьях будет повторяться выдвинутый и превосходно обоснованный здесь тезис о том, что у реалистов рассматриваемого периода резко усиливается критика буржуазных порядков, что этому росту антибуржуазных настроений способствует влияние идей социализма, что чувство разлада с действительностью открывает путь для проникновения в реалистическое искусство романтических тенденций и т. д. Из частных достоинств следует отметить умелый анализ реалистических элементов в лирике, приобретающий, ввиду своей чрезвычайной практической трудности, в последнее время даже теоретическую злободневность, ибо высказываются сомнения в возможности вообще различать реалистическую и нереалистическую поэзию. К лучшим страницам относится также характеристика романтизма как особой формы обобщения (с. 30—31) и его преобразований. Отстаивая ту мысль, что реалистический метод неисчерпаем в возможностях своего развития, Д. Ф. Марков говорит и о слабости критического реализма на определенном этапе его эволюции, об ограниченности идеала его приверженцев, о возникшей необходимости обновления искусства (с. 50), которая как раз и реализуется в процессе взаимо-

действия реализма с другими течениями рубежа веков.

Работа В. В. Витт — «Польская проза конца XIX — начала XX в. К вопросу о типологии реализма» — в полонистике, несомненно, новаторская, подкупает обилием выразительных фактов, любопытными наблюдениями и не менее интересными, хотя и не всегда бесспорными поворотами ищущей мысли. Такова, например, мысль о том, что мы охотно «говорим об осложненности реализма в XX в. нереалистическими наслоениями» (с. 88), а обратное воздействие — влияние реализма на нереалистических писателей, в том числе и модернистов, почему-то теряем из поля зрения. Но самой ценной является здесь идея о возможности и необходимости типологического изучения литературы, представляющей сложное переплетение различных течений, тенденций и ярких индивидуальностей, не вписывающихся в рамки ни одного из направлений и как будто вообще не поддающихся никакой классификации, — в таких случаях, справедливо утверждает В. В. Витт (с. 53—54), именно типологический подход открывает возможность путем аналогий с другими литературами нащупывать в этих пестрых явлениях нечто общее, ведущее к раскрытию закономерности их развития. Мысль глубокая и плодотворная. Сама В. В. Витт на основе этого принципа выделяет две разновидности польского реализма новой формации: одна наблюдается в творчестве С. Жеромского, А. Струга, Г. Даниловского, А. Немоевского и С. Бжозовского; другая представлена творчеством В. С. Реймонта, В. Оркана, В. Серошевского и других. Мы только заметили бы, что, проводя параллели между Жеромским и Андреевым, Чеховым, Л. Толстым и Достоевским (с. 66), последнего следовало бы выделить особо (ведь не случайно в Польше все чаще говорят о «жеромщине» как о своеобразной, национальной польской «достоевщине»). Что же касается «запоздания в прохождении стадий литературного развития» (с. 54), якобы ликвидированного только на рубеже веков, то это, очевидно, автору еще предстоит доказать.

Р. Ф. Доронина нацелила свое исследование «О некоторых типологических разновидностях в сербском реализме конца XIX — начала XX в.» против той «теории кризиса, дезинтеграции реализма» (с. 91), которую отстаивает в Югославии Д. Живкович и его коллеги. Самой содержательной частью этой работы является, пожалуй, ее первые страницы, где дается краткая, но очень емкая характеристика сербского литературного процесса, отмеченного почти одновременным появлением в рассматриваемый период разных типов реалистического творчества, которые в других странах возникали и развивались в известной исторической последовательности. Свою классификацию сербского

реализма автор строит на основе соотношения явлений сербского реализма с типологически сходными явлениями русской литературы. Этим путем Р. Ф. Дорошина выявляет несколько параллельных рядов реалистического развития, но обстоятельнее всех описаны те два начала в сербском реализме, которые представляют С. Сремац и С. Ранкович.

Тема статьи И. А. Богдановой — «Путь словацкой литературы к реалистическому методу» — раскрывается преимущественно на материале литературной критики, главным образом на фактах литературно-критической деятельности С. Гурбана Ваянского и Й. Шкультети. Обращение к этому материалу во многом обуславливалось тем, что в Словакии к истинному, глубокому пониманию реалистического направления, и в частности его русских корифеев, пришли лишь на рубеже веков, хотя противоставлять его романтизму начали еще в 70-е годы XIX в. В то время как в других странах уже сложилось несколько разновидностей развитого реализма, здесь культивировался лишь один тип своеобразного просветительского реализма. С его позиций отрицался не только старый романтизм, но и критическая направленность самого реализма заодно с декадансом и натурализмом, к которым словацкая эстетическая мысль была еще совершенно невосприимчива. Любопытно, что и проблема отношения искусства к действительности, порождавшая ожесточенные споры в других странах, здесь даже и не возникла (с. 126). Лишь с выходом на арену литературной деятельности нового поколения писателей, борющихся за переход словацкого искусства к более развитым, современным формам, согласно мнению И. А. Богдановой, открылась перспектива расхождения реализма на различные типологические разновидности.

Автор статьи «Хорватский роман конца XIX — начала XX в.» Г. Я. Ильина тоже придает первостепенное значение типологическому изучению литературы. «Прикрепленность реализма лишь к одному его типу, сложившемуся в хорватской литературе в предшествующий период, с определяющей его сильной эпической тенденцией, по сути отрицает всякую возможность его саморазвития» (с. 163), — утверждает она. При этом свою классификацию реализма Г. Я. Ильина, как и Д. Ф. Марков, строит, обходясь без помощи внешних параллелей, опираясь главным образом на внутренние тенденции литературного развития Хорватии, различное взаимодействие которых и позволяет ей говорить о новых формах утверждения реалистического метода. Описание двух таких резко различающихся форм, наблюдаемых соответственно у В. Новака и Я. Лесковара, и посвящено ее исследование. Кроме того, эта работа — так же, впрочем, как и статья Р. Ф. Дорошиной — ценна еще в одном немаловажном отношении. Полемизируя с А. Баранцом и другими, усматривающими в углубленном психологизме признак разрыва с реалистической традицией, Г. Я. Ильина практически доказывает, что типологическое изучение литературных явлений нового времени — это необходимое звено в борьбе с модернистскими притязаниями. Начиная с очерка Л. Н. Будаговой «Бунт „поколения 90-х годов“ и поэзия Й. Махара, О. Бржезины, А. Совы» собственно типологический аспект отодвигается на второй план, уступая место более конкретному, аналитическому рассмотрению новых веяний в творчестве отдельных художников. У Л. Н. Будаговой веяния новой поры характеризуются путем анализа «Манифеста чешской модерна». К достоинствам этого очерка следует отнести и то, что аналитическая мысль опирается здесь на тонкое поэтическое чутье. Это резко повышает интерес к статье. Ее без всяких преувеличений можно причислить к образцам того, как должно анализировать современное поэтическое искусство, — такой яркой печатью самобытного таланта она отмечена.

В ключе историко-литературного решения общей задачи сборника выдержано также исследование Е. И. Рябовой — «Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX в.». Здесь в центре внимания оказался словенский модерн (И. Цанкар, О. Жупанчич, Д. Кетте и Й. Мурн). Отличительными чертами этого исследования, раскрывающего картину сложного переплетения в творчестве названных революционных писателей Словении реализма с натурализмом и неоромантизмом, освещающего отношение Цанкара к декадансу и т. д., является научная обстоятельность, отточность формулировок и полемическая нацеленность на защиту достижений словенского реализма.

Статья «„Год Садовяну“ и проблемы реализма в румынской литературе начала XX в.» М. В. Фридмана посвящена полемике по конкретному вопросу, имеющему, однако, существенное значение для истолкования ранних произведений крупнейшего румынского прозаика, а значит — и понимания развития румынской литературы тех лет. Речь идет об отношении молодого писателя к семанторизму — течению, отставившему феодальные пережитки в деревне. Согласно точки зрения М. В. Фридмана, в освещении жизни крестьянства молодой романист ближе стоял к позиции либеральных народников из журнала «Вьяца ромыняскэ», являвшегося «на протяжении первых двух десятилетий XX в. самым прочным бастионом критического реализма в Румынии» (с. 278), а в некоторых отношениях преодолевал даже и их ограниченность.

Полемична и «Поэтика „Силезских песен“ Петра Безруча» А. П. Соловьевой. Ее автор выступает против той точки зре-

ля, которая видела в Безруче поэта, будто бы не следовавшего никаким традициям и якобы по этой причине «илохо выпсывающегося в общую картину развития чешской литературы» (с. 284). Своим анализом «Силеских песен» А. П. Соловьева доказывает, что на самом деле творчество Безруча органически связано с традициями демократической чешской поэзии, что оно отмечено многими чертами, которые ранее наблюдались у К. Гавличка-Боровского, С. Чеха, Я. Неруды и Й. Сладека и которые на следующем этапе литературной эволюции стали характерны также для пролетарских поэтов — С. К. Неймана, Й. Горы, Я. Сейферта и других.

Небезынтересно отметить, что и Греция (статья С. Б. Ильинской «Константинос Кавафис. К проблеме становления метода») на рубеже веков переживала процессы, аналогичные тем, какие происходили в некоторых славянских литературах в период их перехода от эпохи национального Возрождения к новому времени. Означенная в заглавии проблема решается исследовательницей на материале ранних стихотворений поэта, которые лишь «открывают его классический фонд» (с. 303). Исследовательница стремится разобраться в спорном вопросе: действительно ли Кавафис в пору своей творческой зрелости канитупировал перед гнетущей действительностью, став проповедником пессимизма. Аргументы С. Б. Ильинской направлены против упрощения этого вопроса, недооценки взаимодействия литературных течений.

«От мечты к действительности. О поэзии Л. Стаффа 1910-х годов» Н. А. Богомоловой — это еще одна удача в смысле тонкости анализа лирической поэзии и разграничения в ней реалистических и нереалистических тенденций и элементов. И не только в этом. Характеристика «эпохи Стаффа» перерастает здесь в небольшой эскиз целого периода польской поэзии. Благодаря этому польская литература рубежа веков оказалась представлена в сборнике и прозой и поэзией — почти так же полно, как и болгарская литература в освещении Д. Ф. Маркова.

Сборник замыкается статьей О. Р. Лапатухиной «К вопросу о натурализме в польской литературе (натурализм и Реймонт)». Здесь следует обратить внимание на оценку двойственности натурализма. В статье Е. И. Рябовой натурализм оценивался почти однозначно, преимущественно со знаком минус. Указанное расхождение в оценке натурализма обязано не концептуальной неувязке, а различию национальных условий литературного развития Польши и Словении. И такой подход вообще участников данного сборника к оценке всех «измов», по-разному квалифицируемых в зависимости от конкретного национального содержания каждого из течений.

В целом «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в.» — это хорошо составленный тематический сборник содержательных статей, с продуманным построением, настоящей коллективный труд, нацеленный на решение общими усилиями высококвалифицированных специалистов очень сложной и чрезвычайно актуальной задачи.

Тем строже следует отнести к предпосланному ему введению «От редколлегии». Кроме постановки задач и указаний на научную актуальность их решения в нем содержится и некоторые теоретические положения. Однако четкой установкой на исследование здесь нет, потому что не оговорены как раз те три общие посыла, на которых авторы конкретных исследований специально останавливаться не могли, но от которых зависит основательность важнейших заключений и особенно обобщений по материалам всего сборника.

Во-первых, для правильного освещения общих перспектив эволюции критического реализма необходимо строго различать понятия «метод» и «направление». Элементы метода, характеризующего критический реализм, встречаются и до возникновения реалистического направления и в нереалистических произведениях переходной поры, и в литературе социалистического реализма, чего нельзя сказать о направлении, ограниченном определенными временными рамками. Во-вторых, нельзя делать заключения о месте и значении того или иного направления в литературе без учета соотношения всех ее родов (так, если судить о польской литературе времен ее перехода к реализму на основании одной только поэзии, то можно прийти к ошибочному выводу, будто бы романтизм по-прежнему играл ведущую роль в литературном процессе). В-третьих, заключения о судьбах критического реализма не должны быть огульными, так как в одно и то же время возможны разные стадии его эволюции (например, на рубеже веков в Словакии он только утверждался как направление, тогда как в Польше пора его господства в литературе уже миновала, и, следовательно, возможности генерализации здесь ограничены; истинными могут быть только конкретные суждения).

Не заострив внимания на указанных моментах, имеющих весьма существенное значение в споре о судьбах реализма и его значении, редколлегия, на мой взгляд, упустила возможность скорректировать и резко повысить убедительность аргументов, выдвигаемых в отдельных статьях. Дело в том, что все авторы, без исключения, отстаивают мысль, согласно которой критический реализм отнюдь не исчерпал себя в конце XIX в., напротив, его значение в общем литературном развитии рубежа веков, отмеченного «мас-

«спрощенным» натиском различных «измов» очень велико — «с ним связаны многие вершинные достижения славянских и балканских литератур» (с. 4). Поскольку в виду имеется реалистический метод, то это верная мысль, и потому, как правило, она убедительно доказывается анализом фактического материала. Как правило, но не всегда — именно вследствие отмеченного недостатка введения «От редколлегии». К счастью, однако, в своих сужде-

ниях о развитии реализма рубежа веков авторы прочно опирались на фактическое знание тщательно изученного ими материала и потому в своих основных выводах, относящихся не к теории вообще, а к обладающей оценке путей развития отдельных национальных литератур, они вполне объективны и достаточно конкретны.

И. К. Горский

BOGDAN ZAKRZEWSKI. *Fredro z paradyzu.* Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976, 263 s.

БОГДАН ЗАКШЕВСКИЙ. *Фредро с галерки*

Вышла новая книга профессора Броцлавского университета, главного редактора квартальника «Pamiętnik Literacki» Богдана Закшевского «Фредро с галерки». Закшевский занимается исследованием литературной жизни эпохи романтизма. Ему принадлежит большое количество статей и монографий, посвященных творчеству отдельных писателей — Мицкевича, Словацкого, Норвида и др., революционной поэзии и польской песне XIX в., основному журналу романтиков «Tygodnik Literacki» и другим темам и проблемам, выходящим за пределы эпохи романтизма. Но больше всего проф. Закшевского привлекает личность и творчество Александра Фредро, писателя и драматурга, которого одни исследователи считали романтиком, другие относили к эпохе Просвещения.

Во вступлении к книге Б. Закшевский объясняет метафоричность ее названия тем, что в ней предпринята попытка показать Фредро как драматурга, который писал свои пьесы для демократического зрителя, зрителя с галерки, чьи аплодисменты значили для него больше, нежели вердикты критиков. Кроме того, название монографии призвано привлечь внимание не только профессионалов, специалистов по польской литературе вообще и творчеству Фредро в частности, но и более широкие круги читателей. Этот двойной адресат книги и определил ее особенности.

Первая часть работы носит историко-литературный характер, вторая — биографический. Но в каждой из них присутствуют черты другой: в первой — элементы биографии, во второй — историко-литературной информации.

В первом разделе речь идет о «литературном одиночестве» Фредро. Эта форму-

лировка намечает важную для творчества польского комедиографа проблему: Фредро и романтизм, Фредро и традиции Просвещения. Автор убеждает читателя в том, что творчество польского писателя «не уместается ни в традиции Просвещения, ни в литературу романтизма». Фредро не связывал своего творчества с романтическими политическими дискуссиями, в которых предполагалось найти пути оздоровления либо освобождения как всего человечества, так и Польши. Но он живо откликался на всевозможные события общественной жизни в стране и за рубежом. Об этом особенно ярко свидетельствуют малые формы его творчества: памфлеты, эпиграммы, фразы, басни, афоризмы, без знания и учета которых невозможно правильная оценка наследия Фредро.

Некоторые романтические критики упрекали Фредро в склонности ко всему французскому. При этом один из самых крупных теоретиков польского романтизма М. Мохнацкий подчеркивал национальный характер его пьес, например «Иностранщины». «Когда-нибудь, — писал он, — историки нашего народа, желая верно нарисовать нашу эпоху <...> в двадцатом или еще более позднем веке будут иметь неоценимую помощь в комедиях Фредро, так как обычаи, ход наблюдений, мысли, мнений схвачены им очень удачно» (с. 34—35).

Во второй части книги Закшевский приходит к выводу о сходстве творческих личностей и методов Мицкевича и Фредро. Источники этой близости он видит в обращении к сходным проблемам, мотивам, стереотипам, в использовании близкого творческого метода, литературных конвенций и т. д. Автор книги проводит интересный параллель между поэмой Миц-

кевича «Пан Тадеуш» и пьесой Фредро «Мечь».

Специальный раздел посвящен малоизвестным сторонам творческой личности Фредро: автор книги открывает новый и весьма перспективный аспект исследования творчества польского драматурга — увлечение живописью и его отражение в литературном творчестве.

Небесспорным можно назвать раздел, посвященный цензурным местам в творчестве Фредро. Исходя из того, что грубая, натуралистическая лексика, непристойности живут в народном, солдатском, уличном фольклоре, в народном и паранародном творчестве, автор относит их к общему понятию культуры. В этой связи его возражения вызывает стыдливость польского литературоведения, редко обращающегося к этой стороне творчества польских писателей. Такому положению вещей автор противопоставляет широкую практику французского и английского литературоведения.

Исследователь литературы и широкий читатель найдут в монографии профессора Закшевского много новых материалов о Фредро, писателе и человеке, с интересом прочтут о его службе в армии Наполеона, о его романтической любви, закончившейся, вопреки романтическим законам, счастливым браком, о последних днях старого писателя, прожившего долгую жизнь.

Научное исследование автор сумел приблизить к читателю, сделать его интересно читающейся книгой. И в этой связи еще раз встает вопрос о возможном типе литературоведческого исследования, о его стилистике — вопрос неоднократно дискутировавшийся на страницах наших литературоведческих работ и журналов. «Беллетризация», на наш взгляд, ни в коей мере не снижает научного уровня исследования,¹ и рецензируемая книга польского ученого еще раз подтверждает допустимость отклонений от «академического стиля».

Д. Прокофьева

СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ. Жизнеописание. Изд. подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Л., 1976, 146 с.

Жизнеописание Софрония Врачанского¹, выдающейся личности болгарского национального Возрождения второй половины XVIII — начала XIX в. хорошо известно ученым, специалистам и любителям старой словесности. Написанное в переходный для болгарского общества период, совпадающий в основных своих социально-экономических и культурных проявлениях с общим переходным периодом от средневековья к новому времени, произведение Софрония воплотило в себе идейно-эстетические новации, отчетливо проявляющиеся при смене общественно-экономических формаций. В нем отразились не только коренная ломка идеологических и эстетических средневековых норм, но и наиболее эффективное соединение старых и новых начал, характерное для переходных периодов в истории человеческой культуры. Типологически жизнеописание Софрония в известных пределах может быть сопоставимо с автобиографией протопопа Аввакума — замечательным памятником русской литературы XVII в.

Сразу же после того, как болгарский публицист и историкограф Г. С. Раковский в 1861 г. впервые опубликовал текст жизнеописания врачанского епископа Софрония в газете «Дунавски Лебед» к памятнику проявляется все возрастаю-

щий научный и общественный интерес. Об этом красноречиво говорят неоднократно болгарские переиздания публикации Г. С. Раковского, многочисленные переводы жизнеописания на иностранные языки и десятки научных статей, углубляющих наши представления о памятнике, самом писателе и его эпохе.

Однако в большинстве изданий и переизданий жизнеописания не соблюдалось точное воспроизведение текста оригинала рукописи Софрония, хранящейся в Погодинском собрании ГИБ под № 1204. Г. С. Раковский, осуществивший свое издание на основе копии памятника, переданной ему русским славистом В. И. Григоровичем, сознательно оговорил те места произведения Софрония, которые казались ему «невразумительными». Именно в таком «модернизированном» или еще более видоизмененном варианте оно в дальнейшем было перепечатано болгарскими учеными В. Д. Стояновым и А. Теодоровым-Баланом². Раз-

¹ Полное название памятника — «Жизнеописание и страдания грешного Софрония».

² В. Д. Стоянов. Жизнеописание. Стойко Владиславов Софроний. Периодическое списание на Българското Книжовно Дружество, т. I, кн. V и VI. Браила, 1872, с. 3—103; А. Теодоров-Балан. Софрони Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806—1906). Българска библиотека, брой 8. София, 1906. «Жизнеописание и страдания грешного Софрония», с. 6—39.

личного рода ошибки вкрались и в издание П. Н. Орешкова³ — первого болгарского исследователя, работавшего непосредственно с оригиналом рукописи Софрония. Образцовая по тем временам публикация ученого, стремившегося наиболее точно передать авторский текст, тем не менее страдает рядом недостатков (пропуски служебных слов или, наоборот, их добавление, замена гласных, пропуски отдельных букв, орфографические колебания в написании имен собственных и т. д.), объяснимых, по-видимому, влиянием тогдашних норм болгарского правописания.

Назревала потребность в новом научном издании жития Софрония, которое и было осуществлено совместно болгарским и советским учеными Н. М. Дылевским и А. Н. Робинсоном. В этом издании, вышедшем в серии «Литературные памятники», впервые фотографическим способом воспроизведен погодный автограф Софрония, что дает возможность специалистам-палеографам ознакомиться с манерой письма врачанского епископа. Перед автографом помещена иллюстрация акварельного автопортрета Софрония, выполненная им в 1804 г. — в период работы над рукописью. За автографом следуют его научная интерпретация с сохранением софрониевской орфографии и перевод текста на современный русский язык Н. М. Дылевского. Язык произведения Софрония весьма сложен. Он насыщен элементами живой, современной писателю, разговорной речи и элементами позднего церковнославянского извода, отличающегося от средневековых книжных образцов. Кроме того, в жизнеописании встречается масса тюркизмов и гречизмов, прочно вошедших в речевой обиход болгарского общества конца XVIII — начала XIX в. в силу специфики его национально-исторической судьбы, множество диалектных слов, просторечных оборотов и т. п., перевести которые на русский язык крайне трудно. Тем не менее ученый отлично справился с этой нелегкой задачей и сумел отыскать в современном русском языке наиболее адекватные формы, передающие языковые особенности памятника и его стилистический колорит.

Предыдущий перевод жизнеописания вышел в России небольшим тиражом около 90 лет назад⁴ и сразу же стал

библиографической редкостью. С выходом в свет нового издания широкая аудитория советских читателей по сути дела впервые познакомится с этим интереснейшим произведением эпохи болгарского Возрождения. Этот факт имеет большое общественно-политическое значение и будет способствовать дальнейшему культурному сближению наших народов.

Однако ценность новой публикации автобиографии врачанского епископа заключается не только в этом. Она носит глубоко научный характер и, помимо книголюбов, к ней будут обращаться также специалисты. Значительным вкладом в изучение творческого наследия писателя является часть книги, носящая скромное название «Приложения». Она состоит из нескольких разделов: Софроний и его эпоха, жизненный путь писателя, его литературная деятельность, место, время и цели написания жития (здесь же приводятся лингвистические наблюдения над языком произведения), место памятника среди славянских и — шире — всех европейских литератур, правила эдичионной техники и анализ основных случаев текстовых погрешностей публикации П. Н. Орешкова.

Особую важность представляет раздел о месте произведения Софрония в контексте славянских и неславянских европейских литератур, написанный А. Н. Робинсоном. «Автобиография», как правило, рассматривалась болгарскими и зарубежными исследователями изолированно от процесса общеевропейского литературного развития. Между тем историко-культурные явления, наблюдаемые в переходные периоды, даже при несовпадении их хронологических границ у различных народов, в целом вполне соотносятся друг с другом, особенно когда речь идет о генетически родственных и исторически связанных южных и восточных славянах. Верный методу сравнительно-типологического изучения литератур, успешно примененному им ранее к «Истории славяноболгарской» родоначальника национального Возрождения Паисия Хилендарского⁵, А. Н. Робинсон продолжил свое начинание теперь уже по отношению к творчеству паисиевского последователя — Софрония Врачанского. Используя материалы испанской, французской, итальянской, польской, древнерусской, сербской, болгарской и др. литератур,

³ П. Н. Орешков. Автобиография на Софронии Врачански. Българска библиотека, брой 9. София, 1914. «Автобиография на Софрония Врачански», оригинален текст, с. 45—74.

⁴ Э. де Лавелез. Балканский полуостров. Перевод с французского с примечаниями и дополнениями Ник. Евг. Васильева, ч. 2. М., 1889. Дополнения. Записки епископа Софрония, с. 48—71. (Это был второй русский перевод жизне-

описания. Первый был опубликован в России ровно сто лет назад. См. «Софроний, епископ Врачанский и его время (1739—1810)». «Славянский сборник», т. 2. Изд. С.-Петербургского славянского боготворительного общества. СПб., 1877, IV, с. 5—26).

⁵ А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963.

ученый показывает, как традиционная агиография претерпевала сложный процесс превращения в религиозно-полемическую, а затем и поучительно-просветительскую автобиографию, хотя многие ее памятники, наподобие произведения Софрония, по-прежнему продолжали именоваться «житиями». Таким образом, Софроний Врачанский по праву занял свое место в пантеоне мировой литературы.

Весьма ценен и составленный Н. М. Дылевским комментарий, помогающий чи-

тателю ориентироваться в сложной, исторически переменчивой жизни болгарского общества конца XVIII — начала XIX в.

Помимо глубокой научности рецензируемое издание обладает еще одним достоинством — принципиальной новизной данных, имеющих значение не только для широкого круга читателей, но и для научного мира. В популярной серии «Литературные памятники» намечалась тенденция, которая, как мы надеемся, станет доброй традицией.

И. И. Калиганов

ЦЕННОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Издательство филологического факультета Белградского университета выпустило в свет запись лекций по истории югославянских литератур средних веков доктора филологических наук Джордже Трифуновича¹. Профессор Трифунович хорошо известен своими капитальными трудами в области средневековых литератур славянских народов. В 1967 г. под его редакцией вышел в свет сборник статей «Стара књижевност» (2-е изд. 1972 г.). В 1968 г. он выпустил книгу, содержащую обстоятельный разбор средневековых сербских памятников о Косовой битве (Крушевац, 1970), затем опубликовал специальный словарь поэтики древнесербской литературы («Азбучник српских средњовековних књижевних појмова», 1974), собрал хрестоматию учебных текстов («Примери из старе српске књижевности. Од Григорија дијака до Гаврила Стефановића Венцловића», 1975), переиздал сочинения Джуры Даничића («Ситнији списи», 1975) и т. д.

Д. Трифунович известен также и как популяризатор древнего книжного наследия: он перевел на современный сербохорватский язык сочинения Димитрия Кантакузина (1963), Доментиа́на (1963), произведения — о Кирилле и Мефодии (1964), Елены Балшич (1972), Григория Цамблака (1972), «Физиолог» (1973) и т. д.

Рецензируемый сокращенный университетский курс лекций интересен как первая попытка создания обобщающего краткого учебного пособия по истории югославянских литератур средних веков. В предисловии автор замечает следующее: «Эта книга — не история литератур, а только обзор основных литературно-исторических событий. Произведения, упо-

мянутые лектором, в большинстве случаев не слишком подробно объяснены, но сами по себе требуют необходимой самостоятельной работы студентов или семинарских занятий. Поэтому известным и значительным писателям уделено сравнительно мало места» (с. 7). В стороне осталась и переводная книжность, не включенная в лекционный обзор.

Рецензируемая книга состоит из Предисловия (с. 7) и восьми очерков (с. 9—162). Первый из них — «Введение. Литература на древнеславянском языке» (стр. 9—34) — рассказывает о начале письменности у древних славян: о деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников. Естественно, в поле зрения югославского ученого попали писатели преславской и охридской литературных школ: Константин Преславский и Черноризец Храбр, Климент и Наум Охридские. Эти писатели одинаково дороги всем южным славянам, так как стоят у истоков их литератур. Кирилло-мефодиевское письменное наследие, как известно, легло в основу целого ряда литератур стран Балкан и Юго-Восточной Европы, оно было воспринято и восточными славянами и послужило краеугольным камнем литературы Киевской Руси.

В «Очерке словенской средневековой литературы» (с. 35—38) много внимания уделяется анализу Фрейзингских (Брижинских) отрывков X—XI вв., написанных по-славянски, но латиницей. Последние свидетельствуют о наличии у словенцев кирилло-мефодиевской традиции, следы которой прослеживаются вплоть до XV в.²

¹ «Кратак преглед југословенских књижевности Средњег века». Записи са предавања Ђорђа Трифуновића. Београд, 1976, 172 с. (Библиотека предавања и приручника. I).

² Подробное см. А. С л о д њ а к. Историја словенске књижевности. Поводом 1000-годишњице Брижинских споменика. Београд, 1972; J. P o d a č n i k, F. Z a d r a v e c. Istorija slovenačke književnosti. Beograd, 1973.

В «Очерке хорватской средневековой литературы» (с. 39—47) рассказывается о глаголической традиции у хорватов XIII—XV вв., о переводах с латинского, итальянского и чешского языков. Особый интерес представляют глаголические списки сочинений о Кирилле и Мефодии и апокрифы. Последние недавно были предметом специальных исследований югославских ученых Эдуарда Херцигови, Бисерки Грабар, Иосина Братулича³. Сопоставление текстов этих же апокрифов в славянской кириллической традиции было бы очень важно для установления их истории на славянской почве.

В Хорватии в средние века была широко распространена и переводная беллетристика: романы об Александре Македонском, о Трое, о премудром Акире. Результаты их исследований современными учеными А. Ван-ден-Берком, П. Колендичем и Р. Маринкович использованы в рецензируемой книге (с. 45—47).

Несколько очерков посвящено истории сербской литературы, традиционно рассматриваемой в следующей периодизации: «Время до Немани» (с. 51—56), «Время Немани» (с. 57—91), «Время Хребельяновича, Лазаревича и Бранковича» (с. 92—124), «Время турецкого владычества и обновления Печской патриархии» (с. 125—155). Это полный, систематический, но краткий обзор основных произведений старосербских писателей. В самом начале находится содержательный учебный разбор орфографических школ сербского письма (с. 52—53). Последний помогает учащемуся правильно сориентироваться в сложном материале. Очерк о каждом писателе имеет необходимую биографическую справку, основные данные о творческом пути, перечень произведений и их характеристику. Иногда приводятся отрывки на языке подлинника (например, на с. 148—149) или в переводе. Многие разделы книги написаны на основе собственных разысканий автора по рукописям. В некоторых случаях в тексте в скобках дается новейшая исследовательская литература по отдельным вопросам, но не всегда вся. Так, за пределами внимания автора остается болгарская научно-исследовательская литература о Кирилле и Мефодии, Черноризде Храбре, Клименте и Науме Охридских, Григории Цамблаке, Константине

Костенческом, Владиславе Грамматиге и т. д. Между тем особенность балканских литератур состоит в том, что в средние века их судьбы были тесно переплетены, одни произведения свободно переходили из одной литературы в другую, одни и те же писатели жили то в Сербии, то в Болгарии, то на Афоне, то на Руси. Сложился даже особый тип общеславянского профессионального писателя, какими были Григорий Цамблак, Пахомий Логофет, Лев Аникита Филолог. К стати сказать, в «Кратком прегледе» для двух последних места не нашлось. А их творения принадлежат не одному только русскому народу. Ничего не говорится в книге и об универсальной роли церковнославянского языка, игравшего роль хранителя традиций в славянских литературах, и об образовании особого круга литературных произведений, общих для всех южных и восточных славян. Сравнительно мало места в рецензируемой книге уделяется русско-сербским литературным связям (ср. с. 21, 107—109, 126—127)⁴. Однако современный исследователь древнеславянских литератур не может обойтись без всесторонней разработки проблематики как межславянских связей, так и типологии литератур.

Специальный очерк посвящен кириллической литературе средневековой Боснии (с. 156—162). Это систематический обзор боснийской письменности XIV—XV вв., здесь же приведены тексты интересных стеновых надписей Боснии.

Последний раздел — «Пособия, источники, тексты» (с. 165—169) — содержит полезный перечень основных пособий по истории культуры и литературы южных славян; здесь же перечисляются и основные издания, необходимые для изучения письменности, литературы и языка югославян, а также «книжные источники, переведенные на современный язык» (30 названий!). В раздел «Основные книжно-исторические пособия» можно было бы добавить недавно вышедшую в свет ценную монографию М. Мулича «Српско плетение словес» (1975) и коллективный «Зборник историје књижевности. Од језика и књиж. 10. Стара српска књижевност» (1976). Чтение книги облегчает указатель имен и названий литературных произведений. Способствуют лучшему усвоению материала и со вкусом подобранные иллюстрации из Маринского евангелия XI в., из сербских рукописей XII—XV вв., из печатных Октоиха (1494) и

³ E. H e r c i g o n j a. Glagoljska verzija pune redakcije Pavlove apokalipse iz Oxfordskog kodeksa Ns. Can. lit 414. «Radovi Staroslavnskog instituta», knj. 6. Zagreb, 1967, s. 209—255; ег о ж е. Srednjovjekovna književnost. Zagreb, 1975; B. G r a b a r. Apokrifna Djela apostolska u hrvatskoglagojskoj literaturi. «Radovi...», knj. 6, s. 109—208; knj. 7, 1972, s. 5—30; J. B r a t u l i ć. Apokrif o prekrasnom Josipu u hrvatskoj književnosti. «Radovi...», knj. 7, s. 31—122.

⁴ M. M и л и д р а г о в и ћ. Стара руска књижевност. Додир и везе са средње вјековном књижевношћу наших народа. Сарајево, 1970; ср. Ђ. Р а д о ј и ч и ћ. Јужнословенско-руске културне везе до почетка XVIII в. Зборник Матице српске за књижевност и језик, 1965, књ. XIII, № 2, стр. 261—309 и отд. Крушевац, 1967.

Четвероевангелия (1552), из фресок монастыря Пива; здесь воспроизводятся также инициалы старейших славянских букв (с. 25, 46, 143) и образцы почерков Фрейзингских отрывков (с. 37), писца Иловичской Кормчей Богдана (с. 63), ижека из Далше (стр. 97), Гаврила Венцловича (с. 154), а также запись о смерти деспота Стефана (с. 115).

Издав «Краткий обзор югославянских литератур средних веков», Белградский университет внес свой посильный вклад в дело дальнейшего углубленного изучения и освоения великого культурного наследия югославянских народов.

Ю. К. Бегунов

ДВЕ СЛАВИСТИЧЕСКИЕ БИБЛИОГРАФИИ

Чрезвычайно велико в наши дни значение библиографической информации для развития всей современной науки и для поступательного движения различных областей славяноведения в частности. В этой связи заслуживают внимания и представляют научный интерес две славистические библиографии, недавно изданные в Чехии¹.

Первая из них — «Иржи Горак. Жизнь и творчество» (вступительные статьи А. Робека и Я. Петра, составитель З. Урбан) содержит список работ (всего 634 позиции) известного чешского ученого, специалиста по сравнительной истории славянских литератур и славянской фольклористики академика Иржи Горака (1884—1975) за период с 1905 по 1974 г.

После окончания философского факультета Пражского университета (1919), с 1922 г. Иржи Горак был экстраординарным профессором Университета в Брно, а с 1927 г. ординарным профессором Пражского университета. В 20—30-е годы он активно участвовал в культурной и научной жизни Чехословакии, не раз выступал против реакционных деятелей в защиту русской, украинской и белорусской культуры, пропагандировал советскую литературу и культуру. В ноябре 1921 г. в составе чехословацкой делегации, сопровождавшей вагоны с одеждой и обувью для русских ученых, Горак приезжал в Петроград, познакомился во время этой поездки с А. Е. Ферсманом, С. Ф. Ольденбургом и М. Горьким, бывшим тогда председателем «Комиссии по улучшению быта ученых». В 20-е и 30-е годы Горак сотрудничал с Неедлы.

В 1933 г. в связи с дискуссией о присуждении Нобелевской премии он опу-

бликовал ряд статей, в которых выступал за кандидатуру М. Горького. Когда отмечалось 20-летие Советского Союза, Горак вместе с другими прогрессивными деятелями Чехословакии принял участие в предпринятом тогда по инициативе Неедлы издании «Чехословакия Советскому Союзу к двадцатилетию» (1937). В 1945 г. Горак был назначен послом Чехословакии в СССР. В 1956 г. по предложению Неедлы его избрали академиком ЧСАН. С того времени на протяжении ряда лет он возглавлял Институт этнографии и фольклористики ЧСАН.

Научные интересы Горака были достаточно широки. Но если говорить об основных областях его научной деятельности, то это будут: славянский фольклор и этнография; славянские литературы и их сравнительное изучение; чешская и словацкая литература, фольклор и этнография. Значительное место среди славистических работ Горака занимают труды, посвященные русской и украинской литературе как дореволюционной, так и советской, а также фольклору восточнославянских народов: многочисленные статьи о Грибоедове, Пушкине, Крылове, Лермонтове, Достоевском, Добролюбова, Тургеневе, Лескове, Салтыкове-Щедрине, Толстом, Шевченко, Франко, Кобылянской, Горьком, Маяковском, Федине, Шолохове, а также о русских народных песнях, сказках и исторических песнях, об украинских сказках, о белорусской народной поэзии и т. д.

Среди работ по сравнительному изучению литератур можно назвать, например, «Славянские литературы в развитии европейской словесности» («Славия», 1939), «О сравнительной истории славянских литератур» (в кн. «Из истории славянских литератур», 1948), «Проблема национального своеобразия словесности у славян во времена Штура» («Словенская литература», 1956).

Все эти и многие другие сочинения отражены в библиографии, в основу которой составитель положил хронологический принцип. Внутри годовых библиографических перечней материал распо-

¹ Jiří H o r a k. Život a dílo. Kolektiv autorů A. Róbek, J. Petr, Z. Urban. Praha, 1975, x + 96 s. (Ceskoslovenská Akademie Věd. Ustav pro etnografii a folkloristiku); VII Mezinárodní sjezd slavistů. Warszawa, 1973 (21—27.8). Bibliografie. Sestavila Eva Velinská. Praha, 1976, 346 s. (Státní knihovna ČSR Slovenská knihovna).

ложен по рубрикам: Книжные издания, Критические публикации текстов, Статьи, Краткие статьи, Рецензии и рефераты, Сообщения и т. д.

Вторая библиография — «VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973» (составитель Э. Велинская) является одним из очередных библиографических изданий «Славянской библиотеки» в Праге (под редакцией Йозефа Стриадела), которому предшествовали аналогичные публикации, посвященные съездам славистов 1929, 1934, 1968 гг. В нее включены все прочитанные на VII съезде славистов доклады (материал распределен по секциям: 1. Языкознание; 2. Литературоведение; 3. Литературно-лингвистические вопросы; 4. Народная словесность; 5. Исторические вопросы общей славистики, а внутри секций, членящихся на подсекции (по авторам в алфавитном порядке) — 835 позиций; все самостоятельные, посвященные съезду публикации и отдельные специальные номера журналов (материал расположен по странам, а внутри по авторам и названиям в алфавитном порядке) — 93 позиции; все ученые статьи по проблематике съезда (расположены по авторам в алфавитном порядке) — 354 позиции. Таким образом библиография, состоящая из трех перечисленных отделов, всего содержит названия 1782 славистических работ. Если взять основной — первый раздел, то в него вошло 333 доклада лингвистических, 283 — литературоведческих

75 — лингвистико-литературоведческих, 56 — по народной словесности и 88 — по истории общей славистики. Библиография «VII Международный съезд славистов...» содержит кроме того «Список использованных сборников и журналов...» и облегчающий пользование ею «Алфавитный указатель».

Постепенно Славянская библиотека предполагает издать библиографии, посвященные всем прошедшим съездам славистов. Такое намерение можно только приветствовать. Нельзя при этом не заметить, что подобные публикации и вся многообразная работа сотрудников Славянской библиотеки в области славистической библиографии заслуживает самой положительной оценки. Не один славист с благодарностью обращался к библиографическим изданиям этой библиотеки, которые существенно помогают не только изучению истории славяноведения, но и разработке ряда актуальных научных проблем.

Как видно из сказанного, две вышедшие в Праге славистические библиографии заметно отличаются друг от друга по объему и общему характеру, по своему типу и назначению. Первая из них, очевидно, заинтересует прежде всего литературоведов и фольклористов, вторая — многих ученых-славистов самых разных профилей. Но обе они, каждая по своему, будут полезны и сослужат добрую службу славяноведению.

Л. К.

100-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА

15—17 мая 1978 г. в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась организованная Отделением истории АН СССР международная научная конференция «100-летие освобождения балканских народов от османского ига», в работе которой приняли участие представители различных научных учреждений Советского Союза и ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии и Чехословакии.

Открывая конференцию, вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев дал краткую характеристику процессов, проходивших на Балканах в последней четверти XIX в. 18 докладов, представленные на конференции, при всем разнообразии их тематики были отмечены тенденцией к оценке национально-освободительной борьбы балканских народов как фактора, имевшего первостепенное значение для судеб балканского региона и оказавшего существенное влияние на внешнеполитические курсы великих держав, что в конечном итоге и определило исход борьбы против османской Турции. Такой подход докладчиков к проблеме позволил устроителям конференции организовать ее работу по пленарному принципу. На каждом из пленарных заседаний заслушивалось шесть докладов, которые охватывали в большей или меньшей степени четыре тематических комплекса.

Первый тематический комплекс — роль внешнеполитического фактора в процессе освобождения балканских народов от османского ига — был представлен девятью докладами. Доклад д-ра ист. наук Л. Г. Бескровного и акад. А. Л. Нарочницкого (СССР) «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и ее историческое значение» был посвящен анализу социального и политического характера этой войны, ее места и значения в истории балканских народов. Невозможность мирного урегулирования Восточного вопроса и вооруженное выступление России в защиту славянских народов Балкан докладчики поставили в прямую зависимость от обострения во второй половине XIX в. национально-освободительной борьбы балканских народов против османской Турции. Этот тезис был развит в докладе акад. Хр. Христова (Болга-

рия) «Россия, западные государства и освобождение Болгарии». Внешние силы содействовали развитию процесса болгарского национального Возрождения, но не создавали его. Одной из этих сил было русское государство, русская общественность. Согласованность и одновременность болгарского освободительного движения и военного вмешательства России привели к освобождению Болгарии от турецкого владычества. Роль других европейских государств в этом процессе имела второстепенный характер.

Д-р ист. наук К. Б. Виноградов (СССР) в докладе «Основные направления внешней политики Англии, Австро-Венгрии и Германии в период ближневосточного кризиса 1875—1878 гг.» рассмотрел главные тенденции внешнеполитического курса этих государств, уделив особое внимание истокам их формирования, в том числе и экономическим.

Анализу программы экономического закабаления балканских земель, разработанной капиталистическими кругами Австро-Венгрии, был посвящен доклад канд. ист. наук Э. Палоташа (Венгрия) «Балканские устремления Австро-Венгрии и Берлинский конгресс». Выдвижение экономических вопросов на первое место в балканской политике габсбургской монархии выразилось в стремлении включить балканские территории в экономическую систему монархии. Именно эту цель преследовала Австро-Венгрия на Берлинском конгрессе. Претворение в жизнь постановлений этого конгресса, точки зрения венгерского исследователя, стало началом нового этапа во взаимоотношениях Австро-Венгрии с молодыми балканскими государствами, поскольку последние превратились в партнеров габсбургской монархии за столом переговоров.

Д-р Х. Вольтер (ГДР) рассмотрел вопрос о связи внутривосточных и внешнеполитических аспектов бисмарковской концепции «солидарности монархов». В докладе «Политика Бисмарка в последней фазе Восточного кризиса» он показал последовательность Бисмарка в проведении политики, направленной на координацию международного сотрудничества трех монархов и внешнеполитических

действий Германии. В создании буржуазных национальных государств на Балканах Бисмарк видел серьезный фактор нарушения европейской консервативной системы. Но внутриполитические трудности Германии, вызванные активизацией революционного движения в стране, анализ «без иллюзий» общественной напряженности в России заставили германского канцлера в целях предотвращения революционной опасности проводить иную внешнеполитическую программу, в частности в вопросе территориальных компенсаций в связи с разделом оттоманского наследия между европейскими державами, что и определило позицию Германии, занятую на Берлинском конгрессе. Анализ этих проблем содержался и в докладе д-ра З. Вегнер-Корфес (ГДР) «Великодержавные мотивы отношения Бисмарка к национально-освободительной борьбе славянских народов (1875—1878 гг.)». Национально-освободительные движения балканских народов не внесли коррективов в политику Бисмарка — таков вывод докладчика.

В докладе «Русско-турецкие войны и балканские народы» чл.-корр. БАН Н. Тодоров (Болгария), исследовав вопрос о влиянии балканского освободительного движения на внешнюю политику России, констатировал, что это движение оказало влияние на политику России.

Вопросу роли Румынии в освобождении балканских народов от османского ига был посвящен доклад проф. Н. Чакира (Румыния) «Румыния — активный фактор борьбы за национальную эмансипацию народов Балкан (1856—1877 гг.)». На этапе, когда румынские правящие круги искали мирные пути решения вопроса о полной политической независимости Румынии, ее политическая активность в отношениях с народами Балкан выразилась в пропуске транзита оружия из России, в оказании помощи болгарским и албанским беженцам, в попытках создания системы совместных действий, в поддержке, несмотря на объявленный нейтралитет, балканских народов в период кризиса 1875 г. Особенности румыно-русских отношений накануне русско-турецкой войны были рассмотрены д-ром Л. Бойку (Румыния) в докладе «Румыно-русские политические связи. 1875—1877 гг.». С точки зрения румынского историка, политический, правовой и международный статус Румынии имел в этот период большое значение для развития этих связей, которые привели в апреле 1877 г. к подписанию между Румынией и Россией конвенции, открывшей путь к провозглашению независимости Румынии.

Второй тематический комплекс — балканское освободительное движение — рассматривался в пяти докладах. Академик Д. Косев (Болгария) в докладе «Роль болгарской национальной рево-

люции в развитии русской политики на Балканах в период 60-х годов XIX в.» проследил этапы перерастания болгарской национальной революции в активный фактор эволюции ближневосточной политики России.

Интересную оценку значения для Румынии освободительного движения балканских народов дал в докладе «Война 1877—1878 гг. — завершающий этап борьбы румынского народа за независимость» д-р ист. наук В. Н. Виноградов (СССР). Освободительное движение южных славян рассматривалось румынскими политиками как благоприятная внешняя предпосылка для попыток добиться независимости Румынии за столом переговоров. Безнадежность нейтралистского курса официальной Румынии обнаружилась с появлением феноменального внешнеполитического явления — взаимодействия балканского освободительного движения и внешнеполитических акций России. Именно это взаимодействие на завершающем этапе борьбы румынского народа за независимость открыло путь к освобождению.

Д-р ист. наук В. Г. Карасев (СССР) в докладе «Буржуазно-национальные революции балканских народов и Восточный кризис 1875—1878 гг.» охарактеризовал «буржуазно-национальные революции на Балканах» как массовую вооруженную борьбу народа против иноземного ига за создание самостоятельного национального государства. Он отметил своеобразие и целый ряд особенностей этих революций на примере боснийско-герцеговинской и болгарской, проанализировал роль внешнего фактора в развитии этих революций, остановился на значении деятельности балканских революционеров, лаконично подвел итоги русско-турецкой войны 1877—1878 гг. с точки зрения задач буржуазно-национальной революции.

Доклад д-ра ист. наук Э. Нидерхаузера (Венгрия) «Сравнение национально-освободительного движения балканских народов XIX — начала XX в.» интересен как опыт типологизации способов и форм освобождения балканских народов от иноземного ига. Объединив балканские народы в две большие группы — народы, находившиеся под османским игом (греки, сербы, албанцы, болгары) и имевшие внутреннюю автономию (румыны и черногогорцы), докладчик реконструировал исторический процесс их национального освобождения, сопроводив его сравнением социальных и политических условий их развития, места и значения вмешательства великих держав.

Доклад д-ра экон. наук П. П. Моисеева и д-ра ист. наук Ю. А. Петросяна «Экономическое и политическое положение османской империи в 70-е годы XIX в.» содержал интересные наблюдения относительно причин обострения внутрипо-

литического кризиса османской империи в 70-е годы XIX в., который завершился превращением Турции в конституционную монархию. Такой выход из кризиса, по мнению докладчиков, не мог быть средством, способным потушить национально-освободительные движения на Балканах, поскольку принятая в декабре 1876 г. конституция Турции содержала положения, направленные на увековечивание османского господства над угнетенными народами.

Третий тематический комплекс — отношение народов Европы к балканскому освободительному движению — был представлен двумя докладами: д-ра ист. наук В. Я. Гросула (СССР) «Восточный кризис 1875—1878 гг. и российское общество» и канд. ист. наук К. Германа (Чехословакия) «Солидарность чешского народа с национально-освободительной борьбой балканских народов во второй половине XIX — начале XX в.». Первый докладчик осветил вопрос о влиянии войны 1877—1878 гг. на развитие общественных движений (демократического, либерального и консервативного) в России, политическую активность народных масс и прогрессивной интеллигенции, привел обширный материал о формах помощи российского общества балканским народам. К. Герман проанализировал причи-

ны интереса чешской и словацкой обществности к национально-освободительной борьбе народов Юго-Восточной Европы и отметил, что выступления чехов и словаков в поддержку югославянских народов были одной из форм скрытой демонстрации против Вены и Будапешта.

Военно-оперативные сюжеты составили четвертый тематический комплекс конференции. Было сделано два доклада — «Русская армия и освобождение народов Балкан от османского ига» д-ра ист. наук И. И. Ростунова (СССР) и «Румынская армия в войне 1877—1878 гг.» Г. Романэску (Румыния).

В заключительном слове акад. Е. М. Жуков (СССР), подчеркнув, что война 1877—1878 гг. за освобождение Балкан от османского господства стала важной вехой в мировой истории, напомнил о серьезной методологической проблеме, без правильного решения которой невозможно марксистско-ленинское понимание исторического процесса, — о классовом подходе к анализу исторических явлений. Акад. Е. М. Жуков выразил признательность Союзу советских обществ дружбы с зарубежными странами за активную помощь в организации конференции.

М. Леньшина

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА (ВЫСТАВКА В ГПИБ)

На протяжении 1976—1978 гг. в Государственной публичной исторической библиотеке прошла серия юбилейных выставок, посвященных столетию освобождения стран Юго-Восточной Европы от османского ига. Таковы были выставки к 100-летию Апрельского восстания (1976), к юбилею провозглашения независимости Румынии (1977), выставка по истории русско-турецкой войны (январь 1978). Заключительной в этой серии была выставка, посвященная 100-летию освобождения Болгарии от османского ига, открытая в зале всеобщей истории библиотеки 3 марта 1978 г.

На выставке было представлено более 100 книг, составляющих лишь небольшую часть фонда библиотеки по данной теме. Выставка открывалась разделом источников. В библиотеке полно представлена обширная публикация «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», осуществленная в конце XIX—начале XX в. (1898—1912) и содержащая около 100 томов. Издан этот источник военно-исторической комиссией генерального штаба. Этой же комиссией осуществлено и другое документальное издание — «Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» в девяти томах с «Особым прибавлением, не подлежащим оглашению». Интересно отметить, что среди редакторов последнего мы находим и участника войны, генерала Михаила Алексеевича Домонтовича, отца Александры Михайловны Коллонтай.

Среди документальных публикаций, представленных на выставке, привлекли внимание трехтомное советское издание «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (1961—1967), двухтомное болгарское — «Българското ополчение» (София, 1956—1959) и др. В разделе монографий были представлены работы советских исследователей С. А. Никитина, Н. И. Беляева, В. Д. Конобеева, болгарские исследования — А. Апчева, Г. Георгиева и В. Топалова и др. Из вышедших непосредственно перед юбилеем и посвященных ему работ отметим коллективный труд «Русско-турецкая война 1877—1878», выпущенный Институтом военной истории под редакцией И. И. Ростунова, монографию А. Улуняна «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (на болгарском и на русском языке).

В Болгарии к юбилею также вышло несколько работ — монография Ц. Гепова и И. Лалова о болгарском ополчении, сборник статей о войне и др.¹

На выставке были представлены также работы об отдельных событиях и эпизодах войны — несколько брошюр и статей о знаменитом Самарском знамени, юбилейные издания. Целый раздел был отведен памятникам войны в Плевне, Шипке, Гривице и др., бережно хранимым болгарским народом. Большой интерес вызвали издания организованных там музеев и мемориалов. На выставке было представлено несколько работ, посвященных памятнику гренадерам Плевны в Москве.

Многочисленные альбомы репродукций, выпущенные в России, в СССР и Болгарии, интересные исследования Е. П. Львовой о деятельности русских художников на театре военных действий также привлекли живой интерес читателей.

Особый раздел, названный «Глазами современников», пользовался неизменным вниманием читателей. Здесь были представлены издания, появившиеся во время войны и непосредственно после нее, причем эти экспонаты — лишь небольшая часть огромного книжного, журнального и газетного фонда, хранящегося в библиотеке. Раздел открывался брошюрой специального корреспондента английской газеты «Дейли ньюс», прогрессивного американского журналиста Мак-Гахана «Зверства в Болгарии». Брошюра содержит полный перевод всех писем Мак-Гахана в редакцию газеты, его ответ министерству Дизраэли, поддерживавшему османскую империю и объявившему все свидетельства об османских зверствах «не достойными внимания сплетнями». Будучи непосредственным очевидцем событий, он с возмущением пишет о сожженных селениях, обещанных девушках и женщинах, изрубленных младенцах, надругательствах, носивших массовый характер. Жестокая расправа не остановила борьбы славянских народов против османского ига. В России развернулось движение в помощь угнетенным славянам. Связанные с этим материалы также были представлены на выставке: среди них — произведения знаменитого славянофила И. С. Аксакова.

Сразу же после объявления войны передовые русские люди выразили сочувствие великому делу освобождения Болгарии. На театре военных действий оказался и писатель Василий Иванович

¹ «Руско-турската освободителна война 1877—1878». Сб. статии. София, 1977;

Ц. Г е п о в, И. Л а л о в. Българското опълчение 1877—1878. София, 1977; «Плевненската епопея 1877». София, 1977; В. П а н а й о т о в а. Толбухинският край по време на Освободителната война 1877—1878 год. Толбухин, 1977.

Немирович-Данченко (брат основателя МХАТа), оставивший 3 тома военных корреспонденций — великолепный источник по истории войны, и писатель В. Гаршин, добровольцем ушедший на войну, раненный и оставивший память об этих событиях в своих произведениях («Четыре дня»). На выставке читатели могли увидеть большой двухтомный труд врача-патриота Н. И. Пирогова, гуманиста и общественного деятеля.

Особый раздел выставки составляли картины и воспоминания художников — участников войны: Верещагина, оставившего интереснейшие мемуары и рисунки в тексте книги; рисунки и журнальные репродукции произведений Поленова, П. Соколова и др. Большой интерес вы-

вала двухтомная «Иллюстрированная хроника войны», систематически выходившая в продолжение всей войны и освещавшая в корреспонденциях и зарисовках ход событий.

Во время войны и непосредственно после нее был выпущен ряд альбомов с портретами Гурко, Скобелева, Столетова, Драгомирова и многих других. Эти издания были представлены на выставке.

Выставка была экспонирована в стенах библиотеки и на юбилейном вечере Московского отделения Общества охраны памятников истории и культуры, где также пользовалась большим успехом.

Н. М. Пашаева

В АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

13 и 15 июня 1978 г. в Париже под председательством президента Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) Д. Ф. Маркова состоялось второе заседание Бюро, которое рассмотрело текущую деятельность Ассоциации, ближайшие перспективы и некоторые организационные вопросы.

В докладе секретаря Ассоциации В. И. Злыднева содержалась информация о деятельности МАИРСК в 1977 г. и первой половине 1978 г. Большое место в работе национальных комитетов в отчетный период заняла подготовка к изданию материалов прошедших международных конференций 1972—1976 гг. В текущем году выйдут из печати материалы варшавской, московской и варненской конференций, в которых рассматривались проблемы славянских культур на разных исторических этапах.

В серии «Выдающиеся деятели славянских культур» завершена авторская работа над всеми книгами. На французском языке вышли первые книги этой серии: «Х. Ботев» В. Топенчарова (Болгария) и «М. Крлежа» М. Матковича (Югославия). Переведены книги о Т. Шевченко (УССР) и Ф. Скорине (БССР), на стадии перевода находятся рукописи книг о В. Незвале и Л. Новомесском (ЧССР), завершена авторская работа над очерками о А. Пушкине (СССР) и А. Мицкевиче (ПНР).

Альбом по деревянной архитектуре и скульптуре славянских народов, в составлении которого участвовали искусствоведы всех славянских стран (координатор А. Рышкевич, Польша), готовится к изданию в Париже.

МАИРСК совместно с Ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы участвовала в подготовке и проведении международного коллоквиума «Византийская культура и славянский мир», который состоялся в Москве и Киеве (24—29 января 1978 г.). В коллоквиуме приняли участие ученые 10 стран: СССР, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Чехословакии, ГДР, Франции, Италии, ФРГ. В докладах и сообщениях византологов и славистов (а среди них были архитекторы, искусствоведы, литературоведы, историки) затрагивался широкий круг вопросов, связанных с художественной культурой народов Юго-Восточной Европы IX—XVII вв. Участники коллоквиума пришли к выводу, что прошедший обмен мнениями явился важным этапом в изучении истории культуры Юго-Восточной Европы, в особенности в плане культурного взаимообогащения народов этого региона.

В Скопье (Югославия) в июне 1978 г.

проведен международный симпозиум по проблемам богомилства. Организаторами его явились Академия наук Македонии и Академия наук Боснии и Герцеговины.

Болгарскими кинематографистами был подготовлен документальный фильм «Древние славянские культуры», который разослан по каналам ЮНЕСКО в заинтересованные страны и служит средством популяризации славянских культур.

Руководство МАИРСК в качестве коллективного научного консультанта приняло участие в подготовке (по просьбе главной редакции журнала) специального номера «Курьера ЮНЕСКО», посвященного славянским культурам. Различные материалы для номера, включая статьи, фотоочерки, информации, были подготовлены учеными всех славянских стран и переданы в главную редакцию в Париже.

На основании решения первого заседания Бюро МАИРСК был подготовлен в Париже первый номер (на французском и русском языках) Бюллетеня Ассоциации с официальным документом об учреждении МАИРСК, итогами первого заседания Бюро, а также материалами о реализации Славянского проекта ЮНЕСКО. Первый номер Бюллетеня разослан в национальные комиссии ЮНЕСКО и всем членам Совета МАИРСК.

На основании рекомендаций первого заседания Бюро МАИРСК при Институте славяноведения и балканистики АН СССР с осени 1977 г. образована Группа информации, которая в координации с Секретариатом МАИРСК содействовала установлению более тесных контактов между членами Бюро и Совета МАИРСК. Секретариат МАИРСК и Группа информации рассылали в национальные комитеты и членам Совета научную и библиографическую литературу по проблемам славянских культур.

Бюро рассмотрело и одобрило предложенный украинскими славистами проект междисциплинарной научной конференции в Киеве — «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст». Задача конференции состоит в том, чтобы рассмотреть важнейшие аспекты развития славянских культур после второй мировой войны, охарактеризовать закономерности глубоких изменений в сфере культуры, проанализировать взаимодействие славянских культур, характер контактов в области культуры между славянскими и неславянскими народами. Конференция также уделит должное внимание теоретическим вопросам развития современных славянских культур.

На конференции, которая будет проходить в Киеве с 28 мая по 1 июня 1979 г.,

предполагается рассмотреть доклады и сообщения по темам: гуманизм и культура в современном мире; художественная культура славянских народов на современном этапе, ее развитие, завоевания, художественные открытия и многообразие художественных форм и стилей; проблемы взаимобмена и сотрудничества в области культуры между славянскими и неславянскими народами; социально-исторический процесс и развитие культуры славянских народов после второй мировой войны; проблемы традиций и преемственности в современных славянских культурах; методологические принципы комплексного изучения славянских культур; язык и культура; народные культуры в современной культуре славянских народов; роль средств массовой информации в развитии славянских культур; традиции М. Горького и современная мировая культура.

Кроме пленарных и секционных заседаний на конференции предусматривается также проведение «круглого стола», на который выносятся проблемы: традиции славянских культур и современность; средства массовой информации и славянские культуры; современные славянские культуры и мировая культура.

Бюро приняло к сведению сообщения о создании национальных комитетов МАИРСК в Болгарии, Югославии, СССР, Франции, на Украине с включением в их состав широкого круга ученых и деятелей культуры. Бюро рекомендовало оформить национальные комитеты в Чехословакии, Польше и других странах, где уже существует для них база.

Обсудив вопрос о постоянно действующих проблемно-тематических комиссиях МАИРСК, Бюро приняло решение образовать в составе Ассоциации комиссии: по древнеславянским культурам (куратор проф. Э. Георгиев), по славянским культурам XVIII—XIX в. (проф. С. Вольман), по славянским культурам XX в. (А. Флакер), по искусству славян (А. Рышкевич), по распространению знаний по культуре славянских народов (проф. Р. Оти).

Бюро поручило С. Вольману и А. Флакеру подготовить конкретные рекомен-

дации о создании комиссии по ренессансу и барокко в славянских культурах. Кандидатуры представителей упомянутых комиссий, а также ближайшие их планы должны быть рассмотрены на ближайшем заседании Совета Ассоциации. Кроме того, Бюро рассмотрело поступившие предложения по усовершенствованию ныне действующего устава МАИРСК. После внимательного их рассмотрения Бюро единодушно приняло поправки к тексту устава, которые должны быть утверждены на ближайшей ассамблее.

Учитывая необходимость установления более тесных контактов с Международным комитетом славистов, Бюро приняло решение провести в Загребе заседания (3—10 IX 1978) для обсуждения вопросов текущей деятельности МАИРСК, а также ближайших перспектив работы Ассоциации и национальных комитетов в странах — участницах МАИРСК.

В дни проведения заседания Бюро состоялся рабочий симпозиум по проблемам комплексного изучения славянских культур. На симпозиуме с докладами выступили Д. Ф. Марков (СССР) — «Проблемы комплексного изучения славянских культур и задачи МАИРСК» и А. Соля (Франция) — «Методологические вопросы семиотического изучения славянских культур». В обсуждении приняли участие члены Бюро. При этом было выражено пожелание продолжить практику обсуждения проблем методологии изучения славянских культур на последующих форумах Ассоциации.

Во время пребывания в Париже члены Бюро имели возможность посетить Национальный институт восточных языков и культур, Национальный институт славяноведения, культурный центр им. Ж. Помпиду и просмотреть документальный фильм «Древние славянские культуры». Участники заседания единодушно отметили, что работа Бюро проходила в атмосфере искреннего сотрудничества и взаимопонимания, чему немало способствовал г-н Э. Пушна Дасс — директор Отдела по изучению культур ЮНЕСКО.

В. Злыднев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ БОГОМИЛЬСТВА

Изучение богомилства и его взаимосвязей с другими средневековыми движениями и идейными течениями началось уже более ста лет назад¹, но, несмотря на наличие обширной литературы, интерес к этой проблематике несколько не ослабевает. Показательно, что в последние годы появились новые монографические исследования, публикации исторических источников, переизданы некоторые прежние работы²; вместе с тем в историографии высказываются новые точки зрения, продолжают оживленные споры по некоторым вопросам (в частности, о характере так называемой боснийской церкви, о трактовке тех или иных средневековых свидетельств и т. д.).

Несомненная научная актуальность данного круга проблем истории средневекового общества, необходимость суммирования результатов проведенных исследований и определения главных направлений в дальнейшей разработке этой тематики побудили руководителей четырех югославских академий наук и искусств (Македонской, Сербской, Боснии и Герцеговины, Черногорской) провести в Скопье симпозиум «Богомилство на Балканах в свете последних исследований». В работе этого симпозиума, состоявшегося 30 мая — 3 июня 1978 г., приняли участие многочисленные югославские ученые, представители названных выше академий и ряда университетов СФРЮ, а также ученые из СССР, Болгарии, Франции, Турции и США.

На заседаниях симпозиума, проводившегося в новом здании Македонской Академии наук и искусств, было сделано 20 докладов, посвященных различным аспектам и периодам истории богомил-

ского движения, его взаимоотношениям с другими дуалистическими течениями, отражению богомилских символов и идей в памятниках средневековой письменности и искусства, в фольклоре и другим вопросам. Не вызывает сомнений, что такая широкая рассматриваемая проблематики, стремление добиться комплексной разработки истории богомилства явились важной особенностью симпозиума, способствовали определению новых направлений, выработке нового подхода к анализу собранного уже в науке разнообразного и нередко фрагментарного материала.

В соответствии с программой симпозиума сначала были заслушаны доклады Д. Драгойловича (Белград) «Зачатки богомилства на Балканах», Г. Г. Литаврина (Москва) «О социальных воззрениях богомилов» и Др. Ташковского (Скопье) «Классовый и социальный характер богомилов», которые основывались преимущественно на материалах самых ранних исторических свидетельств о богомилстве (т. е. сообщений Козмы пресвитера и др.). Исторические памятники последующей эпохи послужили предметом анализа Ст. Антоляка — «Македонские еретики в западных источниках XI—XII в., Бр. Панова — «О некоторых проблемах богомилства в Македонии в эпоху Комнинов» и Е. П. Наумова — «Сербские средневековые источники о богомилстве».

Большое внимание было уделено освещению богомилских идей, взаимоотношений их учения с доктриной православной церкви, неоманихейством, определенными направлениями в общественной и культурной жизни Западной Европы: доклады Д. Ангелова (София) «Вопросы богомилства в Болгарии», В. Геррерсдорфер (Задар) «Катары — богомилы — трубадуры», С. Алича (Сараево) «Боснийские „крстьяни“ — проблема их происхождения и отношения к неоманихейству», Э. Эсин (Турция), Б. Примова (В. Тырново), Дж. Файна (США). Исследованию произведений македонского фольклора, отражающих в известной мере влияние дуалистических (богомилских) воззрений, был посвящен доклад В. Антич (Скопье). В работе конференции приняли также участие ориенталисты Д. Богданович (Париж), А. Стояновски (Скопье), А. Матковски (Скопье), равно как и специалисты по истории искусства и археологии, чье участие было особенно заметным при обсуждении проблем, связанных с историей средневекового искусства (преимущественно на материалах Боснии) и так называемой боснийской церкви.

Так, в частности, старинные памятники

¹ См., например: Б. П е т р а н о в и ћ. Богомили. Црква босанска и крстьяни. Задар, 1867; статьи Ф. Рачкого, Дж. Даничича (1869—1870) и др.

² См., например, Д. Ангелов. Богомилство в България. София, 1969; Д. Драгойлович. Богомилство на Балкану и у Малој Азији. I. Богомилски родоначелници. Београд, 1974; Й. И ванов. Богомилски книги и легенди. София, 1970 (о франц. издании ее см. ред. Д. Драгойловича: «Балканника», т. VII, Београд, 1976, с. 414—416); Ю. К. Бегунов. Козма пресвитер в славянских литературах. София, 1973; Д. Драгойлович, В. Антич. Богомилство во средновековната изворна граѓа. Скопје, 1978; J. Š i d a k, Studije o «crkvi bosanskoj i bogumilstvu. Zagreb, 1974; F. Š a n j e k. Bosansko-humski krstjani i katarsko-dualisticki pokret u srednjem vjeku. Zagreb, 1975.

ки («стечки») рассматривались в докладах А. Бенаца (Сараево) «Исторический взгляд на изучение стечков», Н. Милетиц (Сараево) «Стечки — археологический и художественный аспект», П. Лекака (Париж), сопоставлявшего стечки с памятниками, приписываемыми так называемым «катарам» в Западной Европе. На симпозиуме были заслушаны также доклады С. Чирковича (Белград) «Глоссы Сречковичева евангелия и учение боснийской церкви» и В. Джурича (Белград) «Боснийская средневековая мпштатура».

Оценивая научные итоги симпозиума, необходимо отметить, что благодаря привлечению широкого круга специалистов разного профиля и разных стран симпозиум вышел за рамки чисто тематической конференции, дав возможность его участникам обменяться мнениями по важным вопросам истории средневекового общества и культуры не только Юго-Восточной Европы, но и Западной Европы и отчасти Азии. В заслушанных докладах содержится много важных и интересных выводов и наблюдений по

истории богомилства, введен в научный оборот новый любопытный материал, определены проблемы, требующие дальнейшей углубленной разработки.

Участники симпозиума, в особенности зарубежные ученые, вместе с тем смогли познакомиться с деятельностью Македонской Академии наук и искусств, ее архива и библиотеки, осмотреть музеи и исторические памятники. В частности, организаторы симпозиума (оргкомитет возглавлял акад. Л. Лапе) предусмотрели посещение церкви св. Пантелеймона в Нерези (близ Скопье), знаменитой своими фресками, и Маркова монастыря. Кроме того, была организована специальная экскурсия, участники которой побывали в Охриде, осмотрели его старинные памятники (собор св. Софии, церкви св. Пантелеймона и Климента) и монастырь св. Наума на берегу Охридского озера, посетили раскопки древних городов Стоби и Гераклея, познакомились с экспозицией и фресками церкви св. Димитрия (Варош) близ г. Прилеп.

Е. П.

CONTENTS

<i>Mikhutina I. V.</i> Problems of struggle against Fascism and War Menace in the Countries of Central and South Eastern Europe, 1935—1939. <i>Teljnov V.</i> To the Preparation of the Peace Treaty with Bulgaria. 1946. <i>Tesemnikov V. A.</i> The Revolutionary Movement of Yugoslav youth between Two world wars in the works of the Yugoslav Historians. <i>Vinogradov V. N.</i> Lord Kastlereagh and the Balkans. <i>Tikhomirova V.</i> Development of Patriotic and International Traditions in Modern Polish Poetry. <i>Ivanova T. A.</i> To the History of the Old Slavonic Vocative Case. <i>Galas B. K.</i> The Manuscript O. M. Bodjanskii's Ukrainian-Russian Dictionary	3
--	---

To the history of the Slavonic Studies

<i>Matkovski A.</i> Documentary Facts of A. I. Jatsimirski's Life and Activity 1873—1925	89
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Sizova T. I.</i> Antoni Przygoński. Alfred Lampe. <i>Makovetskaya T. A.</i> Велев. Главни реформи на земеделското правителство. <i>Bibikov M. V.</i> From the History of the Lower Danubian Lands at the Xth—XIIth Centuries. <i>Shtakelberg Ju. I.</i> Alois Přibyl, Karel Liška. Znaky a početě středoečeských měst. <i>Gorskii I. K.</i> «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века». <i>Prokofieva D.</i> Bogdan Zakrzewski. Fredro z paradyzu. <i>Kaliganov I. I.</i> Софроний Врачанский. Жизнеописание. <i>Begunov Ju. K.</i> A Valuable Book for the History of Old South Slav Literatures. <i>L. K.</i> Two Slavist Bibliographies	100
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Lenjshina M.</i> Centenary of the Balkan Peoples Liberation from the Osmanian Yoke. <i>Pashajeva N. M.</i> The Liberation of Bulgaria from the Osmanian Yoke (The Exhibition in the State Public Historical Library). <i>Zlydnev V. I.</i> International Association for Slavonic Cultural Studies and Dissemination. <i>E. W.</i> International Symposium on the History of the Bogomils	118
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Извещаем наших читателей, что в связи с изданием Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР библиографических справочников по славяноведению, с 1979 г. в журнале прекращается публикация библиографий: «Важнейшие статьи и материалы...» и «Содержание иностранных журналов.»

Технический редактор *Е. В. Симицына*

Сдано в набор 11.10.78. Подписано к печати 12.12.78 Т-18378 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,7 Бум. л. 4 Тираж 1205 экз. Зак. 1012

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891